

ФЕДЕРАЛИЗМ

Теория. Практика. История

2 (110), 2023, Т. 28

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации,
заведующая Центром публично-правовых
исследований Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор
РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

заместитель главного редактора,
д.э.н., профессор, заведующий
Центром федеративных отношений
и регионального развития Института
экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института
экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

главный редактор, д.э.н., профессор,
руководитель Научно-исследовательского
объединения Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович

д.э.н., профессор, главный аудитор
Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

д.г.н., профессор, директор Северо-
Кавказского научно-исследовательского
института экономических и социальных
проблем Южного федерального университета

ИЛБИН Владимир Александрович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, научный руководитель
Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

д.э.н., профессор РАН,
главный научный сотрудник ФИЦ
«Информатика и управление» РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации, заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич

к.ю.н., доцент, ректор Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий
Сектором теоретических и прикладных
проблем воспроизводства Института
экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович

академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный
руководитель Центрального экономико-
математического института РАН

МИНАКИР Павел Александрович

академик РАН, д.э.н., профессор, научный
руководитель Института экономических
исследований Дальневосточного отделения РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович

академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель
научного направления «Математическая
экономика» Центрального экономико-
математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

д.э.н., профессор, заведующий отделением
ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна

ответственный секретарь

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

ответственный редактор, д.э.н., доцент

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practices. History

2 (110), 2023, Vol. 28

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.

Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Research
of Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

BAKHITZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS,
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of
Central Economics and Mathematics Institute
of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.

Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Center of Federal Relations
and Regional Development of Institute
of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of
Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.

Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head
of the Research Association of Plekhanov Russian
University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank
of Russia

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor,
Director of the North Caucasus Research Institute
of Economic and Social Problems of Southern
Federal University

ILYIN Vladimir A.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc.
(Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian
Federation, Scientific Director of Vologda Research
Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Chief
Researcher of Federal Research Center «Computer
Science and Control» of the RAS

KURBANOV Rashad A.

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian
University of Economics

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Federal Research Center «Computer Science and
Control» of the RAS

LOBANOV Ivan V.

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector of
Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Subcenter of Theoretical and
Applied Problems of Reproduction of Institute of
Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Physics and
Mathematics), Professor, Scientific Adviser of Central
Economics and Mathematics Institute of the RAS

MINAKIR Pavel A.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Scientific Director of Economic
Research Institute Far Eastern Branch of the RAS

POLTEROVICH Victor M.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Scientific Research
«Mathematical Economics» of Central Economics
and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Department of
Federal Research Center «Computer Science and
Control» of the RAS

SHAKIROVA Diana F.

Secretary of the Board

ODINTSOVA Alexandra V.

Executive Editor, Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○ РЕГИОНЫ И ЦЕНТР

ДРУЖИНИН А.Г., КУЗНЕЦОВА О.В.

Южный вектор в пространственном развитии постсоветской России 5

ОДИНЦОВА А.В.

Преференциальные территории в пространственном развитии
Российской Федерации 27

○ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

БАДИНА С.В.

Прогнозирование издержек на адаптацию жилищного фонда к
меняющимся геоэкологическим условиям (на примере Норильска) 47

БЫЧКОВА С.Г., ДУХОН А.Б., ОБРАЗЦОВА О.И., ЭПШТЕЙН Н.Д.

Направления оценки и региональные различия объема и качественной
структуры рынка жилья в России 66

ЧАЙКОВСКАЯ Л.А.

Основные показатели результативности реализации стратегических
планов 92

○ БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

ЛЫКОВА Л.Н.

Первый квартал 2023 г. для консолидированных бюджетов субъектов
Российской Федерации: сформировавшиеся тенденции и новые
условия 103

БУКИНА И.С.

Реакция бюджетно-налоговой политики на новые вызовы и результаты
исполнения бюджетов в I квартале 2023 г. 121

○ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

МИНАТ В.Н.

Реализация социальных программ в условиях нарастающей
прекаризации труда: региональные аспекты на примере США 139

○ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВАЛЕНТЕЙ С.Д., БАХТИЗИН А.Р., БОРИСОВА С.В.,

КОЛЬЧУГИНА А.В., ЛЫКОВА Л.Н.

Тренды развития субъектов Российской Федерации в условиях
санкций 161

БОБРОВСКИЙ Р.О.

Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России .. 197

CONTENTS

○ REGIONS AND CENTRE

DRUZHININ A.G., KUZNETSOVA O.V.

The Southern Vector in the Spatial Development of Post-Soviet Russia:
the Main Factors and Manifestations..... 5

ODINTSOVA A.V.

Preferential Territories in the Spatial Development of the Russian Federation..... 27

○ SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

BADINA S.V.

Forecasting the Costs for Adapting the Housing Stock to Changing Permafrost
Conditions (the Case of Norilsk)..... 47

BYCHKOVA S.G., DUKHON A.B., OBRAZTSOVA O.I., EPSHTEIN N.D.

Areas of Assessment and Regional Differences in the Volume and Qualitative
Structure of the Housing Market in Russia..... 66

TCHAIKOVSKY L.A.

Key Performance Indicators for the Implementation of Strategic Plans..... 92

○ FISCAL FEDERALISM

LYKOVA L.N.

The First Quarter of 2023 for the Consolidated Budgets of the Subjects of the
Russian Federation: Emerging Trends and New Conditions..... 103

BUKINA I.S.

Fiscal and Tax Policy Response to New Challenges and Budget Performance in
the First Quarter of 2023 121

○ FOREIGN EXPERIENCE

MINAT V.N.

Implementation of Social Programs in Conditions of Increasing
Labor Precarization: Regional Aspects on the Example of the USA 139

○ ANALITICAL NOTES

VALENTEY S.D., BAKHTIZIN A.R. BORISOVA S.V.,

KOL'CHUGINA A.V. LYKOVA L.N.

Trends in the Development of the Subjects of the Russian Federation under
Sanctions..... 161

BOBROVSKIY R.O.

The Role of Withdrawing Foreign Companies in the Economy of Russian
Regions 197

А.Г. ДРУЖИНИН, О.В. КУЗНЕЦОВА

ЮЖНЫЙ ВЕКТОР В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Современные геополитические и геоэкономические процессы сопровождаются кардинальной трансформацией детерминант и трендов пространственной организации российского общества, инициируя пересмотр сложившейся ранее системы региональных балансов и приоритетов, подчас осмысливаемых и обсуждаемых как географически ориентированные (в логике румбового подхода) векторы развития страны. Статья посвящена южному вектору, его динамике, а также многоаспектным факторам и проявлениям, характерным для постсоветского периода. Идентифицированы геополитические (в т.ч. этнополитические) и внешнеэкономические (транспортно-логистические и агропромышленные) предпосылки роста значимости для Российской Федерации территорий ее юга (Юга России). Раскрыт масштаб и оценены конкретные территориальные эффекты (и проблемы) трендового смещения демографического и отчасти экономического потенциала в пользу южных регионов страны (фактически трех десятков крупнейших южнороссийских городов и формируемых на их основе агломераций). Акцентируется устойчиво сохраняющаяся значимость южного вектора в системе федерального регулирования (с эстафетой сфокусированных приоритетов: Чеченская Республика — Краснодарский край — субъекты Крыма — новые регионы Российской Федерации).

Ключевые слова: пространственное развитие, южный вектор, геополитика, геоэкономика, демографические процессы, Юг России, федеральная пространственная политика.

JEL: J11, R12, R53, R58

Масштаб российской территории, дополняемый ее природно-ресурсным, этнокультурным и хозяйственно-селитебным разнообразием, а также сложным и по большинству направлений проблемным геополитическим «многососедством» [1], придает проблематике пространственного развития *ключевой стратегический характер*, выдвигая вопросы балансировки социально-экономических возможностей и интересов не только отдельных субъектов Российской Федерации, но и их макро-региональных группировок в число постоянных и безусловных приоритетов обеспечения национальной безопасности.

В утвержденном в 2019 г. основополагающем профильном федеральном нормативном документе¹ в качестве основной цели обозначено «устойчивое и сбалансированное пространственное развитие Российской Федерации». Ныне в условиях глобальной турбулентности и неизбежного в контексте резко возросшего противостояния в системе «Россия – Запад» переформатирования межрегиональных хозяйственных пропорций возможности для подобного рода устойчивости минимизируются, а сбалансированность (в рамках фундаментальной коррекции территориальных приоритетов социально-экономического развития) оказывается все более дефицитной и критически необходимой.

Постановка проблемы

С начала 2010-х гг. в ориентированном на пространственную тематику российском междисциплинарном дискурсе активно продвигается идея «поворота на Восток» [2], обосновывается восточный вектор региональной [3], инвестиционной [4], демографической [5], энергетической [6] и иного рода политики. В логике реакции на климатические изменения, а также нарастающего геополитического соперничества и глобального дефицита базовых энергетических ресурсов параллельно вновь активизировался интерес к освоению северных (арктических) территорий и акваторий страны [7]. Практически весь постсоветский период (вплоть до рубежного 2022 г.) экономическая система России демонстрировала и выраженную «европоориентированность» [8; 9]. В этой фактической многовекторности пространственного развития (соответствующей «румбовому мышлению» [10]) неизменно присутствует и достаточно ощутимая (ранее уже акцентированная [11–14] и в первом приближении концептуализированная [15]) южная составляющая.

Данная статья являет попытку предложить *системное видение южного вектора* в пространственном развитии постсоветской России, выявить его динамику, а также важнейшие факторы и проявления, в т.ч. в контексте реализуемой федеральной политики. Решение данной задачи опиралось на ряд исходных позиций:

- во-первых, на признание условности и соотносительности (географической и исторической) феномена Юга и южности [16]. Юг при этом одновременно может восприниматься и как совокупность территорий, внешних по отношению к собственно России (например, современный «геоэкономический Юг» [17], «евразийский юг» [9]), и как ее неотъемлемая составная часть, причем для нашей страны (с XV в. «москвоцентричной») в любых ситуациях это нечто обязательным образом локализованное южнее основного экономического и политического ядра страны;

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

- во-вторых, на понимание, что в русле пролонгированной политико-географической и территориально-хозяйственной динамики российский внутренний Юг эволюционирует (в т.ч. мигрирует), видоизменяя и усложняя свою структуру. Если для Московского княжества это линия «Серпухов – Коломна», то для Российского государства XV – начала XVII вв. – полоса от р. Ока до Дикого поля; в последующем столетии – территории современного Черноземья, Дона и Нижнего Поволжья (что нашло воплощение и в первых отечественных схемах экономического районирования [18]), а в дальнейшем – Новороссия и Кавказ. С конца 1990-х гг. постсоветские геополитические изменения позволили вновь скорректировать контур нашего Юга, концептуализируя его в качестве особого макрорегиона Российской Федерации – «Юга России» [19]). Именно так называлась утвержденная российским Правительством в 2001 г. федеральная целевая программа² для регионов Южного федерального округа (ФО) в первоначальных его границах. В настоящее время Югом России можно считать субъекты Федерации Южного ФО в нынешних его границах (включая регионы Крыма), выделенного из него в 2010 г. Северо-Кавказского ФО, а также вошедшие в состав России осенью 2022 г. четыре новых субъекта Российской Федерации;
- в-третьих, исходным моментом анализа является рассмотрение любого рода векторов пространственного развития (включая и собственно южный) именно как долгосрочной сфокусированной локализации активности, возможностей и интересов (социально-экономических и геополитических). С учетом этого Юг России, его пространственные рубежи и в целом селитебная и хозяйственная структура могут одновременно восприниматься и как итог последовательной череды периодов актуализации (и активизации) южного вектора, и как вполне конкретный (здесь и сейчас) ареал его проявления, что, в свою очередь, позволяет идентифицировать сам вектор прежде всего как позиции и приоритетность очерчиваемой и конструируемой им территории во всей многоаспектной пространственной динамике страны (в т.ч. связанной с федеральными решениями, с их эффектами).

***Южный вектор как компенсаторная реакция
на постсоветский трансформационный спад, периферизацию,
приграничный статус территорий и рост этнополитической
нестабильности***

Постсоветский поворот России к ее внутреннему Югу (а именно этому процессу посвящено основное содержание статьи), проявившись не сразу, по основным своим аспектам с разной мерой интенсивности

² Постановление Правительства РФ от 08.08.2021 г. № 581 «О федеральной целевой программе «Юг России».

стал итогом как глобальных процессов и вовлечения в них российских пространств, так и подчас сопряженных с ними внутристрановых и даже сугубо региональных обстоятельств.

Первое постсоветское десятилетие сопровождалось масштабной, превышающей среднероссийский тренд, деградацией хозяйственного потенциала южнороссийских территорий, в первую очередь в связи с их деиндустриализацией. За 1992–1998 гг. численность занятых в экономике 13 субъектов Российской Федерации (далее – субъекты РФ) (с мая 2000 г. сведенных в Южный федеральный округ) сократилась на 25% (по стране в целом – на 18%). При этом, если в 1990 г. среднедушевые доходы населения северокавказских республик составляли 60–75% от среднего по России уровня, то к середине 1990-х гг. они сократились до 25–50%. Устойчиво прирастала численность безработных (в целом за 1992–1999 гг. – в 2,9 раза, что оказалось эквивалентно 18,4% экономически активного населения, причем в Дагестане аналогичный показатель к рубежу 2000-х гг. достиг 28%). На этом фоне снижалось (если учитывать статистику ВРП – таблица 1) и общее присутствие Юга в российской экономике.

Т а б л и ц а 1

*Доля южнороссийских регионов в суммарном ВРП России
(без субъектов РФ Крыма)^{*)}, %*

Субъекты РФ	1995	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021
Республика Адыгея	0,13	0,10	0,09	0,13	0,13	0,14	0,15	0,14
Республика Калмыкия	0,06	0,11	0,05	0,06	0,08	0,09	0,10	0,08
Краснодарский край	2,20	2,38	2,07	2,73	2,95	2,73	2,85	2,66
Астраханская область	0,41	0,49	0,39	0,38	0,49	0,64	0,56	0,55
Волгоградская область	1,39	1,11	1,13	1,15	1,13	1,02	1,04	0,87
Ростовская область	1,87	1,55	1,46	1,75	1,82	1,73	1,83	1,67
Республика Дагестан	0,29	0,36	0,50	0,73	0,87	0,76	0,79	0,68
Республика Ингушетия	0,04	0,05	0,04	0,05	0,08	0,08	0,08	0,06
Кабардино-Балкарская Республика	0,19	0,24	0,20	0,20	0,18	0,18	0,19	0,17
Карачаево-Черкесская Республика	0,12	0,09	0,09	0,12	0,10	0,10	0,10	0,09
РСО-Алания	0,17	0,15	0,17	0,20	0,19	0,18	0,19	0,17
Чеченская Республика	–	–	0,13	0,19	0,24	0,26	0,27	0,22
Ставропольский край	1,29	0,93	0,81	0,88	0,95	0,88	0,90	0,85
Итого по 13 субъектам РФ	8,16	7,56	7,14	8,57	9,22	8,78	9,05	8,21

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

^{*)} Здесь и далее, если указано «без субъектов РФ Крыма», то данные по Республике Крым и г. Севастополю не учитывались в общероссийском показателе (для корректных оценок изменения роли 13 «старых» субъектов РФ).

Ситуация усугублялась превращением юго-восточного макрорегиона в основной (в общероссийском масштабе) ареал проявившихся межэтнических конфликтов и военно-силового противостояния (осетино-ингушский кризис 1992 г., первая чеченская война, актуализированная тема репрессированных народов и др. [20; 21]). Компенсаторной реакцией на данные события (равно как и сопутствующие геополитические риски, мультиплицируемые приграничным статусом 11 южнороссийских субъектов, а также ощутимой дерусификацией этнической структуры всех национальных республик [22]) стала разработка (в 1996–1998 гг.) и реализация (из-за хронического недофинансирования в основном в усеченном объеме [23]) целой череды федеральных целевых программ (по Чеченской республике, Северной Осетии – Алании, Калмыкии, Дагестану и другим территориям; характерно, что из 20 утвержденных в 1993–2001 гг. в России регионально-ориентированных федеральных целевых программ на южнороссийские субъекты были нацелены 16 [23]). Все эти начальные проявления поворота постсоветской России к ее Югу в условиях регионализации и попыток выстраивания отношений федерализма (не всегда эффективных и соответствующих реалиям страны [24]) были инициированы именно *необходимостью купирования острых проблемных ситуаций в регионах*, однозначно классифицируемых в тот период как экономически депрессивные и отсталые [25]. Постепенно усиливалась, впрочем, и сугубо хозяйственная, геоэкономическая мотивация активизации внутрироссийского южного вектора.

Геоэкономические и природно-хозяйственные детерминанты южного вектора пространственного развития Российской Федерации

Углубляющаяся (и интенсивно наращиваемая в первой половине 2000-х гг.) ресурсно-сырьевая специализация российской экономики резко повысила транзитно-коммуникационную ценность южнороссийских территорий, чему благоприятствовал в т.ч. ввод в эксплуатацию в 2001 г. нитки пересекающего Юг России нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума. В результате при четко сохраняющейся нефтеналивной ориентации (до середины 2000-х гг. через Причерноморье проходила половина всех отгружаемых через российские морские порты наливных грузов; затем к 2010 г. данный показатель снизился до 33%, оставаясь на этом уровне и поныне) суммарный грузооборот российских морских портов Азово-Черноморского бассейна только за 1998–2005 гг. вырос в 2,3 раза, демонстрируя далее (в усложнившейся конъюнктуре и условиях волатильности после глобального кризиса 2008 г.) устойчивую тенденцию к росту в среднем на 5–6% в год, что не менее чем на процентный пункт превышало общую по стране динамику (см. табл. 2).

Возрастало и газотранспортное значение Юга России. В 1997–2002 гг. в этом макрорегионе (в т.ч. непосредственно в черноморской акватории) был реализован другой транзитный мегапроект – «Голубой поток», чьи возможности в дальнейшем оказались дополнены «Турецким потоком» (2017–2019 гг.). Суммарная мощность этих подводных сооружений со-

ставила 47,5 млрд м³ в год, что по ситуации на 2021 г. достигало 30% от совокупного морского газотранспортного потенциала ПАО «Газпром» и могло обеспечить 22% всего фактического объема его экспортных поставок (после диверсии на ветках «Северного потока» приоритетность данного направления многократно возросла).

Т а б л и ц а 2

Распределение грузооборота морских портов России по бассейнам в 2013–2022 гг., %

Бассейны	Ед. изм.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Азово-Черноморский	Млн т	174,4	194,5	232,9	244,0	269,5	272,2	258,1	252,0	256,8	263,6
	%	29,6	31,2	34,4	33,8	34,2	33,3	30,7	30,7	30,7	31,3
Каспийский	Млн т	7,8	7,9	6,7	6,1	3,9	4,8	7,4	8,1	7,0	6,0
	%	1,3	1,3	1,0	0,8	0,5	0,6	0,9	1,0	0,8	0,7
Россия всего	Млн т	589,0	623,4	676,7	721,9	787,0	816,5	840,3	820,8	835,2	841,5
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами до данным Ассоциации морских портов России.

Корреспондирующее с геоэкономическими позициями и интересами России *повышение для нее ценности собственных южных (юго-западных) территорий* (особенно приморских) с начала 2000-х гг. было инициировано и все четче просматриваемой аграрной специализацией страны, устойчивой динамикой ее продовольственного экспорта (см. рис. 1), весомую долю в котором занимает профильная продукция южно-российского сельхозпроизводства (зерновые и подсолнечник).

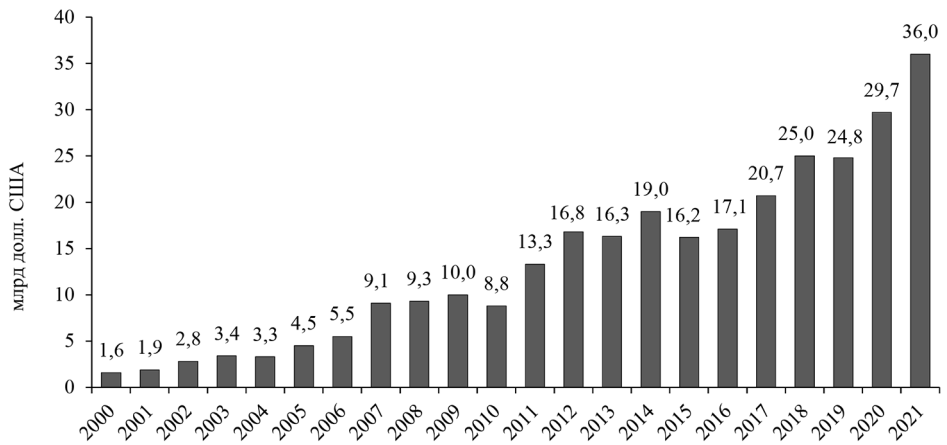

Рис. 1. Объем продовольственного экспорта Российской Федерации, млрд долл.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Ориентируясь на более благоприятные агроклиматические условия и повышенную продуктивность растениеводства (а к концу XX в. урожайность зерновых в Краснодарском крае превышала таковую в Белгородской области в 1,6 раза, Тверской – в 3,7 раза), сельское хозяйство нашей страны уже к середине 2000-х гг. стало ощутимо смещаться в южные широты, прежде всего в регионы Юга России (если в 1990 г. на последние приходилось 17% всех посевных площадей зерновых страны, то в 2005 г. – уже около 22%). Весь постсоветский период стабильно (в логике воссоздающей центрo-периферийные градиенты агропроизводства пространственной диффузии, когда на всех этапах лидерство удерживали Краснодарский край, а далее подтягивающиеся за ним Ростовская область и Ставропольский край) прирастала и доля южнороссийских территорий в совокупном объеме произведенной сельскохозяйственной продукции (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Доля южнороссийских регионов в суммарном объеме промышленной и сельскохозяйственной продукции России (без субъектов РФ Крыма), %

Субъекты РФ	Промышленная продукция					Сельскохозяйственная продукция				
	1990	2000	2010	2019	2021	1991	2000	2010	2019	2021
Республика Адыгея	0,17	0,06	0,07	0,08	0,08	0,31	0,29	0,45	0,44	0,44
Республика Калмыкия	0,05	0,03	0,02	0,02	0,02	0,77	0,17	0,45	0,48	0,35
Краснодарский край	2,03	1,20	1,54	1,62	1,57	4,92	6,20	7,48	7,19	7,21
Астраханская область	0,35	0,39	0,27	0,62	0,53	0,73	0,40	0,81	0,87	0,82
Волгоградская область	1,62	1,20	1,61	1,45	0,80	2,38	2,16	2,44	2,57	2,86
Ростовская область	2,35	1,20	1,50	1,53	1,52	3,46	3,60	4,41	4,92	5,29
Республика Дагестан	0,35	0,12	0,12	0,10	0,07	1,23	1,06	1,93	2,30	2,32
Республика Ингушетия	0,38	0,02	0,01	0,01	0,01	0,62	0,11	0,13	0,19	0,20
Чеченская Республика		—	0,05	0,05	0,05		—	0,44	0,56	0,58
Кабардино-Балкарская Республика	0,33	0,13	0,11	0,06	0,06	0,62	1,05	0,96	0,95	0,88
Карачаево-Черкесская Республика	0,18	0,06	0,08	0,05	0,05	0,46	0,40	0,61	0,55	0,50
РСО-Алания	0,28	0,09	0,07	0,04	0,05	0,38	0,36	0,69	0,55	0,49
Ставропольский край	1,12	0,60	0,68	0,54	0,59	2,96	2,54	3,28	3,39	3,72
Итого по 13 субъектам	9,21	5,10	6,13	5,55	5,40	18,84	18,34	24,08	24,96	25,66

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

В итоге по статистике за 2021 г. в пятнадцати южнороссийских субъектах РФ (т.е. включая Крым) был сконцентрирован 21% всех сельскохозяйственных угодий России, 21,4% ее посевных площадей,

26,4% площадей зерновых, 26,8% подсолнечника, 46% овощей. Юг России обеспечивал при этом 40% производства всего российского зерна, 33% подсолнечника, 47% овощей, 49% плодов и ягод и 72% винодельческой продукции. Этот выраженный южный вектор в развитии аграрной экономики страны (все более ориентированной на динамично прирастающий спрос на продовольствие государств юга Евразии [9]) *сочетается со столь же масштабными геодемографическими процессами*, обуславливающими значимость Юга России как одного из основных полюсов притяжения населения страны, *и поддерживается* указанными процессами.

***Смещение на Юг населения современной России:
региональные и локальные особенности***

Принято подмечать [26–28], что локализации населения в России присуща выраженная столицеориентированность, и во-многом это действительно так. Но параллельно на отдельных временных этапах в селитебных приоритетах *на первый план выходил и фактор юга* с его относительно более благоприятными (в т.ч. по природно-климатической комфортности [29]) условиями проживания. Именно на Юг России (а не столичный регион) пришелся и трансформационно-стрессовый пик миграции конца 1980-х – начала 1990-х гг. Так, в частности, в 1990 г. суммарное положительное сальдо миграции по всем его регионам составило 225 тыс. чел., в то время как для Москвы с Московской областью – 192 тыс. (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Миграционный прирост населения, тыс. чел.

Субъекты РФ	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2021
Москва	158	239	237	236	186	113	22
Московская область	34	80	50	104	114	88	113
Итого по Московскому региону	192	319	287	340	300	201	135
Санкт-Петербург	12	18	17	60	77	26	24
Ленинградская область	10	21	14	25	26	12	38
Итого по Санкт-Петербургскому региону	22	39	31	85	103	38	62
Краснодарский край	53	82	31	36	23	59	41
Ростовская область	36	38	17	9	7	1	15
Ставропольский край	34	35	13	18	9	- 1	3
Республика Крым	–	–	–	–	–	1	12
Севастополь	–	–	–	–	–	55	16
Итого по миграционно привлекательным регионам Юга (юго-запада) России	123	155	61	63	37	115	87

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Позднесоветская миграционная привлекательность Юга России (подкрепленная связанными с разрушением СССР трансграничными потоками беженцев и вынужденных переселенцев), снижаясь всю вторую половину 1990-х гг., фактически обнулилась к 2003 г., когда незначительную аттрактивность для населения демонстрировали лишь Краснодарский и Ставропольский края. Затем, спустя десятилетие, она вновь ощутимо возросла в «посткрымском» контексте: первоначально – за счет притока россиян в г. Севастополь, в дальнейшем – переселения в регионы российского Юга наших соотечественников из сопредельных территорий Украины. В результате именно миграционно привлекательные южнороссийские регионы (по итогам 2021 г. в их число не входят Астраханская область, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия и Чечня) с середины 2010-х гг. вновь стали вторым в стране (после Москвы и Подмосковья) ареалом притяжения населения. В целом же за постсоветский период (если оставить за рамками анализа Крым) численность населения выросла в 9 из 13 регионов Юга России (см. табл. 5). Характерно, что лишь в Краснодарском и отчасти Ставропольском крае этот рост не сопровождался ощутимым снижением в этнической структуре удельного веса русских.

Т а б л и ц а 5

**Изменение численности населения регионов Юга России
(без субъектов РФ Крыма) за межпереписной период 1989–2021 гг.**

Субъекты РФ	1989		2021		Динамика за 1989–2021	
	Число жителей, тыс. чел.	% русских	Число жителей, тыс. чел.	% русских	Тыс. чел.	1989 к 2021, раз
1	2	3	4	5	6	7
Республика Адыгея	433	68,0	496	57,9	+ 63	1,15
Республика Калмыкия	323	37,4	267	24,5	- 56	0,83
Краснодарский край	5 113	86,7	5 838	87,2	+ 725	1,14
Астраханская область	998	72,0	960	57,0	- 38	0,96
Волгоградская область	2 594	89,1	2 500	82,6	- 94	0,96
Ростовская область	4 309	89,6	4 200	85,8	- 109	0,97
Республика Дагестан	1 802	9,2	3 182	3,2	+ 1 380	1,77
Чеченская Республика	1 276	24,8	1 511	1,2	+ 745	1,58
Республика Ингушетия		13,2	510	0,6		
Кабардино-Балкарская Республика	760	32,0	904	19,3	+ 144	1,19
Карачаево-Черкесская Республика	418	42,4	470	31,4	+ 52	1,12

О к о н ч а н и е т а б л . 5

1	2	3	4	5	6	7
РСО-Алания	634	29,9	687	17,8	+ 53	1,08
Ставропольский край	2 857	84,0	2 908	82,2	+ 51	1,02
Итого по 13 субъектам РФ	21 517	69,8	24 433	62,9	2 916	1,14

Источник: составлено авторами по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2021 г.

Превалирующий вектор миграционных потоков, а также редкая для постсоветской России устойчивая (в 1,5–2 раза превышающая среднероссийский уровень) динамика рождаемости в северокавказских регионах, в первую очередь Дагестане, Чечне и Ингушетии, инициировали трендовое смещение российского демографического потенциала в пользу Юга.

Так, согласно данным переписей, доля 13 «докрымских» южнороссийских регионов в населении РСФСР в 1989 г. составляла 14,6% (21,5 млн чел.), в 2002 г. (уже в формате Российской Федерации) – 15,8% (22,9 млн), в 2010 г. – 16,2% (23,2 млн). За 1989–2021 гг. прирост численности населения Юга России (без Крыма) составил в итоге 2,7 млн чел. Это в 2,2 раза уступает аналогичному общему приращению населения по Москве и Московской области (5,9 млн), но при этом в 3 раза превышает суммарный показатель по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (0,9 млн). Если не принимать во внимание политико-географические изменения 2014 г., то 43% пришедшегося на Юг России прироста численности населения обеспечили Дагестан, 23% – Чечня и Ингушетия, 22% – Краснодарский край. Характерно также, что более 90% всего постсоветского демографического прироста Юга аккумулировали 30 ведущих (с числом жителей 100 тыс. и более) локализованных в макрорегионе городов. Наиболее интенсивно при этом приросло население в пределах Краснодарско-Новороссийской конурбации (на 839 тыс.) и Махачкалинской агломерации (635 тыс.). Геополитические обстоятельства южного вектора пространственного развития постсоветской России, впрочем, также оказались существенными. Причем не только для селитебной системы, но и для экономической динамики территорий, стимулируемой мерами федеральной поддержки.

***Геополитический аспект поворота на Юг:
демографо-экономические следствия в контексте мигрирующих
приоритетов федеральных вложений***

В постсоветский период Юг России оказался единственным макро-регионом страны, характеризующимся «пульсирующей миграцией» своих внешних границ с сопутствующим приращением ресурсно-экономического и демографического потенциала.

В 2000 г. в связи с завершением контртеррористической операции на Северном Кавказе в единое пространство Российской Федерации была де-факто возвращена Чеченская Республика (за последующие годы ее регистрируемое население возросло более чем на треть, а доля в суммарном российском ВРП удвоилась), ставшая приоритетным реципиентом средств федерального бюджета (см. табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Доля Чеченской Республики в безвозмездных поступлениях и инвестициях в основной капитал из федерального бюджета

Годы	Объем безвозмездных поступлений, млрд руб.	% в масштабе Российской Федерации	Объем федеральных инвестиций в основной капитал, млрд руб.	% в масштабе Российской Федерации
2006	28,09	4,82	10,90	4,08
2007	58,88	9,41	11,30	2,62
2008	58,65	5,18	29,26	5,44
2009	59,15	3,98	18,69	2,70
2010	56,14	4,02	15,34	2,32
2011	69,45	4,23	17,95	2,10
2012	66,68	4,11	21,44	2,31
2013	53,29	3,52	8,63	0,85
2014	56,88	3,41	8,50	0,91
2015	60,97	3,77	12,10	1,02
2016	56,12	3,56	6,27	0,60
2017	62,09	3,65	6,96	0,70
2018	64,51	3,10	8,94	0,91
2019	78,69	3,21	20,72	1,95
2020	106,40	2,82	21,93	1,72
2021	113,66	3,09	25,83	1,93

Источник: составлено авторами по данным Федерального казначейства (отчетов по исполнению консолидированных бюджетов субъектов РФ за январь-декабрь) и Росстата (базе данных ЕМИСС).

С марта 2014 г. кластер южнороссийских регионов пополнился Республикой Крым и г. Севастополем. Эти 27 тыс. км² территории одномоментно прирастили численность российского населения к югу от 50-й параллели почти на 10%, а суммарный (по макрорегиону) ВРП — на 4,5%. Их инкорпорирование в социально-экономическое пространство Российской Федерации также обеспечивалось повышенной

федеральной бюджетной подпиткой, в 3–3,5 раза превышающей средние по России показатели межбюджетных трансфертов, а также инвестициями в основной капитал (особо существенными в масштабе страны в 2017–2018 гг. — таблица 7).

Т а б л и ц а 7

**Безвозмездные поступления и инвестиции в основной капитал
из федерального бюджета в Республике Крым и г. Севастополе**

Субъекты РФ	Ед. изм.	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Безвозмездные поступления из федерального бюджета</i>									
Республика Крым	Млрд руб.	105,31	66,12	79,71	100,82	121,92	129,75	163,10	138,61
	% от РФ	6,31	4,09	5,05	5,92	5,85	5,29	4,32	3,77
г. Севастополь	Млрд руб.	19,45	12,82	12,35	18,46	25,56	22,05	42,89	43,50
	% от РФ	1,17	0,79	0,78	1,08	1,23	0,90	1,14	1,18
<i>Инвестиции в основной капитал из федерального бюджета</i>									
Республика Крым	Млрд руб.	2,63	4,62	16,31	81,58	125,90	94,87	84,69	44,78
	% от РФ	0,28	0,39	1,56	8,21	12,86	8,92	6,62	3,34
г. Севастополь	Млрд руб.	0,61	1,97	9,06	19,41	8,24	25,21	13,44	18,50
	% от РФ	0,06	0,17	0,86	1,95	0,84	2,37	1,05	1,38

Источник: составлено авторами по данным Федерального казначейства (отчетов по исполнению консолидированных бюджетов субъектов РФ за январь — декабрь) и Росстата (база данных ЕМИСС).

Меры приоритетной поддержки Крыма обеспечили опережающие (в сопоставлении в Россией в целом) темпы его социально-экономической динамики. Если в целом по Российской Федерации за 2015–2021 гг. розничный товарооборот вырос в 1,43 раза, то в субъектах Крыма — в 1,52 раза; среднедушевые денежные доходы населения (также номинальные) — в 1,33 (вся Россия), 1,68 (Республика Крым) и 1,86 (Севастополь).

Проявившаяся в ситуации Крыма демографическая детерминанта регионального экономического развития в полной мере прослеживается и в остальном контуре Юга России: доля его 13 «старых» субъектов РФ в ВРП страны за 1995–2020 гг. выросла на 10%, в населении — на 8,5%

(при этом весьма показательно, что прирост доли Юга в российской экономике на 38% обеспечил Краснодарский край и на 33% Дагестан). Сама экономика российского Юга в целом сохраняет при этом высокую степень зависимости от межбюджетных трансфертов и внешних рынков труда. Практически не преодолены в ней и последствия постсоветской деиндустриализации, а в сельской местности отчасти сохраняются проявления хозяйственной архаики (объем сельхозпродукции на 1 занятого в Дагестане почти трехкратно уступает Краснодарскому краю, в Чечне — в 6,5 раза!) и, соответственно, латентного аграрного перенаселения.

Непоследовательность, фрагментарность и неустойчивость поворота российской экономики на Юг обусловлена и ситуацией в инвестиционной сфере (см. рис. 2). Поступательная динамика предопределялась здесь либо непосредственно федеральными ассигнованиями, либо эффектами реализуемых (в т.ч. в геостратегических интересах) мегапроектов, наподобие Крымского моста и в еще большей мере комплекса мероприятий по проведению Зимних Олимпийских игр в г. Сочи, позволивших Краснодарскому краю на шестилетний период резко (в 1,7–1,8 раза) нарастить инвестиции в основной капитал (в 2010–2013 гг. край по этому показателю уступал лишь непосредственно самой Москве).

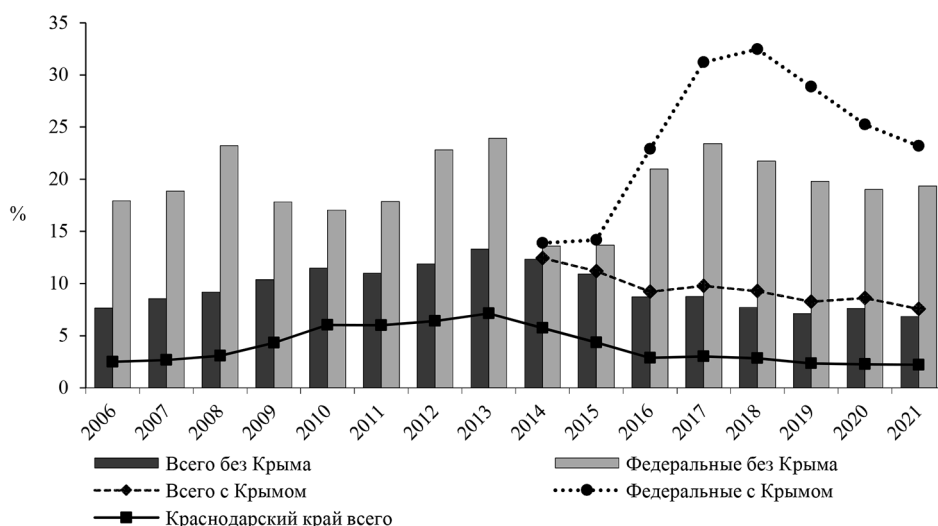

Рис. 2. Удельный вес южнороссийских регионов в инвестициях в основной капитал — всего и за счет средств федерального бюджета, %

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

С осени 2022 г. в положении привилегированного бенефициара южного вектора федеральной поддержки оказываются ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области. Существенный износ инфраструктуры на этих территориях [30], вызванное военными действиями ее фактическое разрушение, а также повышенная (особенно в ДНР и ЛНР)

доля в населении лиц, нуждающихся в пенсионном обеспечении (согласно данным Укрстата за 2021 г., в этих четырех регионах в возрасте старше 60 лет и более — около 2,4 млн чел.³) — объективным образом иницирует перефокусировку российских бюджетных приоритетов.

Южный вектор федеральной поддержки в итоге еще явственнее будет демонстрировать не только свою множественную региональную распределенность (с фактической ориентацией и на полюсы развития, и на ареалы демографического роста, и на территории с особым геополитическим статусом), но и подобие эстафеты (от северокавказских регионов и Краснодарского края к Крымскому полуострову и, далее, четырем новым субъектам РФ). Роль федеральной составляющей в пространственном развитии российского Юга будет при этом в *среднесрочной перспективе* только *возрастать*.

***Юг России в федеральной пространственной политике:
единое целое или два-три макрорегиона?***

Отсутствие *целостного видения Юга России*, южного вектора социально-экономического развития страны проявляется не только в рамках распределения федеральных инвестиций в основной капитал по южнороссийским регионам, но и в федеральной пространственной политике в целом. О некотором единстве федеральной политики в отношении Юга России можно было говорить, пока существовал единый Южный федеральный округ из 13 субъектов Федерации (до выделения из ЮФО Северо-Кавказского ФО), была принята уже называвшаяся федеральная целевая программа «Юг России». С созданием сначала Северо-Кавказского ФО (в 2010 г.), а потом в 2014 г. и отдельного федерального министерства — по делам Северного Кавказа (просуществовавшего до начала 2020 г.) Северный Кавказ со всей очевидностью превратился в самостоятельный объект федеральной региональной политики.

С присоединением к России Республики Крым и г. Севастополя Крым также стал самостоятельным объектом федеральной политики. До середины 2016 г. существовал Крымский федеральный округ, до середины 2015 г. — Министерство Российской Федерации по делам Крыма. Включение регионов Крыма в Южный ФО означало скорее завершение основной части мероприятий по включению Крыма в общероссийское правовое поле, нежели реальную утрату его регионами своего особого положения.

Сложившаяся ситуация была закреплена в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. В представленном в ней перечне приоритетных геостратегических территорий России названы Республика Крым и г. Севастополь (как субъекты РФ, характеризующиеся эксклавым положением) и субъекты РФ

³ Статистичний збірник «Регіони України». 2020. Частина I. — Київ: Державна служба статистики України, 2021. 276 с.

Северного Кавказа. Остальные (помимо Крыма) регионы Южного ФО к приоритетным геостратегическим не относятся, хотя Астраханская, Волгоградская, Ростовская области и Краснодарский край вошли в перечень приграничных геостратегических территорий. Реально значимое федеральное внимание уделяется именно приоритетным геостратегическим территориям⁴. Для обеспечения их социально-экономического развития созданы специальные правительственные комиссии⁵, разработаны и реализуются отдельные государственные программы (в рамках направления «Сбалансированное региональное развитие»), предусматриваются особые преференциальные режимы ведения хозяйственной деятельности, например, Свободная экономическая зона в Крыму⁶. Северный Кавказ, правда, является *исключением из этого правила* — для него специальный режим поддержки инвесторов разработан не был, но зато в каждом субъекте Федерации есть особые экономические зоны, созданные в соответствии с общим для всех субъектов РФ федеральным законом⁷.

Нельзя сказать, что другим, не приоритетным, геостратегическим регионам Юга России федеральные власти вообще не уделяют внимания. В той же Стратегии пространственного развития Российской Федерации неоднократно упоминается международный транспортный коридор «Север — Юг», значимый для социально-экономического развития южнороссийских регионов. В Астраханской области создан Каспийский кластер из двух особых экономических зон — портовой и промышленно-производственной⁸. По Адыгее и Калмыкии как двум самым проблемным субъектам Южного ФО утверждены индивидуальные программы их социально-экономического развития на период до 2024 г.⁹ Созданы территории опережающего развития в моногородах Ростовской области (Гуково, Зверево, Донецк) и Волгоградской (Михайловка) [31]. Но это опять-таки набор разноплановых, фрагментарных решений. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа (а на сегодняшний день в России де-факто сохраняется практика разработки стратегий именно по федеральным округам) была утверждена на период до 2020 г. еще в 2011 г., после чего пересматривалась только

⁴ В таковые входят еще Калининградская область, Дальний Восток и Арктическая зона Российской Федерации.

⁵ Для южнороссийских регионов — Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя и Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа.

⁶ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и Свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

⁷ Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Подробнее см. [31].

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2020 г. № 1792 «О создании на территории Астраханской области портовой особой экономической зоны и Каспийского кластера».

⁹ Распоряжениям Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2020 г. № 1043-р по Адыгее и от 12 апреля 2020 г. № 992-р по Калмыкии.

в 2014 г.¹⁰ и на сегодняшний день очевидно *утратила актуальность* (да и в момент появления вызывала немало нареканий). С Северным Кавказом *ситуация лучше* — новая стратегия развития СКФО появилась около года назад¹¹.

Не отрицая необходимость решения специфичных проблем Северного Кавказа, Крыма, новых (вошедших в состав России в 2022 г.) субъектов Федерации (которые пока не включены ни в один из федеральных округов), важно, на наш взгляд, разрабатывать единую стратегию развития Юга России, увязывая воедино все вопросы, имеющие отношение к определению роли этой территории в экономике страны и ее внешним связям в современных геополитических и геоэкономических условиях.

* * *

Положение южнороссийских территорий в постсоветском контексте двояко и противоречиво. С одной стороны, первоначально, в силу геостратегических ориентиров, а также превалирующих центростремительных процессов они оказались в незавидном положении «заднего двора» огромной страны со всем шлейфом сопутствующих проблемных ситуаций и обстоятельств. Этот «двор» отчасти прирастал населением, видоизменял свой этнодемографический облик, становясь все более разнородным, фрагментированным. С другой стороны (по сути, а не в декларациях), поэтапно расширяющий свое пространство российский Юг являл миграционную привлекательность, наращивал транзитно-коммуникационную значимость, экспортные возможности, внутренний потребительский потенциал, выступая также приоритетным бенефициаром федерального регулирования. Все это позволяет идентифицировать в пространственном развитии Российской Федерации выраженный южный вектор, чьи масштаб и перспективы напрямую корреспондируют ныне не только с геополитическими трендами, но и с макроэкономической динамикой.

Список литературы

1. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.
2. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029.
3. Лексин В.Н. Региональная политика России и ее «восточный вектор» // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 4. С. 33–48.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 1538-р (ред. от 26 декабря 2014 г.) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года».

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года».

4. Кузнецова О.В. «Восточный вектор» инвестиционных связей России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2. С. 47–56.
5. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Восточный вектор демографического развития России // Народонаселение. 2015. № 1. С. 4–16.
6. Энергетический вектор восточной геополитики России: Выбор путей транспортировки нефти на Дальний Восток, в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона / В.И. Якунин, Б.Н. Порфирьев, А.А. Арбатов и др. М.: Экономика, 2006. 136 с.
7. Лаженцев В.Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 2. С. 353–365.
8. Большая Европа: идеи, реальность, перспективы / отв. ред. А.А. Громыко, В.П. Федоров. М.: Институт Европы Российской академии наук, 2014. 704 с.
9. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общест-венно-географический анализ. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 270 с.
10. Мартынов В.Л. «Четыре стороны России»: основные тенденции макро-регионального развития // Псковский регионологический журнал. 2018. № 4. С. 3–19.
11. Кулешов В.В., Селивестров В.Е. Роль Сибири в пространственном раз-витии России и ее позиционирование в Стратегии пространственного разви-тия РФ // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 3–24.
12. Маруев А.Ю., Карпенко А.О. Военно-политические аспекты формирова-ния интересов России на южном геополитическом векторе // Военная мысль. 2009. № 11. С. 9–16.
13. Тренин Д.В. Южный вектор // Россия и мусульманский мир. 2005. № 9. С. 30–39.
14. Томберг И.Р. Южный вектор российской газовой геополитики // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 100–105.
15. Дружинин А.Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы ак-туализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 5–16.
16. Дружинин А.Г. Российский Юг: подходы и критерии делимитации // Ученые записки Крымского федерального университета. География. Геология. 2022. № 2. С. 3–13.
17. Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27.
18. Вальская Б.А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. // История географических знаний. Вопросы географии. Сб. 17. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. С. 139–201.
19. Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 43–49.
20. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том IV. Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Южный научный центр РАН, 2009. 120 с.
21. Суший С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы пер-вой трети XXI века. М.: Ленанд, 2013. 432 с.
22. Дружинин А.Г. Юг России конца XX – начала XXI вв. (экономико-гео-графические аспекты). Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2005. 283 с.

23. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: УРСС, 2002. 304 с.
24. Валентей С.Д. Российские реформы и российский федерализм // *Федерализм*. 1996. № 1. С. 23–36.
25. Лексин, В.Н., Швецов А.Н. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья вторая. Реформы и целостность государства. Проблемы территориальной дифференциации и дезинтеграции // *Российский экономический журнал*. 1999. № 11-12. С. 36–44.
26. Кузнецова О.В. Москва как объект федеральной региональной политики // *Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2016. № 1. С. 606–621.
27. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская агломерация и «Новая Москва» // *Pro et contra*. 2012. № 6 (57). С. 19–32.
28. Вендина О.И. Мигранты в российских городах // *Отечественные записки*. 2012. № 3 (48). С. 216–229.
29. Виноградова В.В. Изменение природно-климатической дискомфортности в XX–XXI вв. на территории России // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2018. № 3. С. 30–39.
30. Половян А.В., Лепя Р.Н., Гриневская С.Н. Экономика территорий с вновь образованной государственностью – Донецкая Народная Республика // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 1 (166). С. 99–107.
31. Кузнецова О.В. География особых экономических зон и их аналогов в России // *Региональные исследования*. 2020. № 4. С. 19–31.

References

1. Prostranstvo sovremennoi Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiia (razmyshleniia geografov-obshchestvovedov) [The Space of Modern Russia: Opportunities and Barriers of Development (Reflections of Human Geographers)], edited by A.G. Druzhinin, V.A. Kolosov, V.E. Shuvalov. Moscow, «Vuzovskaia kniga», 2012, 336 p. (In Russ.).
2. Minakir P.A. Ozhidaniia i realii politiki “povorota na vostok” [Expectations and Realities of the Policy of “Turn to the East”], *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2017, Vol. 13, Iss. 4, pp. 1016–1029. (In Russ.).
3. Leksin V.N. Regional'naia politika Rossii i ee “vostochnyi vector” [Russian Regional Policy and its “Eastern Vector”], *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and State-Management Design], 2014, Vol. 7, No. 4, pp. 33–48. (In Russ.).
4. Kuznetsova O.V. “Vostochnyi vector” investitsionnykh svyazei Rossii [“Eastern Vector” of Russian Investment Relation], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2018, Vol. 62, No. 2, pp. 47–56. (In Russ.).
5. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. Vostochnyi vektor demograficheskogo razvitiia Rossii [Eastward Vector of the Demographic Development of Russia], *Narodonaselenie* [Population], 2015, No. 1, pp. 4–16. (In Russ.).
6. Energeticheskii vektor vostochnoi geopolitiki Rossii: Vybor putei transportirovki nefti na Dal'nii Vostok, v Kitai i strany Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [The Energy Vector of Russia's Eastern Geopolitics: The Choice of Ways to Transport Oil to the Far East, China and the Countries of the Asia-Pacific Region], V.I. Iakunin, B.N. Porfir'ev, A.A. Arbatov et al. Moscow, *Ekonomika*, 2006, 136 p. (In Russ.).

7. Lazhentsev V.N. Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo i territorial'noe razvitie Severa i Arktiki [Socio-Economic Space and Territorial Development of the North and the Arctic of Russia], *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2018, Vol. 14, No. 2, pp. 353–365. (In Russ.).

8. Bol'shaia Evropa: idei, real'nost', perspektivy [Greater Europe: ideas, reality, prospect], edition by Gromyko A.A., Fedorov V.P. Moscow, Institut Evropy Rossiiskoi akademii nauk, 2014, 704 p. (In Russ.).

9. Druzhinin A.G. Idei klassicheskogo evraziistva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskii analiz [Ideas of Classical Eurasianism and Modernity: Socio-Geographical Analysis]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2021, 270 p. (In Russ.).

10. Martynov V.L. "Chetyre storony Rossii": osnovnye tendentsii makroregional'nogo razvitiia ["Four Corners of Russia": Main Tendencies of Macroregional Development], *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 2018, No. 4, pp. 3–19. (In Russ.).

11. Kuleshov V.V., Selivestrov V.E. Rol' Sibiri v prostranstvennom razvitiu Rossii i ee pozitsionirovanie v Strategii prostranstvennogo razvitiia RF [Siberia's Role in the Spatial Development of Russia and its Positioning in the Russian Federation Spatial Development Strategy], *Region: ekonomika i sotsiologiia* [Region: Economics and Sociology], 2017, No. 4 (96), pp. 3–24. (In Russ.).

12. Maruev A.Iu., Karpenko A.O. Voenno-politicheskie aspekty formirovaniia interesov Rossii na iuzhnom geopoliticheskom vektore [Military-Political Aspects of the Formation of Russia's Interests in the Southern Geopolitical Vector], *Voennaia mysl'* [Military Thought], 2009, No. 11, pp. 9–16. (In Russ.).

13. Trenin D.V. Iuzhnyi vektor [Southern Vector], *Rossii i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim World], 2005, No. 9, pp. 30–39. (In Russ.).

14. Tomberg I.R. Iuzhnyi vektor rossiiskoi gazovoi geopolitiki [The Southern Vector of Russian Gas Geopolitics], *Vostochnaia analitika* [Eastern Analytics], 2011, No. 2, pp. 100–105. (In Russ.).

15. Druzhinin A.G. "Iuzhnyi vektor" geostrategii Rossiiskoi Federatsii v sovremennom global'nom i evraziiskom kontekste: sistemnye faktory aktualizatsii [The "Southern Vector" of the Geostrategy of the Russian Federation in the Modern Global and Eurasian Context: Systemic Factors of Actualization], *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2022, No. 1, pp. 5–16. (In Russ.).

16. Druzhinin A.G. Rossiiskii Iug: podkhody i kriterii delimitatsii [The Russian South: Approaches and Criteria of Delimitation], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Geografiia. Geologiia* [Scientific Notes Crimean Federal University. Geography. Geology], 2022, No. 2, pp. 3–13. (In Russ.).

17. Iakovlev P.P. Global'nyi Iug: kontseptual'nye podkhody i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy [Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 6–27. (In Russ.).

18. Val'skaia B.A. Obzor opytov raionirovaniia Rossii s kontsa XVIII v. po 1861 g. [Review of the Experiences of Zoning of Russia from the End of the XVIII Century to 1861], *Istoriia geograficheskikh znani. Voprosy geografii. Sbornik 17* [History of geographical knowledge. Questions of geography. Collection 17], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1950, pp. 139–201. (In Russ.).

19. Druzhinin A.G. Iug Rossii: poniatiino-terminologicheskaiia kontseptsii i territorial'nye realii [The South of Russia: Conceptual and Terminological Concept and Territorial Realities], *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus], 1999, No. 3, pp. 43–49. (In Russ.).

20. Matishov G.G., Batiev L.V., Pashchenko I.V. Atlas sotsial'no-politicheskikh problem, ugroz i riskov Iuga Rossii. Tom IV. Prichiny i obstoiatel'stva rosta napriazhennosti, poisk putei stabilizatsii na Severnom Kavkaze [Atlas of Socio-Political Problems, Threats and Risks of the South of Russia. Vol. IV. Causes and Circumstances of the Growth of Tension, the Search for Ways to Stabilize the North Caucasus]. Rostov-on-Don, Iuzhnyi nauchnyi tsentr RAN, 2009, 120 p. (In Russ.).

21. Sushii S.Ia. Severnyi Kavkaz: realii, problemy, perspektivy pervoi treti XXI veka [North Caucasus: Realities, Problems, Prospects of the First Third of the XXI Century]. Moscow, Lenand, 2013, 432 p. (In Russ.).

22. Druzhinin A.G. Iug Rossii kontsa XX – nachala XXI vv. (ekonomiko-geograficheskie aspekty) [The South of Russia of the Late XX – Early XXI Centuries. (Economic and Geographical Aspects)]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State University, 2005, 283 p. (In Russ.).

23. Kuznetsova O.V. Ekonomicheskoe razvitie regionov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty gosudarstvennogo regulirovaniia [Economic Development of Regions: Theoretical and Practical Aspects of State Regulation]. Moscow, URSS, 2002, 304 p. (In Russ.).

24. Valentei S.D. Rossiiskie reformy i rossiiskii federalizm [Russian Reforms and Russian Federalism], *Federalizm* [Federalism], 1996, No. 1, pp. 23–36. (In Russ.).

25. Leksin, V.N., Shvetsov A.N. Obshcherossiiskie reformy i territorial'noe razvitie. Stat'ia vtoraiia. Reformy i tselostnost' gosudarstva. Problemy territorial'noi differentsiatsii i dezintegratsii [All-Russian Reforms and Territorial Development. Article 2. Reforms and the Integrity of the State. Problems of Territorial Differentiation and Disintegration], *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 1999, No. 11-12, pp. 36–44. (In Russ.).

26. Kuznetsova O.V. Moskva kak ob"ekt federal'noi regional'noi politiki [Moscow as the Federal Regional Policy Object], *Nauchnye trudy. Institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN* [Scientific Works. Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], 2016, No. 1, pp. 606–621. (In Russ.).

27. Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moskovskaia aglomeratsiia i "Novaia Moskva" [Moscow Agglomeration and "New Moscow"], *Pro et contra* [Pro et contra], 2012, No. 6 (57), pp. 19–32. (In Russ.).

28. Vendina O.I. Migranty v rossiiskikh gorodakh [Migrants in Russian Cities], *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2012, No. 3 (48), pp. 216–229. (In Russ.).

29. Vinogradova V.V. Izmenenie prirodno-klimaticheskoi diskomfortnosti v XX–XXI vv. na territorii Rossii [Changes in Natural and Climatic Discomfort in the XX–XXI Centuries. on the Territory of Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 5. Geografiia* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], 2018, No. 3, pp. 30–39. (In Russ.).

30. Polovian A.V., Lepa R.N., Grinevskaia S.N. Ekonomika territorii s vnov' obrazovannoi gosudarstvennost'iu – Donetskaia Narodnaia Respublika [The Economy of Territories Reformed into Statehood: The Donetsk People's Republic], *Problemy prognozirovaniia* [Studies on Russian Economic Development], 2018, No. 1 (166), pp. 99–107. (In Russ.).

31. Kuznetsova O.V. Geografiia osobykh ekonomicheskikh zon i ikh analogov v Rossii [Geography of Special Economic Zones and their Analogues in Russia], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Research], 2020, No. 4, pp. 19–31. (In Russ.).

THE SOUTHERN VECTOR IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF POST-SOVIET RUSSIA: THE MAIN FACTORS AND MANIFESTATIONS

Modern geopolitical and geo-economic processes are accompanied by a radical transformation of the determinants and trends of the spatial organization of Russian society, initiating a revision of the previously established system of regional balances and priorities, sometimes interpreted and discussed as geographically oriented (in the logic of the rhumb approach) vectors of the country's development. The article is devoted to the southern vector, its dynamics, as well as multidimensional factors and manifestation characteristic of the post-Soviet period. The geopolitical (including ethno-political) and foreign economic (transport, logistics and agro-industrial) prerequisites for the growing importance of the territories of its south (South of Russia) for the Russian Federation are identified. The scale is revealed and the specific territorial effects (and problems) of the trend shift of demographic and partly economic potential in favor of the southern regions of the country (in fact, three dozen of the largest southern Russian cities and agglomerations formed on their basis) are evaluated. The steadily continuing importance of the southern vector in the system of federal regulation is emphasized (with a relay race of focused priorities: the Chechen Republic – Krasnodar Krai – the subjects of the Crimea – the new regions of the Russian Federation).

Keywords: spatial development, southern vector, geopolitics, geo-economics, demographic processes, South of Russia, federal spatial policy.

JEL: J11, R12, R53, R58

Дата поступления – 25.04.2023 г.

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

доктор географических наук, профессор, директор;
Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем Южного федерального университета / ул. Большая Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006;
главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук / Нахимовский пр-т, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: alexdru9@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук / Нахимовский пр-т, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Director;
North Caucasus Institute for Economic and Social Research of Southern Federal University / 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006;
Chief Researcher;

Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences / 47,
Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

e-mail: alexdru9@mail.ru

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, RAS Professor, Chief Researcher;

Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences / 47,
Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Южный вектор в пространственном развитии постсоветской России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 5–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-5-26>

А.В. ОДИНЦОВА

ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стратегия пространственного развития включает в себя множество составляющих, направленных, с одной стороны, на обеспечение сбалансированного развития регионов Российской Федерации, с другой — на формирование преференциальных механизмов для территорий, особо требующих привлечения инвестиций и отличающихся негативными трендами развития. В мире накоплен большой опыт функционирования подобных механизмов, что позволяет сформулировать их основные принципы и направленность в рамках пространственного развития современного государства. В статье проанализированы основные цели создания территорий со специальными режимами хозяйствования, а также проблемы, которые требуют внимания при согласовании политики развития преференциальных зон, с одной стороны, и пространственного развития в целом — с другой. Рассмотрены примеры создания и функционирования преференциальных территорий в разных странах мира. Выделены основные этапы в регулировании подобных территорий в России, а также те проблемы, которые имеются на пути их институционализации.

Ключевые слова: преференциальные зоны, преференциальные территории, пространственное развитие, открытые экономические зоны, свободные экономические зоны.

JEL: R11, R12, O18

Важнейшей целью пространственного развития России, отраженной в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г., является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны. Достижение этой цели в условиях сложившегося высокого уровня межрегионального социально-экономического неравенства, недостаточного количества центров экономического роста предполагает обращение к концепциям поляризо-

ванного роста. Последние, помимо прочего, требуют особого внимания к территориям, характеризующимся низким экономическим и демографическим потенциалом. В этой ситуации одним из ведущих вопросов пространственного развития становится *создание условий для привлечения инвестиций* (в т.ч. иностранных), которые смогли бы стать важнейшим фактором инновационного развития территорий. Одним из механизмов, позволяющим стимулировать развитие отсталых, но потенциально жизнеспособных территорий, является *механизм преференциальных экономических зон* (ПЭЗ), в рамках которых определенным территориям предоставляются преимущества, более благоприятные условия в производстве или в доступе их товаров на отечественные и мировые рынки. В мире существует большое количество зон со специальными режимами хозяйствования. В предлагаемой статье мы сконцентрируем внимание главным образом на территориях, развивающихся на принципах свободной торговли — свободных экономических зонах, открытых экономических зонах, территориях опережающего развития.

Остановимся сначала на основных характеристиках территорий со специальными режимами хозяйствования.

Общая характеристика территориальных преференций для предпринимательской деятельности

Мировой опыт показывает, что формирование преференциальных режимов¹ сегодня представляет собой один из результативных механизмов, обеспечивающих привлечение инвестиций в экономику. Главной целью создания ПЭЗ является решение проблемы дефицита инвестиционных, прежде всего долгосрочных, ресурсов².

Преференциальные зоны, или зоны свободной торговли, существуют во многих странах во множестве вариаций и под различными названиями. Для их обозначения наиболее часто используются термины: «свободные экономические зоны»; «зоны свободной торговли»

¹ Термин «преференция» (*praeferentia*) имеет латинское происхождение и переводится как предпочтение, преимущество, льгота.

² На сегодняшний день, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), свободные экономические зоны распространены более чем в 130 странах от Северной и Южной Америки до Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы и Африки (*Les zones franches et les accords commerciaux préférentiels: Le cas de la région arabe* // United Nations Economic and Social Commission for Western Asia. URL: <https://www.unescwa.org/sites/default/files/pubs/pdf/free-zones-preferential-trade-agreements-arab-region-french.pdf>). В докладе конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечается, что если в 1975 г. в 29 странах насчитывалось всего 79 свободных зон, то в 2019 г. их численность увеличилась до 5 400. По данным за 2019 г. подобные зоны функционировали уже более чем в 120 странах, среди них было более 700 экспортно-производственных зон (в т.ч. зоны свободной торговли), около 450 научно-промышленных парков и примерно 700 зон специального назначения (офшорные зоны, зоны рекреации, эколого-экономические районы, туристические центры и т.д.). (*Rapport sur l'investissement dans le monde. Les zones économiques spéciales*. ONU. CNUCED. 2019 // United Nations Conference on Trade and Development. URL: https://unctad.org/fr/PublicationsLibrary/wir2018_overview_fr.pdf).

(часто представляющие собой таможенные платформы, расположенные в странах с крупным бизнесом в области международного транзита); «особые экономические зоны» (в основном в Китае); «таможенные склады»; «технологические и научные парки»; «зоны финансовых услуг»; «свободные порты»; «туристические зоны свободной торговли» (предназначенные для облегчения розничной продажи товаров широкого потребления туристам) и др.³ При этом механизмы, которые лежат в их основе, во многом схожи и направлены на снижение административной, налоговой и иной нагрузки на производственную деятельность.

Так, особое внимание уделяется таким факторам как:

- упрощение административных процедур как при создании предприятия и осуществлении инвестиций, так и на этапе эксплуатации;
- режим беспошлинного ввоза промежуточных товаров, необходимых для производства товаров, подлежащих экспорту;
- льготы по налогу на прибыль для самого предприятия и для его партнеров; в некоторых случаях смягчение национального трудового законодательства;
- особые удобства в сфере промышленных зон (обеспечение водой, электричеством, телекоммуникациями, а иногда и промышленными зданиями, и хорошим транспортным сообщением);
- льготные тарифы на используемые ресурсы, освобождение от налогов на добавленную стоимость, а также возможности льготного кредитования;
- гибкие режимы обменного курса, часто до полной свободы движения средств; необязательность репатриации части валютных поступлений.

Наибольшее распространение зоны свободной торговли получили в развивающихся странах, где государство в целях привлечения иностранных инвестиций предоставляло определенным территориям ряд льгот. Успех подобных зон в этих странах обусловлен *своеобразным совпадением интересов*. С одной стороны, многие развивающиеся страны перешли к политике роста за счет расширения своего экспорта и стремились привлечь иностранные инвестиции. С другой стороны, компании в промышленно развитых странах, производящие трудоемкие товары, локализовывали растущую долю своих предприятий и своей деятельности в развивающиеся страны в целях снижения издержек.

Проблематика ПЭЗ традиционно вызывала много споров, в центре внимания которых были вопросы, связанные, в частности, с последствиями предоставляемых ими исключений в отношении экономической,

³ Мы будем использовать понятие «преференциальные режимы» как наиболее полно отражающие сущность и общность используемых специальных механизмов регулирования хозяйственной деятельности. К тому же именно этот термин предлагается сегодня Счетной палатой Российской Федерации при анализе существующих сегодня на территории Российской Федерации льготных режимов ведения предпринимательской деятельности.

социальной и даже экологической сферы как для стран, предоставляющих их, так и на международном уровне.

Изначально, формирование ПЭЗ рассматривалось в качестве инструмента в сфере внешнеэкономической деятельности. Речь шла о создании благоприятных условий для привлечения иностранного капитала на территорию страны. Такое понимание было заложено и в официально принятой Киотской конвенции, согласно которой свободная зона представляет собой анклав на национальной таможенной территории⁴.

Вместе с тем нацеленность ПЭЗ исключительно на формирование таможенных анклавов в современных условиях *перестала обеспечивать достижение целей структурной и промышленной политики*. Сегодня особенно в развитых странах используется более широкий подход к их формированию, который более полно отражает существо ПЭЗ. Это находит отражение и в научных исследованиях. Они рассматриваются в качестве части экономического пространства страны, где действует та или иная система преференций, или инструмента селективного ограничения действующих на всей территории страны механизмов государственного вмешательства.

Анализ существующих преференциальных территорий указывает на то, что *их предназначение разниться*. Так, для развивающихся стран характерна их ориентация прежде всего на привлечение иностранных инвестиций, помощь, оказываемую для выхода отечественных товаров на мировые рынки, на укрепление позиций в мировом разделении труда. В центре внимания здесь стоят цели промышленной политики и структурных трансформаций (например, нацеленность на развитие экспортноориентированных отраслей), а главное, — привлечение иностранного капитала, передовых технологий и современного управленческого опыта [1, с. 17].

Территории со специальными режимами хозяйствования создаются и в высокоразвитых странах, где они преследуют прежде всего цели региональной политики (речь идет, например, о таких вопросах как создание новых рабочих мест, развитие мелкого /и отчасти среднего/ бизнеса). Главная направленность здесь — привлечение национальных инвестиций для экономического роста депрессивных регионов и в целом регионального развития. При принятии решения о создании преференциальных территорий обычно *обращается внимание на такие показатели*, как уровень доходов населения, безработица и другие индикаторы, связанные с уровнем жизни. В целом для высокоразвитых стран характерным является незначительное количество подобных зон и временные ограничения принимаемых мер.

Остановимся коротко на нескольких примерах из опыта развития ПЭЗ в разных странах.

⁴ Международная Конвенция по упрощению и гармонизации таможенных процедур. Приложение VIII (в редакции 1973 и 1999 г.) // Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901082>

Мировой опыт формирования и развития преференциальных территорий

В современной истории одной из первых инициатив по созданию преференциальной территории стала свободная экономическая зона вокруг международного аэропорта Шеннон в Ирландии, где эффективно были учтены выгоды от географического расположения территории. В результате технического прогресса возникли серьезные экономические трудности, поэтому на базе аэропорта была создана зона свободного международного предпринимательства.

Что важно, инициатива по созданию такой зоны поступила «снизу» — от тогдашнего директора аэропорта Шеннон. Важным конкурентным преимуществом данной преференциальной зоны стала возрастная структура населения Ирландии, которое является одним из самых молодых в Европе (лишь 35% населения старше 25 лет). Уже в 2010 г. доходы от реализации продукции зарегистрированных на ее территории компаний составили около 3 млрд евро, из которых 92% приходились на экспортные рынки [2, с. 58]. Преференциальный режим для иностранных компаний привел к созданию за короткий период тысячи рабочих мест, результатом чего стала ликвидация безработицы и экономический рост региона.

В итоге из международного аэропорта, основой специализации которого была дозаправка самолетов трансатлантических рейсов, Шеннон превратился в район, где сконцентрировано производство электронного оборудования, буровых установок, промышленных алмазов, товаров широкого потребления. Сегодня здесь работают филиалы крупнейших транснациональных корпораций, в частности *Intel*, расположен крупнейший бизнес-парк, где работают 180 компаний в таких секторах, как авиация, медицина и информационные технологии. На сегодняшний день годовой экспорт ПЭЗ аэропорта Шаннон превышает 3 млрд долл.⁵

Первый опыт по массовому внедрению преференциальных режимов иллюстрирует история Юго-восточной Азии. Еще в 90-е гг. XX в. здесь была поставлена задача привлечения иностранных инвестиций для поддержания высоких темпов экономического роста. Создание промышленных площадок с особыми режимами затронуло практически все страны этого макрорегиона.

Так, *первый промышленный парк во Вьетнаме* (1991 г.) позволил не только привлечь иностранные инвестиции, но и создать необходимые рабочие места для молодежи. Увеличились и доходы местных бюджетов от аренды земли. На сегодняшний день зоны экспортной переработки и индустриальные парки города Хошимина концентрируют около 1 700 действующих инвестиционных проектов⁶. Успехи первого

⁵ A History of Innovation // The Shannon Airport Group. URL: <https://www.snnairportgroup.ie/about-us/shannon-group-history> (дата обращения: 15.05.2023).

⁶ Рост инвестиций в зоны экспортной переработки и индустриальные парки в Хошимине превысит 21% // Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама. URL: <https://ru.dangcongsan.vn/vietnam-segodnya/rost-investicij-v-zoni-eksportnoj-pererabotki-i-industrialnie-parki-v-hoshimine-previsit-21-17781.html>

промышленного парка, особенно в сфере трудоустройства, были поддержаны по всей стране — было создано более 200 промышленных парков, заложивших серьезный фундамент для социально-экономического развития страны. Расширение связей между создаваемыми парками привело к углублению механизмов преференциальных зон. На основе нескольких промышленных зон экспортной переработки товаров сегодня создаются промышленные парки, в которых сосредоточено высокотехнологичное производство, использующее современные технологии и достижения цифровой экономики.

Датой начала формирования современных *индонезийских зон* считается 1988 г., когда стал действовать треугольник роста Сингапур — штат Джохор (Малайзия) — провинция Риау (Индонезия), или СИДЖОРИ (*Singapore — Johor — Riau, SIJORI*). На сегодняшний день здесь существуют разные их типы: зоны свободной торговли и свободные порты, туристические зоны, технопарки, промышленные парки и специальные экономические зоны.

Однако, безусловно, *наиболее известным примером развития преференциальных территорий* является Китай, где они получили название открытые экономические зоны (ОЭЗ). Именно им в значительной степени Китай обязан успехами в экономическом развитии. Во многом такой результат был обусловлен специфическими для Китая факторами. Речь, прежде всего, идет об использовании дешевой рабочей силы. Большую роль сыграли и особенности географического положения страны — протяженная береговая линия, а также (связанное с этим) большое количество портов.

Успех первых прибрежных ПЭЗ побудил правительство страны принять решение об открытии для иностранных инвестиций большинства крупных административных центров и приграничных территорий. Впоследствии на повестку дня встало создание зон свободной торговли, технологического и инновационного развития.

В результате в Китае сформировалась достаточно сложная и многоуровневая интегрированная система зон со специальными условиями хозяйствования, *аналогов которой нет* ни в одной стране. По данным доклада ЮНКТАД о мировых инвестициях за 2019 г., в Китае в общей сложности насчитывается 2 543 особых экономических зоны, т.е. около половины мировых ПЭЗов, которые можно *классифицировать на 15 типов*. Внешнеторговый оборот этих территорий измеряется десятками миллиардов долларов, а доля в экспорте и импорте страны все время возрастает⁷ [3, с. 86]. За 40 лет политики развития СЭЗ (1978–2018 гг.) объем внешней торговли страны (в долларовом выражении) увеличился примерно в 230 раз, в т.ч. экспорт, — в 250 раз, а импорт, — в 210 раз. В 2020 г. доля КНР в мировой торговле превысила 13% [4, с. 11].

Несмотря на безусловно положительные результаты функционирования свободных экономических зон в Китае, *их развитие сталкивается*

⁷ World Investment Report 2019. Special economic zones // United Nations Conference on Trade and Development. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf

с рядом проблем, учет которых важен при использовании данного института в Российской Федерации. Среди таких проблем — недостаточный уровень квалификации рабочей силы и особенно управленческого звена; встречающаяся противоречивость законодательной базы в сфере ПЭЗ; подчас низкие темпы внедрения западных технологий (что в определенной степени порождено первым из выделенных факторов) и др.

Однако, несомненно, позитивным результатом китайского опыта стало то, что помимо непосредственной цели, связанной с привлечением иностранных инвестиций, их развитие сопровождалось созданием современной инфраструктуры, в т.ч. на основе сотрудничества государства с частным бизнесом. Все это, в свою очередь, стало мощным фактором роста внутренних, национальных, инвестиций, запустив своеобразную мультипликационную спираль роста китайской экономики. Развитие ПЭЗ имело и еще одно макроэкономическое последствие: территории многих из них превратились в своеобразные площадки для отработки новых, основанных на экономической либерализации, методов хозяйствования, которые затем стали применяться на всей территории Китая.

Опыт Китая демонстрирует *этапность в распространении института преференциальных территорий*. Если первый этап, начавшийся в 70-х гг. XX в. был направлен на привлечение иностранных инвестиций, то второй, стартовавший в 2013 г., поставил уже более стратегические задачи, а именно массовое продвижение за рубеж китайских капиталов, товаров, услуг, технологий [5].

Итак, основным ориентиром при создании преференциальных режимов во всех странах является привлечение иностранных инвестиций в качестве важнейшего фактора повышения темпов социально-экономического развития.

Но тот же опыт показывает, что в ряде случаев подобные зоны создаются и для решения задач структурной перестройки экономики, например, *для развития мелкого и среднего бизнеса*.

Так, различного рода индустриальные парки и специальные экономические зоны стали во многих странах Африки основными катализаторами развития сети мелких и средних предприятий, формирующих своеобразный хребет современной мировой экономики. Особенно наглядно это видно на примере стран с эмергентными рынками, где на мелкий и средний бизнес приходится около 90% всех предприятий и половина рабочих мест. В странах Африки эти показатели еще выше: здесь на предприятиях мелкого и среднего бизнеса занято около 80% рабочей силы континента. Однако при этом доля названных предприятий в экспорте намного меньше. Например, в Египте на мелкий и средний бизнес приходится 75% рабочей силы, но они формируют лишь 20% экспорта страны. Те же диспропорции наблюдаются по всей Африке. Например, в Марокко МСП составляют 90% предприятий, но формируют они лишь 30% экспорта. Опыт названных стран показывает, что расширение деятельности малых предприятий в рамках

индустриальных парков при надлежащих механизмах регулирования приводит к расширению их участия в единых производственных цепочках. А это, в свою очередь, приведет к увеличению экспорта МСП⁸.

Дополнительным фактором, обусловившим рост внимания к вопросам поддержки МСП в границах преференциальных зон, стала пандемия. И если мелкий и средний бизнес рассматриваются в качестве важнейшего фактора экономического роста и постпандемийного восстановления, специальные экономические зоны и промышленные парки, которые их образуют, рассматриваются в качестве необходимого условия их развития⁹.

Вообще интеграция в систему ОЭЗ стран Африки стала одной из примечательных тенденций последних десятилетий. Именно *эта форма хозяйствования была взята многими африканскими странами* для широкомасштабного привлечения инвестиций и увеличения своего экспорта. Как и в других странах, основными механизмами здесь стало создание системы финансовых стимулов, упрощение административных процедур, либерализация торговли в пользу ряда целевых секторов, которые часто конкурируют друг с другом. В 2018 г. количество открытых экономических зон во всех арабских странах достигло 127, из которых 70 — многофункциональные зоны (55%), 37 — специализированные (29%), 19 зон являются логистическими центрами (15%) и одна зона ориентирована на инновации (1%)¹⁰.

В Соединенных Штатах нет открытых экономических зон, аналогичных тем, которые существуют в России или в других странах. Вместе с тем в 26 штатах имеется собственное законодательство, касающееся территорий с особым статусом — «зон внешней торговли» («*Foreign Trade Zones*»). Первая такая зона была создана еще в 1934 г. Ее особенностью является то, что на первом месте здесь стоит не задача привлечения инвестиций, а проблема сокращения уровня безработицы и стимулирования торговли. Как и в других странах, здесь предусмотрена возможность предоставления льгот как в сфере некоторых видов хозяйственной деятельности, так и в отношении ввозимых на территорию товаров. При этом условием создания преференциальных территорий обычно является уровень бедности (доля бедных должна превышать 25% населения территории) и безработицы (уровень которой должен быть выше 50% среднего показателя по штату). В настоящее время в каждом штате существует по крайней мере одна подобная зона, а всего в стране их численность достигает 195. Несмотря на то, что проблема привлечения иностранных инвестиций не стоит так остро, как в других странах, по данным ВТО, американские СЭЗ составляют значительную часть

⁸ Подобной стратегии придерживается, например, компания Polaris Parks в Египте, основанная в 2007 г. и владеющая пятью индустриальными парками в стране общей площадью 5 млн м².

⁹ Le rôle des zones industrielles dans la croissance des PME sur les marchés émergents. Les PME sont la clé de la croissance mondiale des marchés émergents // Atalayar. URL:

¹⁰ Rapport sur l'investissement dans le monde, 2019 // United Nations Conference on Trade and Development. URL: https://unctad.org/fr/PublicationsLibrary/wir2019_overview_fr.pdf.

общего торгового оборота страны. В 2020 г. на предприятиях этих зон работало около 3,8% работников по найму¹¹.

Опыт Южной Кореи является примером того, как политика в области развития СЭЗ стала предпосылкой для комплексных реформ и структурных *преобразований экономики всей страны*.

В основу принятой в Южной Корее стратегии была положена идея замены политики импортозамещения политикой развития, основанной на экспорте. Первая экспортная СЭЗ была создана еще в 1970 г. в г. Масане, а вторая — в Иксане в 1973 г. Их целью стало привлечение прямых иностранных инвестиций, прежде всего для содействия экспорту, занятости и передаче технологий. Однако использование института СЭЗ преследовало и более стратегические цели. Речь шла о внедрении элементов плановой экономики, создании т.н. чеболей (такое название получили в стране полугосударственные мегакорпорации, ставшие главными факторами экономического роста страны после периода застоя) и формирования новой инвестиционной политики. Опыт оказался успешным, и за первыми двумя СЭЗ последовало создание новых зон.

Так, например, в 2008 г. на юго-западе страны была создана зона Енчхон, ориентирующаяся на развитие кластера инновационных производств мирового уровня. Благодаря географическому положению этой зоне отводилось предназначение стать связующим звеном между Сеулом, центральными районами страны и Китаем. В том же году на границе двух провинций Южной Кореи была создана СЭЗ Тэгу-Кенбук. Отличительной особенностью этой зоны является то, что она не имеет доступа к морю, однако ее создание было продиктовано целями региональной политики, связанными с необходимостью развития двух соседних провинций.

В настоящее время в Южной Корее действует 8 СЭЗ, органично вписывающиеся не только в пространственную структуру экономики, но и в общую модель социально-экономического развития страны. Это отражено и в принятом в стране специальном законе «О поощрении иностранных инвестиций». В законе отмечается важность «...поощрять иностранные инвестиции в Корее путем предоставления необходимой поддержки и льгот и вносить вклад в устойчивое развитие национальной экономики»¹².

История и проблемы развития преференциальных территорий в Российской Федерации

Таким образом, мировой опыт показывает, что многие страны использовали институт ПЭЗ не только в ходе трансформационных изменений, но и в периоды поиска новых источников роста экономики.

¹¹ Zones franches et entrepôts sous douane aux États-Unis // Oppotimes. 2022. 14 décembre. URL: <https://www.opportimes.com/zones-franches-et-entrepots-sous-douane-aux-etats-unis/>

¹² Поправка к Закону о поощрении иностранных инвестиций Кореи 2019 года — Инвестиционные стимулы в Корее // The Korean law blog. URL: <https://www.thekoreanlawblog.com/2019/06/korean-foreign-investment-promotion-act-2.html>

Создание СЭЗ чаще всего обусловлено целями привлечения прямых иностранных инвестиций, создания рабочих мест в регионах, а также проверки новых мер экономической политики и создания новых институциональных практик [6].

При этом формирование свободных экономических зон и привлечение инвестиций не является самоцелью, а представляет собой лишь средство для обеспечения более глубоких трансформаций экономики, формирования желаемой институциональной структуры. Здесь мы видим своеобразное проявление закономерности, описанной В.М. Полтеровичем, *когда создаваемые промежуточные институты способствуют ослаблению имеющихся ограничений* [7]. Применительно к теме настоящей статьи, свободные экономические зоны, обеспечивая привлечение инвестиций (в т.ч. иностранных) обеспечивают инвестиционную, технологическую и кадровую подушку для более широкомасштабных трансформаций экономики.

Формирование ПЭЗ в Российской Федерации имеет достаточно длительную историю. Первыми здесь, по сути, стали особые экономические зоны, создание которых стало во многом попыткой перенять доказавший свою эффективность западный опыт.

Еще в 1990–1991 гг. был взят курс на создание СЭЗ. Спецификой этого этапа в становлении института ПЭЗ было то, что при их создании *использовался индивидуализированный подход*: каждая зона создавалась указами президента и постановлениями правительства. Так, был официально признан статус СЭЗ вначале для 12, а затем и 20 регионов. Среди них – Приморский край, г. Находка, Алтайский край, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, г. Выборг, г. Зеленоград, Калининградская, Читинская, Новгородская области, Еврейская АО.

Основным недостатком этого этапа стало то, что предоставление регионам права на формирование СЭЗ исключительно в целях привлечения иностранного капитала, по сути, *привело к созданию офшорных территорий*. Именно этот период характеризовался высокими показателями доли теневого бизнеса в экономике страны. Участие в СЭЗ использовалось многими гражданами и предпринимателями для вывода средств, которые выделялись из федерального бюджета, за рубеж. Отсутствие у государства ресурсов для формирования необходимой инфраструктуры (включая дороги) также не обеспечивало нужных предпосылок для институционализации СЭЗ.

В целом первый этап институционализации СЭЗ не оправдал себя. Хотя к 2004 г. в Российской Федерации числилось 24 зоны со специальными режимами хозяйствования, основная цель, которая была поставлена (создания стимулов для развития отраслей и территорий, привлечение иностранных инвестиций и западных технологий) так и не была достигнута. По некоторым СЭЗ отсутствовало даже какое-либо учредительское оформление.

Справедливости ради следует отметить, что ряд регионов продемонстрировал способность привлечь в экономику иностранный капитал.

Например, позитивный опыт был накоплен в Находке, Калининграде, Магадане, на Сахалине¹³.

2005 г. знаменовал собой *новый этап в развитии преференциальных территорий*. Был принят Федеральный закон № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», а также два федеральных закона, регулирующих развитие данного института в конкретных субъектах Российской Федерации: Федеральный закон № 16-ФЗ от 10 января 2006 г. «Об особой экономической зоне в Калининградской области» и Федеральный закон № 104-ФЗ от 31 мая 1999 г. «Об особой экономической зоне в Магаданской области». С учетом мирового опыта функционирования свободных экономических зон предусматривалась возможность четырех их типов: промышленно-производственных, технико-внедренческих, туристско-рекреационных, портовых. Новые механизмы предусматривали и преграды на пути офшоризации СЭЗ.

Основными механизмами в рамках нового правового пространства стало предоставление для резидентов создаваемых ПЭЗ налоговых преференций по налогам на прибыль и на имущество, по земельному и транспортному налогам. Предусматривался и режим свободной таможенной зоны для резидентов, осуществлявших технико-внедренческую деятельность. Кроме того, в особых экономических зонах государство брало на себя обязанность строительства (за счет бюджетных средств) инновационной, инженерной, транспортной и социальной инфраструктур. Был введен и режим одного окна для административного содействия инвесторам в создании новых компаний. Для каждого из четырех типов ПЭЗ предусматривались свои системы льгот и преференций, имеющие рамочный характер.

Примечательно, что с этого периода термин «свободные экономические зоны», который достаточно полно соответствовал общемировой терминологии, был заменен в России на термин «особые экономические зоны». Подобная смена терминологии была продиктована скорее желанием обозначить новый этап в институционализации зон со специальными режимами хозяйствования, нежели изменениями видения сущности и предназначения данного института.

Отличительной особенностью нового этапа в институционализации ПЭЗ стало *использование кластерного подхода в их организации*. Такой подход выглядел вполне логично: оба института имеют, по сути, одно основание, а именно то, что формируются они в прорывных точках социально-экономического развития. Мировой и отечественный опыт показал, что преференциальные зоны могут быть одной из составля-

¹³ Определенные позитивные результаты показывали и существовавшие в это время (и существующие до сих пор) такие территории со специальными режимами хозяйствования, как закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), где градообразующими предприятиями были объекты Министерства обороны и Министерства атомной промышленности Российской Федерации, и наукограды как города с высокой степенью концентрации интеллектуального и научно-технологического потенциала.

ющих кластеров. В свою очередь создание взаимодействующих кластеров может стать реальной предпосылкой для формирования новых зон со специальными режимами хозяйствования. Кластеры и кластерная политика уже давно рассматриваются в качестве важнейшего фактора повышения темпов экономического роста. Несмотря на наличие страновых разновидностей, присущих кластерной политике¹⁴, ее роль в качестве фактора регионального развития сегодня не подвергается сомнениям. Таким образом, «ОЭЗ как экономическая система с особым режимом предпринимательской деятельности... включает в себя многие элементы кластерной политики. По своему характеру выбор расположения ОЭЗ определяется конкурентными преимуществами регионов, на территории которых они создаются, и в данном аспекте этот инструмент отражает принципы проводимой государством инвестиционной политики» [8].

Взаимосвязь кластерного подхода и развития ОЭЗ была отражена и в Концепции кластерной политики Российской Федерации, установленной в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г. (принята в 2007 г.)¹⁵. В Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации, разработанных Минэкономразвития отмечалось, что «благоприятные возможности для развития кластерных проектов открывает использование потенциала особых экономических зон технико-внедренческого, промышленно-производственного и туристско-рекреационного типа...»¹⁶.

Новый кластерный этап развития СЭЗ был ориентирован на то, что локализованные на определенной территории группы предприятий, производящих однородную продукцию, должны были получить импульс для своего ускоренного развития при помощи инструментов, характерных для ОЭЗ: налоговых и таможенных льгот, государственной поддержки, прежде всего в сфере формирования необходимой инфраструктуры, привлечения иностранных инвесторов и активизации внешнеторговой деятельности. Вместе с тем наблюдались (и наблюдаются до сих пор) сильные различия в перечне льгот, причем не только между группами преференциальных зон, но и внутри них.

¹⁴ Так, выделяется континентальная модель кластеров, присущая таким странам, как Республика Корея, Япония, Швеция, Франция, Италия, где государству отводится достаточно широкий набор функций: отбор приоритетных кластеров и финансирование затрат по разработке проектов их развития и англо-саксонская модель, характерная для США, Великобритании и Австралии, где роль государства минимальна, а главную роль играет рыночная конкуренция.

¹⁵ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygtfmGzrnAX.pdf>

¹⁶ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития России 26 декабря 2008 г. № 20615-ак/д19). URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-realizatsii-klasternoi-politiki-v/>

Так, например, большинство входящих в группу промышленно-производственных ПЭЗ обладают льготами по налогу на имущество, транспортному, земельному налогам, налогу на прибыль, а также пониженным тарифом страховых взносов. Например, в ОЭЗ «Алабуга» и «Кашира-парк», хотя в целом основные льготы те же, однако по прибыли сохраняется (хотя и по пониженной ставке) налог в 2%. Подобный индивидуализированный механизм установления льгот, безусловно, противоречит принципам общности институциональных основ пространственного развития.

За первые 10 лет было создано 30 особых экономических зон. В них зарегистрированы (с момента создания зон) 376 резидентов, в т.ч. 74 — с иностранным участием. Создано более 13 тыс. рабочих мест, привлечено 146 млрд частных инвестиций. За этот же период уплачено в бюджетную систему 14 млрд руб. налогов [9, с. 53].

На сегодняшний день, по данным Минэкономразвития, в России функционируют уже 50 ОЭЗ, из них 31 промышленно-производственная, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовых. За 17 лет работы в ОЭЗ зарегистрировано 1 019 резидентов, из которых более 130 компаний с участием иностранного капитала из 42 стран. Общий объем заявленных инвестиций за эти годы составил более 1,78 трлн руб., вложенных инвестиций — более 822 млрд руб., было создано более 56,7 тыс. рабочих мест, уплачено порядка 308 млрд руб. налоговых платежей, таможенных отчислений и страховых взносов¹⁷.

По итогам 2021 г. резиденты ОЭЗ заплатили в бюджет 229 млрд руб. налогов, таможенных платежей и страховых сборов. Это, по имеющимся расчетам, почти в три раза больше, чем объем полученных ими льгот. 20 млрд руб., которые будут выделены на дальнейшее развитие инфраструктуры, будут направлены 55 резидентам в 14 ОЭЗ. Средства планируется использовать на строительство дорог, инженерных сетей и коммунальной инфраструктуры. По мнению многих аналитиков, подобные меры позволят создать около 14 тыс. новых рабочих мест, что даст дополнительный импульс для развития экономики¹⁸.

Приведенные количественные показатели, характеризующие развитие ОЭЗ, на первый взгляд говорят об эффективности создаваемых преференциальных территорий. Вместе с тем более глубокое изучение проблемы заставляет усомниться в подобных выводах.

Сомнения *относительно эффективности ОЭЗ* высказываются уже давно. Так, еще в 2013 г. в результате обследования, проведенного Счетной палатой Российской Федерации, было установлено, что *лишь 11 зон* (производственных и внедренческих) из 27 существовавших на тот момент *были «условно эффективными»* с точки зрения использо-

¹⁷ Особые экономические зоны // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_e_konomicheskie_zony/

¹⁸ Линник М. Резиденты ОЭЗ заплатили в бюджет 229 млрд рублей // Российская газета. — 2021. — 16 декабря. URL: <https://rg.ru/2021/12/16/rezidenty-oez-zaplatili-v-byudzheth-229-mlrd-rublej.html>

вания государственных средств, направленных на их развитие¹⁹. Счетная палата пришла к выводу, что бюджетные деньги простаивают, строительство инфраструктуры существенно отстает от плана. Причин было несколько. Это и трудности со стороны регионов (в частности – оформление земли), и проблемы со стороны федерального центра, который систематически не выполнял сроки по выделению денег, затягивал процессы согласования подрядчиков.

Два года спустя Счетной палатой была проведена еще одна проверка деятельности ОЭЗ. Это было связано с тем, что к тому времени к системе преференциальных территорий был добавлен новый их тип – территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

Первые подобные зоны появились в 2015 г. на территории Дальневосточного федерального округа, позднее они стали создаваться и в моногородах. Основное отличие ТОСЭР от ОЭЗ заключалось в том, что они создавались под конкретных инвесторов по заявке региона. Был *существенно снижен и порог необходимых инвестиций* (со 120 млн руб. для резидентов ОЭЗ до 50 млн руб. для ТОСЭР). Были расширены и права инвесторов: например, было разрешено создание ТОР для добычи полезных ископаемых.

Создание ТОСЭР было направлено на решение еще одной важной проблемы. Так, если ОЭЗ были ориентированы прежде всего на развитие отраслей экономики и привлечение инвестиций, то в случае с ТОСЭР целью было провозглашено *создание комфортных условий для населения*. Этим, в частности, было продиктовано и увеличение сроков, на которые создаются ТОР: с 49 лет для ОЭЗ до 70 лет для ТОСЭРов.

Анализ количественных показателей развития ТОСЭРов на территории Дальневосточного федерального выглядит вполне привлекательным. Так, за 2015–2021 гг. в рамках ТОР для обеспечения инфраструктурной поддержки через Корпорацию развития Дальнего Востока направлено 49 млрд руб., а в ближайшие три года (с 2022 по 2024 г.), по словам аудитора Счетной палаты Н. Труновой, будет передано еще 79 млрд руб.²⁰. Однако оценка эффективности осуществляемых вложений приводит к другим выводам. Например, имеются существенные проблемы в самой системе планирования ТОР. По данным Счетной палаты, за декабрь 2021 г. из 22 планов было *утверждено всего 5*.

Вызывает вопросы и ситуация с ТОСЭРами на территории моногородов. Безусловно, предоставление последним права на создание на их территориях ТОСЭРов несет в себе позитивные моменты. Речь идет и о повышении инвестиционной привлекательности городских и сельских поселений, развитии социальной инфраструктуры, улучшении общей экономической ситуации на их территории. Однако, несмотря на то, что было принято несколько нормативных документов,

¹⁹ Не особо эффективные. Счетная палата раскритиковала деятельность ОЭЗ // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/12/18/56bfd2889a7947299f72d812>

²⁰ Счетную палату «убили» показатели ТОР // Сетевое издание Дейта. URL: <https://deita.ru/article/510136>

регулирующих вопросы и критерии их создания, требования к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами ТОР, создаваемых на территориях моногородов и т.п.²¹, не многие моногорода воспользовались предоставленной им возможностью.

Так, по данным Минэкономразвития Российской Федерации, на сегодняшний день, из 321 моногорода, существующих на территории Российской Федерации, ТОРы²² созданы только в 89²³.

Во многом такая ситуация объясняется тем, что создание ТОРов в данном случае ведет к утрате поселениями статуса классического муниципального образования. Превращение моногородов в муниципальное образование с особым статусом ведет, в частности, к тому, что на этих территориях прекращает действовать в полную силу Федеральный закон 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ), а органы местного самоуправления вынуждены передавать часть своих полномочий управляющим компаниям. В определенной степени ограничивается в своих правах и население таких моногородов.

Так, не предусмотрено проведение никаких общественных обсуждений или публичных слушаний при утверждении документации по планировке территории опережающего социально-экономического развития (что опять же прописано в Федеральном законе № 131-ФЗ).

Среди последних нововведений в механизмах поддержки ОЭЗ следует выделить совершенствование и механизмы федеральной поддержки в рамках ОЭЗ. В марте 2023 г. Минэкономразвития призвало регионы активнее использовать следующие федеральные инструменты: механизм реструктуризации бюджетных кредитов, который позволяет профинансировать инфраструктуру для новых инвестпроектов за счет средств регионального бюджета и снизить госдолг на сумму налогов, уплаченных в федеральный бюджет, от реализации нового инвестиционного проекта; механизм возмещения региональных затрат на создание,

²¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. №1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf>

²² В июне 2022 г. было принят Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 271-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В результате из названия рассматриваемых преференциальных зон было исключено слово «социально-экономического» и территории опережающего социально-экономического развития были переименованы в территории опережающего развития.

²³ Территория опережающего развития // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/tor/

модернизацию и реконструкцию объектов инфраструктуры ОЭЗ, а также инфраструктурные бюджетные кредиты.

Продолжается и создание новых ОЭЗ. Планируется, например, создание двух ОЭЗ в регионах Сибири – в Тыве (на границе с Монголией) и Хакасии²⁴.

Основные проблемы создания преференциальных территорий в Российской Федерации

Как же можно оценить отечественный опыт использования института преференциальных зон, накопленный за прошедший период?

По данным Счетной палаты Российской Федерации, выраженной взаимосвязи между созданием территорий с преференциальными режимами и уровнем социально-экономических показателей регионов *до сих пор не прослеживается*. Притом что помимо предоставляемых налоговых и таможенных льгот, расходы федерального бюджета на финансирование действия преференциальных режимов за период 2019–2021 гг. составили почти 240 млн руб.²⁵

Уместно ли ждать быстрого эффекта от нового (с исторической точки зрения) института?

Эффективная организация работы в преференциальных зонах – это вопрос не одного дня. В качестве примера можно привести территории в Липецкой области и Татарстане. Здесь первые промышленные парки начали создаваться еще в 90-е гг. XX в. И хотя на сегодняшний день здесь за счет федеральных и региональных средств сформирована необходимая инфраструктура, приток реально инновационного капитала здесь *начал наблюдаться лишь недавно*.

Дают о себе знать и более общие вопросы. Так, сдерживает развитие территорий со специальными режимами хозяйствования и *нерегулированность вопроса о разграничении ответственности между федеральным и региональными уровнями власти*. Данная проблема, которая не давала о себе знать в условиях небольшого количества ОЭЗ, особенно остро встала, когда численность преференциальных территорий достигла нескольких десятков²⁶.

Несмотря на достаточно большое количество нормативных документов, так или иначе касающихся формирования и деятельности преференциальных территорий, *до сих пор отсутствует комплексная*, основанная на неких единых принципах, *политика привлечения инвесторов*. Не проработан даже на нормативном уровне и такой важный аспект данного

²⁴ Особые экономические зоны // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyie_ekonomicheskie_zony/

²⁵ Бюллетень Счетной палаты. 2022. № 2 (291) // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-2-291-2022-g?highlight-search-result=ОЭЗ>

²⁶ Совещание с вице-премьерами // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/news/17737/>

направления социально-экономической политики, как общие принципы относительно создаваемых в ТОРах рабочих мест. Не говоря уже о таком ставшем хрестоматийным аспекте развития преференциальных территорий, как создание и развитие инфраструктуры. До сих пор не проработаны общие нормативы (или хотя бы принципы) в этой области.

Многие аналитики обращают внимание и на то, что в рамках сложившейся практики, потребность в инфраструктуре, необходимой для потенциальных инвесторов преференциальных территорий, *обеспечивается лишь постфактум*, после того как резидент получил данный статус. Нет четкости и в определении расходов на эти цели. Практика ежегодных корректировок соответствующих цифр явно работает против повышения привлекательности данного инструмента пространственной политики государства.

Вызывает вопросы и сложившийся механизм финансового обеспечения деятельности преференциальных территорий. Так, их финансирование осуществляется не только из федерального бюджета, но и из бюджетов региональных. В определенной степени это логично. Ведь, как мы отмечали, решение о создании, например ТОРов, принимается по инициативе регионов, а значит они должны нести определенную ответственность за свои решения. Однако подобный механизм, в условиях дотационности большинства региональных бюджетов, по сути, отдает финансирование преференциальных территорий на откуп федерального центра.

В определенной степени эту проблему могло бы решить формирование системы оценки эффективности ТОРов. Однако такая система должна не только учитывать эффективность использования бюджетных средств (притом всех уровней, а не только федерального), но и исходить из четкого понимания цели данного института. Если целью ПЭЗ является улучшение социально-экономической ситуации на территории, где создается зона, то в этом случае, эффективность будет определяться обобщающими показателями данной территории. Если же в качестве приоритетных мы выбираем цели пространственного развития Российской Федерации, то и показатели должны отражать степень сбалансированности развития ее составляющих, *сокращения социально-экономической дифференциации регионов*. Отсутствие определенности в целях создания преференциальных территорий приводит к тому, что основными показателями при оценке их результатов становятся такие чисто количественные показатели, как количество резидентов и созданных рабочих мест, а также объемов привлеченных инвестиций.

В любом случае проблемы регионального развития должны быть определяющими при принятии решения о создании преференциальных зон. Пока что часто эти зоны создаются на основе регионального лоббирования (администрации, местного бизнеса). Что касается необходимого технико-экономического обоснования и разработки механизмов функционирования создаваемых зон, то эти вопросы стоят на втором плане. Создание преференциальных территорий

часто рассматривается исключительно в качестве средства полного или частичного освобождения от налогов. Такая позиция, безусловно, не обеспечивает необходимых принципов пространственного развития страны, а формирует парадокс функционирования основной части преференциальных режимов в России — установленный льготный режим иногда отрицательно сказывается на состоянии местного промышленного сектора [10, с. 1].

* * *

Завершая анализ проблем формирования преференциальных территорий на экономическом пространстве Российской Федерации, зафиксируем четыре, на наш взгляд, принципиальных момента.

Первый. В системе механизмов пространственного развития преференциальные режимы занимают важное место. Они способны решить важные задачи пространственного развития государства. Об этом свидетельствует как мировой опыт их развития, так и позитивные моменты в их институционализации в России.

Второй. Отсутствие правозакрепленного понимания назначения ПЭЗ не позволяет сформировать и четкого механизма их включения в общую стратегию пространственного развития.

Третий. Необходимо четко определиться с тем, какие цели преследуют преференциальные территории: являются ли они средством повышения эффективности развития отдельных территорий (регионов), либо это инструмент пространственной стратегии в целом.

Четвертый. Эффективное включение территорий с преференциальными режимами требует разработки четких и единых принципов их функционирования. Это касается как проблем создания преференциальных зон, так и оснований для освобождения от налоговой нагрузки для резидентов.

Список литературы

1. *Смординская Н.В.* Организация особых экономических зон в мировой и российской практике: концептуальные аспекты // Вестник ИЭ РАН. 2011. № 3. С. 16–36.
2. *Кузнецова Е.Г.* Свободная экономическая зона Шеннон: опыт создания и путь к успеху // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 11. С. 57–60.
3. *Перцик Е.Н., Кабакова С.И.* Региональная политика Китая и свободные экономические зоны // Инновации и инвестиции. 2016. № 2. С. 84–89.
4. *Портяков В.Я.* Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае. М.: ИДВ РАН, 2021. 104 с.
5. *Портяков В.Я.* Шанхайская экспериментальная зона свободной торговли // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 3. С. 103–117.

6. Волков А.Д. Мировой опыт применения экономико-правовых режимов и его использование в пространственной организации экономики Арктического региона // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 6. С. 1389–1404.

7. Полтерович В.М. Проектирование реформ: как искать промежуточные институты // Montenegrin Journal Of Economics. 2012. Vol. 8. № 2. С. 25–44.

8. Абашкин В.Л. Использование особых экономических зон как инструмента кластеризации экономики региона // Региональная экономика. 2010. № 33. С. 15–20.

9. Швецов А.Н. Особые правовые режимы для привлечения частных инвестиций и современных технологий в развитие территорий // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 4. С. 49–63.

10. Котов А.В. Оценка эффективности преференциальных режимов на муниципальном уровне // Вопросы территориального развития. 2022. Т. 10. № 1. С. 1–14.

References

1. Smorodinskaia N.V. Organizatsiia osobykh ekonomicheskikh zon v mirovoi i rossiiskoi praktike: kontseptual'nye aspekty [Organization of Special Economic Zones in World and Russian Practice: Conceptual Aspect], *Vestnik IE RAN* [Bulletin of IE RAS], 2011, No. 3, pp.16–36. (In Russ.).

2. Kuznetsova E.G. Svobodnaia ekonomicheskai zona Shenon: opyt sozdaniia i put' k uspekhu [Shannon Free Economic Zone: Creation Experience and Way to Success], *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2013, No. 11, pp. 57–60. (In Russ.).

3. Pertsik E.N., Kabakova S.I. Regional'naia politika Kitaia i svobodnye ekonomicheskie zony [Regional Policy of China and Free Economic Zones], *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2016, No. 2, pp. 84–89. (In Russ.).

4. Portiakov V.Ia. Eksperimental'nye zony svobodnoi torgovli v Kitae [Pilot Free Trade Zones in China]. Moscow, IDV RAN, 2021, 104 p. (In Russ.).

5. Portiakov V.Ia. Shankhaiskaia eksperimental'naia zona svobodnoi torgovli [Shanghai Pilot Free Trade Zone], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 103–117. (In Russ.).

6. Volkov A.D. Mirovoi opyt primeneniia ekonomiko-pravovykh rezhimov i ego ispol'zovanie v prostranstvennoi organizatsii ekonomiki Arkticheskogo regiona [World Experience in the Application of Economic and Legal Regimes and Its Use in the Spatial Organization of the Economy of the Arctic Region], *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2021, Vol. 11, No. 6, pp. 1389–1404. (In Russ.).

7. Polterovich V.M. Proektirovanie reform: kak iskat' promezhutochnye instituty [Reform Design: How to Look for Intermediate Institutions], *Montenegrin Journal of Economics*, 2012, Vol. 8, No. 2, pp. 25–44. (In Russ.).

8. Abashkin V.L. Ispol'zovanie osobykh ekonomicheskikh zon kak instrumenta klasterizatsii ekonomiki regiona [The Use of Special Economic Zones as a Tool for Clustering the Regional Economy], *Regional'naia ekonomika* [Regional Economics], 2010, No. 33, pp. 15–20. (In Russ.).

9. Shvetsov A.N. Osobyie pravovye rezhimy dlia privlecheniia chastnykh investitsii i sovremennykh tekhnologii v razvitie territorii [Special Legal Regimes for Attracting Private Investment and Modern Technologies in the Development of Territories],

Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie [Problem Analysis and State Management Design], 2015, Iss. 4, pp. 49–63. (In Russ.).

10. Kotov A.V. Otsenka effektivnosti preferentsial'nykh rezhimov na munitsipal'nom urovne [Evaluation of the Effectiveness of Preferential Regimes at the Municipal Level], *Voprosy territorial'nogo razvitiia* [Issues of Territorial Development], 2022, Vol. 10, No. 1, pp. 1–14. (In Russ.).

PREFERENTIAL TERRITORIES IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The spatial development strategy includes many components aimed, on the one hand, at ensuring the balanced development of the regions of the Russian Federation. On the other hand, it is aimed at the formation of preferential mechanisms for territories that particularly require investment and are characterized by negative development trends. The world has accumulated a lot of experience in the functioning of such mechanisms, which allows us to formulate their basic principles and orientation within the framework of the spatial development of a modern state. The article analyzes the main objectives of creating territories with special economic regimes, as well as problems that require attention when coordinating the policy of development of preferential zones, on the one hand, and spatial development in general, on the other. Examples of creation and functioning of preferential territories in different countries of the world are considered. The main stages in the regulation of such territories in Russia are highlighted, as well as the problems that exist on the way of their institutionalization.

Keywords: preferential zones, preferential territories, spatial development, open economic zones, free economic zones.

JEL: R11, R12, O18

Дата поступления – 18.06.2023 г.

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: Aleksod@yandex.ru

ODINTSOVA Aleksandra V.

Dr. Sc. (Econ.), Leading Researcher at the Center for Federal Relations and Regional Development;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: Aleksod@yandex.ru

Для цитирования

Одинцова А.В. Преференциальные территории в пространственном развитии Российской Федерации // *Федерализм*. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 27–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-27-46>

С.В. БАДИНА

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗДЕРЖЕК НА АДАПТАЦИЮ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА К МЕНЯЮЩИМСЯ ГЕОКРИОЛОГИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ (НА ПРИМЕРЕ НОРИЛЬСКА)*

Проблема прогнозирования социально-экономических последствий деградации многолетней мерзлоты вследствие климатических изменений — важное направление современных научных исследований. В настоящий момент не существует унифицированных подходов и методик к оценке данного вида природного риска. Соответственно, нет достоверного представления о масштабах вероятных последствий, что в свою очередь проявляется в слабой проработанности вопроса в документах стратегического планирования для территорий распространения многолетнемерзлых пород. Город Норильск Красноярского края — пример арктического города России, расположенного в условиях криолитозоны, где началась активная работа по реновации жилищного фонда, в т.ч. вследствие проблем, связанных с деградацией многолетней мерзлоты под воздействием антропогенного и климатического факторов. Анализ нормативно-правовых документов, связанных с социально-экономическим развитием города, планов реновации и документов, направленных на решение проблемы замещения деформированного жилищного фонда, показал, что масштаб мероприятий не в полной мере отвечает серьезности проблемы. Сопоставление ключевых характеристик жилищного фонда Норильска с учетом его текущего состояния и планов по трансформации с долгосрочным прогнозом изменения инженерно-геокриологических условий до 2050 г. позволило оценить совокупные издержки на адаптацию, которые могут достигнуть 1,6 трлн руб. в ценах 2023 г. В дополнение был составлен рейтинг муниципальных образований Арктической зоны Российской Федерации, основанный на соотношении показателей, характеризующих внутренние адаптационные возможности к меняющимся инженерно-геокриологическим условиям и размер ожидаемых ущербов для недвижимой части основных фондов. Было установлено, что в целом масштаб вероятных последствий существенно превышает имеющиеся ресурсы, причем наиболее негативная ситуация складывается и без того на наиболее депрессивных территориях.

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-77-00047.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, жилищный фонд, климатические изменения, многолетняя мерзлота.

JEL: I10, I20, R53

Существует исследовательская проблема, связанная с необходимостью применения специфических социально-экономических показателей в исследованиях природного и техногенного риска для прогнозирования потенциальных ущербов, которые зачастую *не систематизированы и не всегда доступны в открытых информационных источниках*. Например, для оценки потенциального ущерба для жилищного фонда от деградации многолетней мерзлоты вследствие климатических изменений требуется рассчитать три вида издержек: стоимость термостабилизации грунтов оснований и пределы экономической эффективности их применения, стоимость ликвидации домов, фундаменты которых не подлежат сохранению и, наконец, стоимость нового строительства, взамен ликвидированных объектов. При этом такого рода научные исследования преимущественно выполняются на макроуровне — стран и крупных регионов [1; 2; 3]. Отсутствие официальной статистики, необходимой для прогноза ущерба, предопределяет два пути:

- *дедуктивный*, когда имеющиеся общие по региону/стране показатели распределяют по более низким иерархическим уровням (например, как было показано в предыдущих работах автора [4]);
- *индуктивный*, когда, напротив, полученные на микроуровне (уровне конкретных объектов) результаты экстраполируют на макроуровень с учетом необходимых ограничений и допущений.

В статье предлагается, прибегнув ко второму варианту, оценить издержки на адаптацию жилищного фонда к меняющимся инженерно-геологическим условиям до 2050 г. в достаточно крупном масштабе экономико-географических исследований на примере города Норильска. Численные значения искомых показателей, выявленные в данной работе, в дальнейшем могут лечь в основу построения аналогичных прогнозов для других городов криолитозоны России, где больше пробелов в статистической информации.

Однако следует оговорить методологические ограничения, связанные с *неполной индукцией*. Противоречивость и недостатки индуктивного подхода в научном исследовании отчетливо показаны еще Дэвидом Юмом в середине XVIII в. Даже известный немецко-американский философ Ганс Рейенбах, будучи приверженцем индуктивной логики, писал о принципе индукции лишь как о средстве, с помощью которого наука распознает истину: «Науке не дано полностью обрести ни истины, ни ложности... научные высказывания могут приобретать *степени вероятности*, недостижимыми верхним и нижним пределами которых служат истина и ложь» [5]. Такой принцип весьма точно характеризует исследования в области природного риска, где неопределенность столь высока, что приближение к определенному интервалу достоверности уже

является значимым результатом. В связи с этим применение дедуктивно-го метода проверки, согласно которому гипотезу можно проверить только эмпирически и только после того, как она была выдвинута [6], является необходимым дополнением, т.е. оба принципа должны быть применены вместе с целью уточнения и повышения достоверности результатов.

Программа реновации жилищного фонда Норильска в контексте мер по адаптации к меняющимся инженерно-геокриологическим условиям

Рассмотрим подробнее физико-географический аспект проблемы. Потепление климата последних лет привело к увеличению температуры многолетнемерзлых пород. Температура многолетней мерзлоты на глубине нулевых годовых колебаний увеличилась на 0,5–2,0°C за последние 20–30 лет в целом по криолитозоне России. Сложившаяся ситуация стала возможной причиной *массовых деформаций* и в отдельных случаях *обрушений зданий и сооружений* в большинстве населенных пунктов Арктической зоны Российской Федерации, построенных на мерзлоте по первому принципу [7]. Существует два основных принципа строительства на многолетнемерзлых грунтах.

Первый предполагает их сохранение в мерзлом состоянии в процессе строительства и в течение всего периода эксплуатации сооружения (т.е. для свайных фундаментов – прочное смерзание свай и многолетнемерзлых пород, в которые они помещаются). При применении второго принципа в качестве оснований зданий используются предварительно оттаянные грунты или грунты, оттаивающие в период эксплуатации сооружения. Более 75 % зданий на мерзлоте построено по первому принципу. При этом предпочтение отдается свайным фундаментам [8]. Прочность сцепления свайного фундамента с грунтом при увеличении температуры многолетней мерзлоты падает экспоненциально, что приводит к серьезным деформациям и разрушениям. Например, при переходе от -3°C к -2°C прочность сцепления падает на 50 кПа, а от -2°C до -1°C уже на 100 кПа [9].

Основная часть современного жилищного фонда Норильска построенная на многолетнемерзлых грунтах по первому принципу. Антропогенные воздействия, связанные с хозяйственной деятельностью, а также объективные тренды климатических изменений коренным образом *трансформируют исходные инженерно-геокриологические условия*, стимулируют развитие опасных криогенных процессов, снижают несущую способность фундаментов, приводят к деформациям зданий и сооружений.

Многоквартирный жилищный фонд города Норильска достаточно старый. Свыше 28% зданий имеют срок эксплуатации более 50 лет, 55% – 30–50 лет, 16% – 11–30 лет и лишь 0,5% – до 10 лет¹. К началу XXI в. около 250 крупных сооружений в городах Норильского про-

¹ По данным муниципальной программы «Комплексное социально-экономическое развитие города Норильска» от 2021 г. (см.: Официальный сайт города Норильска. URL: https://norilsk-city.ru/files/105265/182316/post_599_09122021.pdf (дата обращения: 22.04.2023)).

мышленного района имели существенные деформации, связанные с ухудшением мерзлотных условий, около 100 объектов находились в аварийном состоянии, 35 девяти- и пятиэтажных домов, возведенных в 60–80-е гг. XX в., были снесены или подлежали сносу [10]. Данная тенденция сохранилась и усилилась в последующие годы. В Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Норильск до 2030 г.² указано, что *половина жилищного фонда города уже имеет деформации, под угрозой потери жилья находится треть населения*, а система геотехнического мониторинга упразднена с уходом советской эпохи. Инновационный сценарий развития предполагает активацию жилищного строительства и создание системы контроля за мерзлотно-геокриологической обстановкой. Однако, как будет показано далее, фактическая реализация сценария идет, по-видимому, весьма низкими темпами, не отвечающими в полной мере остроте проблемы.

Общая площадь жилищного фонда города Норильска в 2022 г. составила 4 297,28 тыс. м² (856 домов), душевая обеспеченность – порядка 23,4 м на чел., что практически является средним значением для территории Арктической зоны Российской Федерации. Прогноз социально-экономического развития муниципального образования город Норильск на 2023–2025 гг.³ учитывает в качестве аварийных лишь 44,3 тыс. м², т.е. 8 домов, в которых проживает 2 823 чел. (или лишь 1% от общего фонда, что плохо соотносится с цифрами, указанными в вышеупомянутой Стратегии). Также прогноз предполагает повышение численности населения со 183,3 тыс. чел. в 2021 г. до 188,9 тыс. чел. в 2025 г. при снижении общей площади жилищного фонда до 4 258,61 тыс. м², соответственно, обеспеченность понизится. В связи с этим принятая к реализации программа реновации жилищного фонда на этот период позволит лишь в небольшой степени поддерживать текущее состояние, а не предполагает активного развития.

В рамках четырехсторонних соглашений о взаимодействии и сотрудничестве между Министерством регионального развития Российской Федерации, Красноярским краем, муниципальным образованием город Норильск и ПАО «ГМК «Норильский Никель» в 2011–2020 гг. были осуществлены мероприятия по сохранению устойчивости 283 зданий перспективного жилищного фонда (т.е. порядка трети от всего существующего фонда), комплексному капитальному ремонту трех многоквартирных домов и сносу 18 аварийных и ветхих строений. В планах нового этапа сотрудничества, начавшегося в 2021 г. и отраженного в комплексном плане социально-экономического развития города Норильска на 2021–2024 гг., началась программа реновации ветхого жи-

² Стратегия Норильск 2030 // Официальный сайт города Норильска. URL: <https://norilsk-city.ru/docs/22661/docstrplan/strat2030/index.shtml> (дата обращения: 22.04.2023).

³ Прогноз социально-экономического развития муниципального образования город Норильск на 2023–2025 гг. // Официальный сайт города Норильска. URL: https://norilsk-city.ru/files/22661/33153/prognoz_2023_2025k.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

лищного фонда до 2035 г.⁴, предполагающая ликвидацию 45 аварийных и ветхих жилых домов, строительство (реконструкцию) 37 многоэтажных жилых домов и 41 малоэтажных жилых дома на существующих фундаментах, а также 3 домов, имеющих историческую ценность. Также предполагаются мероприятия по термостабилизации грунтов оснований 12 многоквартирных жилых домов и социальных объектов в период с 2021 по 2024 г. и 39 аналогичных объектов в 2025–2035 гг. (утвержденные объемы финансирования до 2024 г. показаны в *таблице 1*).⁵

Т а б л и ц а 1

План реновации жилищного фонда города Норильска до 2024 г.

Мероприятие	Общий объем финансирования, млн руб. ⁶	Количество домов	Средние затраты на 1 объект, млн руб.
Ликвидация аварийного жилищного фонда	143,4	7 (общая площадь — 59,5 тыс. м²)	20,5
Строительство (реконструкция) многоэтажных жилых домов	3 434,7	5	686,9
Строительство (реконструкция) многоэтажных жилых домов на существующих фундаментах	3 220,0	10	322
Реконструкция домов, имеющих историческую ценность	294,8	3	98,3
Термостабилизация грунтов под многоквартирными домами и социальными объектами	648,3	12	54
Всего	7 741,2	—	—

Источник: составлено автором по [11].

Таким образом, с учетом проведенных мероприятий на предыдущем этапе, очевидно, что программа реновации затрагивает лишь малую долю проблемного фонда, и новое запланированное до 2024 г. строительство и реконструкция, а также термостабилизация грунтов оснований *в полной мере не решат существующей проблемы*. Вместе с тем издержки на реализацию программы реновации весьма высоки и составляют 7,7 млрд руб. в ценах 2021 г., хотя речь идет работе всего лишь с несколькими процентами от общего существующего жилищного фонда (если

⁴ Комплексный подход к решению городских задач 2035 // Официальный сайт города Норильска. URL: http://norilsk-city.ru/files/84/100694/prezentaciya_kompleksnyj_podhod_03042021.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

⁵ Там же.

⁶ В т.ч. из средств федерального бюджета, средств консолидированного бюджета Красноярского края, ГМК «Норильский никель».

не принимать во внимание финансирование основной части программы со стороны «Норильского никеля», то эта сумма составляет порядка 40% всех доходов бюджета Норильска в 2021 г., что говорит об ограниченности внутренних ресурсов на подобные программы в других проблемных городах криолитозоны, где отсутствует столь крупный бизнес).

Оценка издержек на адаптацию многоквартирного жилищного фонда города Норильска с учетом прогнозов изменения инженерно-геокриологических условий до 2050 г.

Согласно прогнозам деградации многолетней мерзлоты вследствие климатических изменений [12], при условии реализации наиболее негативного сценария потепления деформациям и разрушениям к 2050 г. будет подвергнуто порядка 95% от существующего в 2020 г. жилищного фонда Норильска. Исключим из этой суммы дома, запланированные к сносу и термостабилизации до 2035 г. в ходе реализации проанализированных выше программ (45 домов, подлежащих сносу, 51 — термостабилизации грунтов). Таким образом, при условии эффективной реализации указанных мероприятий *разрушениям и деформациям вследствие растепления грунтов оснований до 2050 г. в Норильске будет подвергнуто порядка 717 домов*. Примем допущение, что новые запланированные к строительству дома останутся устойчивыми, хотя ряд ведущих российских экспертов-мерзловедов придерживаются мнения, что при сохранении сегодняшних технологий для нового строительства в криолитозоне, новые постройки не менее уязвимы.

Автором была составлена база данных объектов жилищного фонда Норильска по данным Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства⁷, из которой были исключены адреса объектов, подлежащих сносу/стабилизации. Необходимые для проведения расчетов данные о сериях домов, годах ввода в эксплуатацию, этажности, количестве подъездов и квартир, общих и жилых площадях, площадях подвалов, типах и материалах фундаментов, проценте их износа были взяты из открытого ресурса Общественный проект «Дом.МинЖКХ.РУ»⁸. Фрагмент базы данных представлен в *таблице 2*.

По ранее разработанной и апробированной автором методике [14] была оценена рыночная стоимость существующих жилых домов (здесь и далее — в ценах 2023 г.). Для оценки ликвидационной стоимости этой доли жилищного фонда был рассчитан показатель средней стоимости ликвидации 1 м² домов соответствующих серий, исходя из данных о финансировании аналогичных мероприятий, изложенных в вышеупомянутых нормативно-правовых документах города Норильска. Было установлено, что средняя стоимость ликвидации 1 м² жилищного фонда

⁷ Фонд развития территорий. URL: <https://www.reformagkh.ru/?tid=2360551> (дата обращения: 22.04.2023).

⁸ Жилой фонд в Норильске // ДОМ.МинЖКХ.РУ. URL: <https://dom.mingkh.ru/krasnoyarskiy-kray/norilsk/> (дата обращения: 22.04.2023).

в Норильске составляет порядка 2 410 руб. Для расчетов нового замещающего жилищного строительства также были использованы данные о предельной сметной стоимости конкретных объектов и их метраже. Таким образом, средняя стоимость строительства 1 м² многоквартирного жилого дома в Норильске составляет порядка 270 тыс. руб. за квадратный метр, что существенно выше показателя Единой информационной системы жилищного строительства⁹, имеющегося для Красноярского края – 41,8 тыс. руб.

Т а б л и ц а 2

Фрагмент базы данных жилых домов города Норильска

Адрес	Год	Количество этажей	Количество квартир	Количество подъездов	Серия	Площадь многоквартирного дома, м ²	Площадь жилых помещений м ²	Площадь подвала, м ²	Фундамент	Физический износ, %
Пр-кт Ленинский, 1	1951	7	86	5	Сталинка	13 131,4	7 626,33	637	Столбчатый	15
Пр-кт Ленинский, 44А	1970	5	60	3	1-464-М	2 602,2	2 602	653	Свайный	20
Пр-кт Ленинский, 47В	2015	3	61	2	1-447	1 919,4	1 434	760,4	Свайный	20
Ул. Полярная, 1	1974	9	139	4	к-69	7 343,2	7 202,1	1375	Ленточный	31
Ул. Таймырская, 1	1973	5	59	3	1-447с	2 498	2 458,9	690	Ленточный ростверк по сваям	20

Источник: составлено автором по [13].

Таким образом, в результате расчетов получилось численное значение совершенно другого порядка – *совокупный ущерб* жилищному фонду Норильска к 2050 г. от деградации многолетней мерзлоты вследствие климатических изменений *может достигнуть 1,6 трлн руб.* в ценах 2023 г. (см. табл. 3). Это сопоставимо с *годовой выручкой* всего «Норильского никеля», не говоря уже о возможностях краевого и муниципального бюджетов. Кроме того, ввиду кризисных явлений в российской экономике, вызванных многими факторами, положение таких экспортоориентированных промышленных гигантов, как «Норильский никель», тоже

⁹ Стоимость строительства 1 м² общей площади в каждом регионе в октябре 2022 г. // Минстрой России. URL: <https://наш.дом.рф/медиа/новости/2022/10/стоимость-строительства-1-кв.-метра-общей-площади-в-каждом-регионе-в-октябре-2022-года> (дата обращения: 22.04.2023).

имеет высокую неопределенность, а, соответственно, и их дальнейшие финансовые возможности, связанные с реализацией программ по социальной ответственности, также неоднозначны. Например, В I квартале 2023 г. «Норильский никель» получил чистый убыток в размере 31,66 млрд руб.¹⁰, что не было характерным для предыдущих периодов.

Т а б л и ц а 3

Оценочная стоимость ущерба жилищному фонду города Норильска к 2050 г. от деградации многолетней мерзлоты вследствие климатических изменений (в ценах 2023 г.)

Составляющая ущерба	Млрд руб.
Величина прямого ущерба для жилищного фонда (потеря рыночной стоимости)	217,5
Стоимость ликвидации деформированного жилищного фонда	12,2
Стоимость нового строительства взамен ликвидированного	1 365,6
Стоимость термостабилизации грунтов оснований жилищного фонда	39
Всего	1 595,3

Источник: рассчитано автором.

Стоимость термостабилизации зданий складывается из издержек на изготовление, транспортировку и строительно-монтажные работы по установке термостабилизаторов. Подбор их количества и геометрического расположения выполняется по результатам теплотехнического моделирования, поэтому каждый конкретный объект уникален и требует индивидуального подхода. Вместе с тем потребность в проведении комплексных мелкомасштабных оценок вызывает необходимость получения агрегированных усредненных показателей.

В связи с широким разнообразием видов продукции компании — производители систем термостабилизации грунтов не размещают прайс-листы на свою продукцию в открытых источниках. Как правило, расчет цен производится на основании конструкторской документации (опросных листов) заказчика. Однако можно сделать косвенные оценки о приблизительной стоимости продукции. Так, согласно приложению к приказу Минстроя России от 14 октября 2021 г. № 746/пр «О внесении изменений в федеральный реестр сметных нормативов информации о федеральных единичных расценках и отдельных составляющих к ним», прямые затраты на установку термостабилизатора грунта диаметром до 38 мм, длиной до 13 м в многолетнемерзлых грунтах составляют 7 263,93 руб. Реальные рыночные цены, разумеется, выше. В среднем по данным НПО «Фундаментстройаркос» (одного из крупнейших

¹⁰ «Норникель» получил чистый квартальный убыток по РСБУ в 31,7 млрд руб. // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/898340> (дата обращения: 28.04.2023).

предприятий, занимающихся термостабилизацией зданий и сооружений в условиях криолитозоны России), 1 средний термостабилизатор обеспечивает площадь замораживания порядка 4 м² [15], а удельная стоимость стабилизации 1 м² замороженного грунта в плане здания, составляет от 10 000 до 80 000 руб. за 1 м² [12]. Такой разброс цен связан с техническими решениями и расценками в зависимости от категории грунтов и глубины бурения. По данным, приведенным в работе [16], стоимость термостабилизации 1 м² грунта (с учетом стоимости самого термостабилизатора и его монтажа) составляет 176 долл. США, т.е. порядка 12,8 тыс. руб. по средневзвешенному курсу на 1 квартал 2023 г.

При проведении оценок необходимо также учитывать тот факт, что, по неофициальным данным, высокая доля термостабилизаторов *повреждается при неквалифицированном монтаже*, по различным причинам выходит из строя за первые годы эксплуатации, работает на 50% проектной мощности в современном климате. Это влечет дополнительные и зачастую непредвиденные издержки.

В условиях отсутствия доступной информации по данной проблеме был задействован ресурс «РосТендер»¹¹, где была доступна сметная документация по термостабилизации двух многоквартирных домов в Норильске, а также вышеупомянутые нормативно-правовые документы Норильска. Их анализ в целом *подтвердил вышеизложенные ценовые закономерности*: совокупная стоимость стабилизации 1 м² замороженного грунта в плане здания в Норильске колеблется от 4,3 тыс. руб. до 136 тыс. руб. (в зависимости от серии, года постройки домов, текущего состояния фундаментов). В связи с этим для расчета показателя по всему фонду, требующему термостабилизации (не исключаем из рассмотрения стабилизированные в 2011–2020 гг. фундаменты, т.к. за такой промежуток времени значительная часть термостабилизаторов выходит из строя, а условия продолжают меняться), примем медианное значение, равное порядка 40 тыс. руб. за м². Путем перемножения с площадями оснований требующих термостабилизации жилых домов в первом приближении удалось установить, что общие издержки могут достигнуть 39 млрд руб. в ценах 2023 г.

Близкие пропорции ущерба для жилищного фонда от таяния многолетней мерзлоты, по-видимому, характерны и для остальных урбанизированных территорий криолитозоны российской Арктики в зависимости от того, как скоро будут разработаны и начнут реализовываться *планы адаптационных мероприятий*.

¹¹ Тендеры: термостабилизаторы грунтов // РосТендер. URL: https://rostender.info/category/tendery-termostabilizaciya-gruntov?active_filter=1&page=1 (дата обращения: 22.04.2023).

***Потенциал противостояния муниципальных образований регионов
Арктической зоны Российской Федерации геокриологическим
опасностям и в целом негативным последствиям климатических
изменений***

В контексте вышеизложенных проблем важно понимание, *насколько силен потенциал противостояния* конкретных территорий к изменению инженерно-геокриологических условий под воздействием климатических изменений или хотя бы как разные районы Арктической зоны Российской Федерации *дифференцированы между собой* по этому признаку. Для этих целей был разработан специальный индекс на уровне муниципальных образований. В него были включены следующие статистические показатели Росстата¹², усредненные за 2020–2022 гг.:

1. Валовое производство на территории муниципального образования (*GP*).

2. Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения (*ЕС*).

3. Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства) (*I*).

4. Финансовый результат прибыльных организаций по данным бухгалтерской отчетности (*F*).

В первую очередь эти показатели наилучшим образом отражают:

- реальный размер экономики муниципального образования (показатели валового производства и финансового результата прибыльных организаций);
- возможности инвестирования в возобновление основных фондов и склонность к экологической ответственности (показатели инвестиций в основной капитал и затрат на природоохранную деятельность).

Показатели преднамеренно были взяты в абсолютном выражении, т.к. потенциальные ущербы имеют такой же формат.

Показатель *валового производства муниципального образования* был рассчитан, исходя из фактических данных, имеющихся в базе данных показателей муниципальных образований Росстата (данных о промышленном и сельскохозяйственном производстве), а также путем распределения региональных значений оборота организаций по видам экономической деятельности, согласно ОКВЭД-2, пропорционально доле каждого муниципалитета в фонде заработной платы соответствующих отраслей.

Следующим шагом была *нормировка* четырех показателей, т.е. их линейное преобразование таким образом, чтобы их значения измерялись в одинаковых единицах и попали в сопоставимые по величине интер-

¹² База данных Росстата «Показатели муниципальных образований» // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 22.04.2023).

валы. В качестве метода нормировки, исходя из первичного анализа заявленных показателей, наиболее оптимальным представляется метод нелинейной нормировки (1), поскольку он предполагает работу с аномальными значениями (выбросами) и ориентирование не на экстремальные значения, а на типичные, т.е. на статистические характеристики данных, такие как среднее и дисперсия. Функция нелинейного преобразования имеет вид:

$$XN(i) = \frac{1}{1 + \exp\left(-\frac{X(i) - \bar{X}}{\delta}\right)}, \quad (1)$$

где δ – стандартное отклонение значений i -й переменной;

$XN(i)$ – нормированное значение i -й переменной;

$X(i)$ – исходное значение i -й переменной;

$\bar{X}$ – среднее значение i -й переменной.

При данном способе нормирования данных гарантируется, что распределение значений после такого нелинейного преобразования становится гораздо ближе к равномерному. Таким образом, мы получаем достаточно компактное распределение интегрального индекса, где большая группа минимальных переменных уже не стремится к нулю (как при линейном преобразовании) и хорошо дифференцируема.

Сумма четырех получившихся нормированных (N) показателей дает значение искомого интегрального индекса адаптационного потенциала (R) для i -го муниципального образования:

$$Ri = NGPi + NECi + Nli + NF_i. \quad (2)$$

Итоговый рейтинг муниципальных образований Арктической зоны Российской Федерации по уровню потенциала противостояния геокриологическим опасностям и в целом негативным последствиям климатических изменений, составленный на основании количественной оценки масштаба муниципальных экономик, внутренних бюджетных ресурсов муниципалитетов и финансового потенциала зарегистрированных на их территории компаний, был сопоставлен с размером ожидаемых при умеренном сценарии потепления до 2050 г. ущербов для зданий и сооружений, построенных на мерзлоте по первому принципу (при котором многолетнемерзлые грунты основания используются в мерзлом или промораживаемом состоянии, сохраняемом в процессе строительства и в течение всего периода эксплуатации сооружения (см. рис 1).

Как показано на карте, ареалы максимальной ожидаемой деградации многолетней мерзлоты, максимальных размеров ущербов от этого жилым домам, зданиям и сооружениям отраслей экономики в целом соответствуют главным ареалам добычи высокоценных экспортноориентированных полезных ископаемых. Соответственно, индекс, характеризующий потенциал противостояния (возможность нести соответствующие издержки) в этих муниципальных образованиях, также достаточно вы-

сок. При этом имеются исключения — районы, где вероятность больших ущербов высока, а внутренние ресурсы на адаптацию, напротив, весьма ограничены, например, в Воркуте. Именно эти территории требуют первостепенного внимания, в т.ч. в рамках региональной политики Федерального центра.

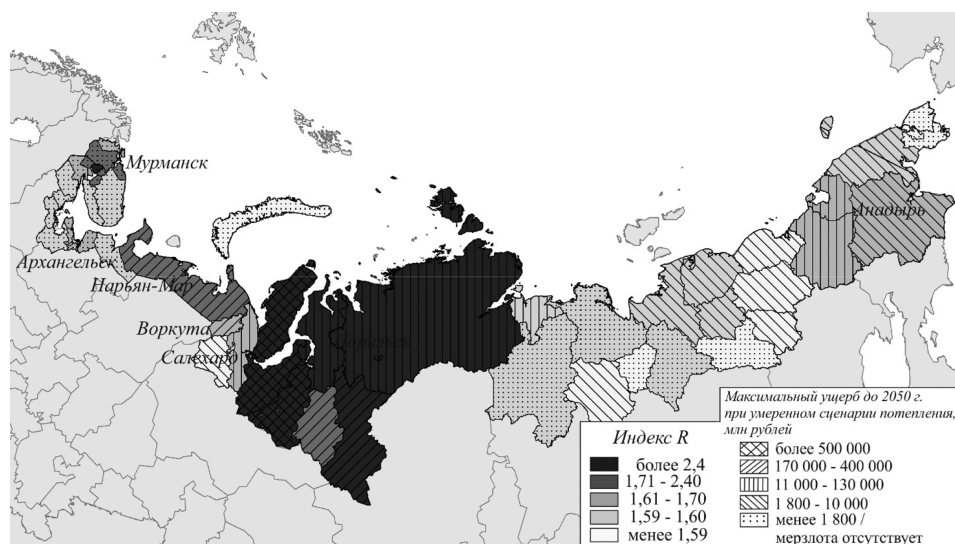

Рис. 1. Карта потенциала противостояния муниципальных образований регионов Арктической зоны Российской Федерации к геокриологическим опасностям

Источник: составлена автором по результатам собственных расчетов — Индекс R, и [17] — данные о максимальном ущербе для зданий и сооружений.

Для более наглядной иллюстрации вышеописанных закономерностей рассмотрим в дополнение соотношение показателей «Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб.» (среднегодовое значение за 2020–2022 гг.) и «Максимальный ущерб для зданий и сооружений, построенных на мерзлоте, при умеренном сценарии потепления до 2050 года» (для муниципалитетов, расположенных в условиях криолитозоны (см. рис. 2)). В большинстве рассмотренных районов этот показатель занимает малую долю процента, особенно в Воркуте, наименее экономически развитых арктических улусах Якутии, городах Ямало-Ненецкого автономного округа. Такие низкие значения этого показателя подчеркивают важность понимания вероятности того, что при реализации негативных сценариев изменения инженерно-геокриологических условий и, как следствие, стремительном выводе из эксплуатации значительной доли деформированных и разрушенных основных фондов, потребуются изыскание существенных дополнительных источников финансирования для преодоления сложившейся ситуации, поддержания и восстановления утраченных объектов.

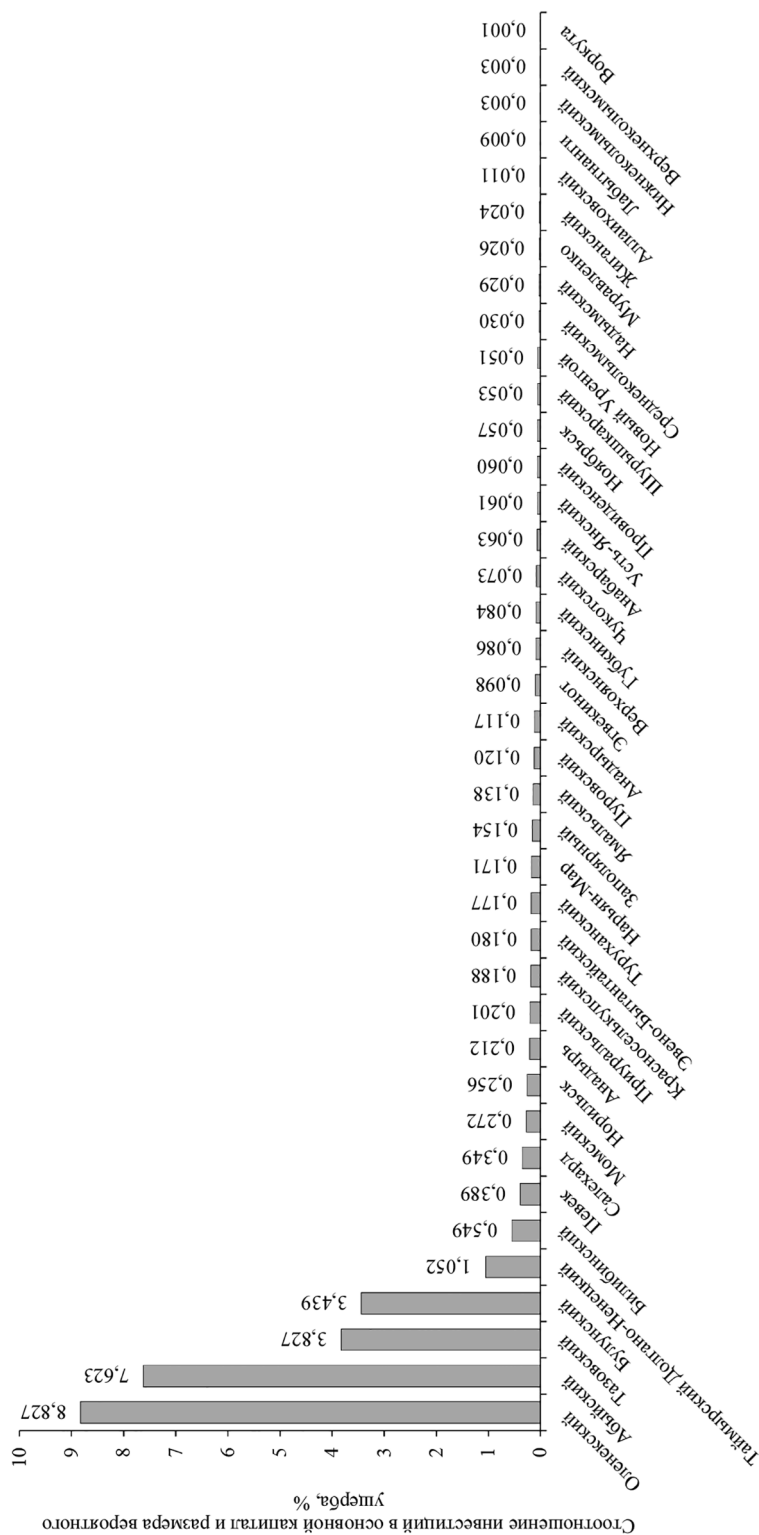

Рис. 2. Соотношение показателей «Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб.» (среднегодное значение за 2020–2022 гг.) и «Максимальный ущерб для зданий и сооружений, построенных на мерзлоте, при умеренном сценарии потепления до 2050 г.»

Источник: составлено автором по данным Росстата и [17].

Заключение

Проблема деградации многолетней мерзлоты вследствие климатических изменений в пределах урбанизированных территорий и негативных последствий от этого для недвижимой части основных фондов еще *не нашла должного отражения* в документах стратегического планирования федерального, регионального и муниципального уровней. Национальный план адаптации к изменениям климата до 2025 г., система государственного геоэкологического мониторинга и прочие аналогичные документы находятся лишь на начальных этапах разработки. На региональном уровне «Закон об охране вечной мерзлоты» принят в настоящий момент только в Республике Саха (Якутия)¹³, а проблема социально-экономических последствий от изменения инженерно-геоэкологических условий лишь номинально указывается в некоторых стратегиях социально-экономического развития ограниченного числа регионов Арктической зоны Российской Федерации, расположенных в пределах криолитозоны, и не предусматривает разработки конкретных планов мероприятий [18].

Вместе с тем, как показал пример Норильска, решение проблемы замещения одного только деформированного жилищного фонда является чрезвычайно *долгим и капиталоемким процессом*. Документы стратегического планирования муниципального уровня Норильска в полной мере не учитывают проблему деградации многолетней мерзлоты в плане реализации конкретных мероприятий, хотя масштаб проблемы понятен и озвучен. Поэтому прогнозы социально-экономического развития города требуют уточнений плана действий, исходя из вероятности реализации негативных сценариев.

При этом в других менее экономически благополучных городах российской Арктики ситуация значительно хуже и, как показало проведенное исследование, внутренние финансовые возможности, необходимые для осуществления адаптационных мероприятий на порядок ниже. Например, по данным известного российского ученого мерзлотоведа В.И. Гребенца¹⁴ в крупных городах криолитозоны России деформирована весьма значительная доля зданий и сооружений: 48% в Якутске, 70% в Вилюйске, 80% в Воркуте, 40–55% в городских поселениях Магаданской области, 50–70% в небольших городах Бурятии и пр. При этом системные долгосрочные программы реновации жилищного фонда не распространены, особенно в депрессивных городах, где отсутствует столь крупный бизнес, как «Норильский никель». С учетом пессимистичных

¹³ Закон Республики Саха (Якутия) от 22 мая 2018 г. № 2006-З N 1571-V «Об охране вечной мерзлоты в Республике Саха (Якутия)». Принят постановлением Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 22 мая 2018 г. 3 № 1572-V. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550111100> (дата обращения: 22.04.2023).

¹⁴ Турчанинова А.С., Гребенец В.И., Кизяков А.И., Сократов С.А., Стрелецкая И.Д., Толманов В.А. Анализ воздействия опасных криогенных и гляциальных процессов на инфраструктуру Арктики. URL: <http://media.geogr.msu.ru/DISTANT/Lomonosov2020/2020-7.rptx> (дата обращения: 22.04.2023).

прогнозов изменения геокриологических условий [19], ситуация может стать критической, когда станет неизбежным массовый вывод из эксплуатации значительной доли жилищного фонда без возможности сохранения фундаментов. Полагаем, что наш анализ, может способствовать проведению первичных оценок издержек на замещение жилищного фонда, которые могут лечь в основу разработки программ реновации для других городов криолитозоны.

Список литературы

1. Hjort J., Karjalainen O., Aalto J. et al. Degrading Permafrost Puts Arctic Infrastructure at Risk by Midcentury // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9 (1). DOI: 10.1038/s41467-018-07557-4
2. Suter L., Shiklomanov N., Streletskiy D. Assessment of the Cost of Climate Change Impacts on Critical Infrastructure in the Circumpolar Arctic // *Polar Geography*. 2019. Vol. 42. P. 267–286.
3. Streletskiy D.A., Suter L., Shiklomanov N.I. et al. Assessment of Climate Change Impacts on Buildings, Structures and Infrastructure in the Russian Regions on Permafrost // *Environmental Research Letters*. 2019. Vol. 14. N 2. DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6
4. Бадина С.В. Вероятные последствия деградации многолетней мерзлоты для социальной инфраструктуры Российской Арктики // *Федерализм*. 2022. Т. 27. № 4. С. 155–167.
5. Reichenbach H. Kausalitat und Wahrscheinlichkeit // *Erkenntnis*. 1930. Vol. 1 (1). P. 158–188.
6. Поннер К. Логика научного исследования / пер. с англ. М.: АСТ: Астрель, 2010. 565 с.
7. Стрелецкий Д.А., Шикломанов Н.И., Гребенец В.И. Изменение несущей способности мерзлых грунтов в связи с потеплением климата на севере Западной Сибири // *Криосфера Земли*. 2012. Т. 16. №. 1. С. 22–32.
8. Гребенец В.И. Криогенные процессы // *География, общество, окружающая среда*. Т. 1. Структура, динамика, эволюция природных геосистем. М.: Издательский дом «Городец», 2004. – С. 344–356.
9. Instanes A., Anisimov O. Climate Change and Arctic Infrastructure // *Proceedings Ninth International Conference on Permafrost* / edited by D. Kane, K.M. Hinkel. – Institute of Northern Engineering, University of Alaska Fairbanks, Fairbanks, Alaska, 2008.
10. Гребенец В.И. Негативные последствия деградации мерзлоты // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2007. № 3. С. 18–21.
11. Соглашение о взаимодействии и сотрудничестве в целях реализации комплексных мер социально-экономического развития муниципального образования город Норильск на период до 2024 года и перспективу до 2035 года от 20.02.2021 // Официальный сайт г. Норильска. URL: <https://norilsk-city.ru/100694/index.shtml> (дата обращения: 22.04.2023).
12. Мельников В.П., Осипов В.И., Брушков А.В., Бадина С.В. и др. Адаптация инфраструктуры Арктики и Субарктики к изменениям температуры мерзлых грунтов // *Криосфера Земли*. 2021. Т. 25. № 6. С. 3–15.
13. Сайт общественного инициативного проекта по раскрытию информации о состоянии жилого фонда в Российской Федерации // ДОМ.МинЖКХ.

PV. URL: <https://dom.mingkh.ru/krasnoyarskiy-kray/norilsk/> (дата обращения: 22.04.2023).

14. Badina S.V. Estimation of the Value of Buildings and Structures in the Context of Permafrost Degradation: The Case of the Russian Arctic // *Polar Science*. 2021. Vol. 29. DOI: 10.1016/j.polar.2021.100730

15. Аникин Г.В., Плотников С.Н., Спасенникова К.А. Расчет динамики промерзания грунта под воздействием одиночного термосифона // *Криосфера Земли*. 2013. Т. 17. № 1. С. 51–55.

16. Sharaborova E.S., Shepitko T.V., Loktionov, E.Y. Experimental Proof of a Solar-Powered Heat Pump System for Soil Thermal Stabilization // *Energies*. 2022. Vol. 15. DOI: 10.3390/en15062118

17. Мельников В.П., Осипов В.И., Брушков А.В. и др. Оценка ущерба жилым и промышленным зданиям и сооружениям при изменении температур и оттаивании многолетнемерзлых грунтов в Арктической зоне Российской Федерации к середине XXI века // *Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология*. 2021. № 1. С. 14–31.

18. Бадина С.В., Панкратов А.А. Адаптационные подходы к климатическим изменениям в документах стратегического управления // *Проблемы теории и практики управления*. 2021. № 9. С. 102–120.

19. Romanovsky V., Isaksen K., Drozdov D., Anisimov O. et al. Changing permafrost and its impacts // *Snow, Water, Ice and Permafrost in the Arctic (SWIPA)*. – AMAP, 2017. P. 65–102.

References

1. Hjort J., Karjalainen O., Aalto J. et al. Degrading Permafrost Puts Arctic Infrastructure at Risk by Midcentury, *Nature Communications*, 2018, Vol. 9 (1). DOI: 10.1038/s41467-018-07557-4

2. Suter L., Shiklomanov N., Streletskiy D. Assessment of the Cost of Climate Change Impacts on Critical Infrastructure in the Circumpolar Arctic, *Polar Geography*, 2019, Vol. 42, pp. 267–286.

3. Streletskiy D.A., Suter L., Shiklomanov N.I. et al. Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian re-gions on permafrost, *Environmental Research Letters*, 2019, Vol. 14, No. 2, DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6

4. Badina S.V. Veroyatnye posledstviia degradatsii mnogoletnei merzloty dlia sotsial'noi infrastruktury Rossiiskoi Arktiki [Probable Consequences of Permafrost Degradation for the Social Infrastructure of the Russian Arctic], *Federalizm [Federalism]*, 2022, Vol. 27, No. 4, pp. 155–167. (In Russ.).

5. Reichenbach H. Kausalitat und Wahrscheinlichkeit, *Erkenntnis*, 1930, Vol. 1 (1), pp. 158–188.

6. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniia [The Logic of Scientific Research], translated from English, Moscow, AST: Astrel', 2010, 565 p. (In Russ.).

7. Streletskii D.A., Shiklomanov N.I., Grebenets V.I. Izmenenie nesushchei sposobnosti merzlykh gruntov v sviazi s potepieniem klimata na severe Zapadnoi Sibiri [Changes in the Bearing Capacity of Frozen Soils Due to Climate Warming in the North of Western Siberia], *Kriosfera Zemli [Cryosphere of the Earth]*, 2012, Vol. 16, No. 1, pp. 22–32. (In Russ.).

8. Grebenets V.I. Kriogennnye protsessy [Cryogenic Processes], *Geografiia, obshchestvo, okruzhaiushchaia sreda. T. 1. Struktura, dinamika, evoliutsiia prirodnkh geosistem [Geography, Society, Environment. Vol. 1. Structure, Dynamics, Evolution*

of Natural Geosystems]. Moscow, Izdatel'skii dom "Gorodets", 2004, pp. 344–356. (In Russ.).

9. Instanes A., Anisimov O. Climate change and Arctic infrastructure, *Proceedings Ninth International Conference on Permafrost*, edited by Kane, D., Hinkel, K.M., Institute of Northern Engineering, University of Alaska Fairbanks, Fairbanks, Alaska, 2008.

10. Grebenets V.I. Negativnye posledstviia degradatsii merzloty [Negative Consequences of Permafrost Degradation], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiia* [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography], 2007, No. 3, pp. 18–21. (In Russ.).

11. Soglasenie o vzaimodeistvii i sotrudnichestve v tseliakh realiza-tsii kompleksnykh mer sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia munitsipal'nogo obrazovaniia gorod Noril'sk na period do 2024 goda i perspektivu do 2035 goda ot 20.02.2021 [Agreement on Interaction and Cooperation in Order to Implement Comprehensive Measures for the Socio-Economic Development of the Municipality of the City of Norilsk for the Period up to 2024 and up to 2035 from 20.02.2021], *Ofitsial'nyi sait g. Noril'ska* [Official Website of the City of Norilsk]. (In Russ.). Available at: <https://norilsk-city.ru/100694/index.shtml> (accessed 22 April 2023).

12. Mel'nikov V.P., Osipov V.I., Brushkov A.V., Badina S.V. i dr. Adaptatsiia infrastruktury Arktiki i Subarktiki k izmeneniiam temperatury merzlykh gruntov [Adaptation of the Infrastructure of the Arctic and Subarctic to Changes in the Temperature of Frozen Soils], *Kriosfera Zemli* [Cryosphere of the Earth], 2021, Vol. 25, No. 6, pp. 3–15. (In Russ.).

13. Sait obshchestvennogo initsiativnogo proekta po raskrytiiu informatsii o sostoianii zhilogo fonda v Rossiiskoi Federatsii [Website of a Public Initiative Project to Disclose Information about the State of the Housing Stock in the Russian Federation], *DOM.MinZhKKh.RU* [HOUSE.MinZhKH.RU]. (In Russ.). Available at: <https://dom.mingkh.ru/krasnoyarskiy-kray/norilsk/> (accessed 22 April 2023).

14. Badina S.V. Estimation of the Value of Buildings and Structures in the Context of Permafrost Degradation: The case of the Russian Arctic, *Polar Science*, 2021, Vol. 29.

15. Anikin G.V., Plotnikov S.N., Spasennikova K.A. Raschet dinamiki promerzaniia grunta pod vozdeistviem odinochnogo termosifona [Calculation of the Dynamics of Soil Freezing Under the Influence of a Single Thermosyphon], *Kriosfera Zemli* [Cryosphere of the Earth], 2013, Vol. 17, No. 1, pp. 51–55. (In Russ.).

16. Sharaborova E.S., Shepitko T.V., Loktionov, E.Y. Experimental Proof of a Solar-Powered Heat Pump System for Soil Thermal Stabilization, *Energies*, 2022, Vol. 15.

17. Mel'nikov V.P., Osipov V.I., Brushkov A.V. i dr. Otsenka ushcherba zhilyim i promyshlennym zdaniiam i sooruzheniiam pri izmenenii temperatur i ottaivaniia mnogoletnemerzlykh gruntov v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii k seredine XXI veka [Evaluation of Damage to Residential and Industrial Buildings and Structures During Temperature Changes and Permafrost Thawing in the Arctic Zone of the Russian Federation by the Middle of the 21st Century], *Geoekologiya. Inzhenernaia geologiya. Gidrogeologiya. Geokriologiya* [Geoecology. Engineering geology. Hydrogeology. Geocryology], 2021, No. 1, pp. 14–31. (In Russ.).

18. Badina S.V., Pankratov A.A. Adaptatsionnye podkhody k klimaticheskim izmeneniiam v dokumentakh strategicheskogo upravleniia [Adaptation Approaches To Climate Change In Documents Of Strategic Management], *Problemy teorii i praktiki upravleniia* [Problems of Theory and Practice of Management], 2021, No. 9, pp. 102–120. (In Russ.).

19. Romanovsky V., Isaksen K., Drozdov D., Anisimov O. et al. Changing Permafrost and Its Impacts, *Snow, Water, Ice and Permafrost in the Arctic (SWIPA)*, AMAP, 2017, pp. 65–102.

FORECASTING THE COSTS FOR ADAPTING THE HOUSING STOCK TO CHANGING PERMAFROST CONDITIONS (THE CASE OF NORILSK)*

The problem of predicting the socio-economic consequences of permafrost degradation due to climate change is an important area of modern scientific research. At the moment, there are no unified approaches and methods for assessing this type of natural risk, respectively, there is no reliable idea of the scale of possible consequences, which in turn is manifested in the poor elaboration of the issue in strategic planning documents for permafrost areas. The city of Norilsk (Krasnoyarsk krai) is an example of an Arctic city in Russia, located in the permafrost zone, where active work has begun on the housing stock renovation, including due to problems associated with the degradation of permafrost under the influence of anthropogenic and climatic factors. An analysis of legal documents related to the socio-economic development of the city, renovation plans and documents aimed at solving the problem of replacing the deformed housing stock showed that the scale of measures does not fully correspond to the severity of the problem. A comparison of the key characteristics of the Norilsk housing stock, taking into account its current state and plans for transformation, with a long-term forecast of changes in engineering and cryological conditions until 2050, made it possible to estimate the total costs of adaptation, which can reach 1.6 trillion rubles in 2023 prices. In addition, a rating of Russian Arctic municipalities was compiled, based on the ratio of indicators characterizing internal adaptive capabilities to changing geocryological conditions and the amount of expected damage to the buildings and structures. It was found that, in general, the scale of the likely consequences significantly exceeds the available resources, and the most negative situation is already developing in the most depressed areas.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, housing stock, climate change, permafrost.

JEL: I10, I20, R53

Дата поступления — 02.05.2023 г.

БАДИНА Светлана Вадимовна

кандидат географических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992;

научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории геоэкологии Севера географического факультета;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» / Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991.

e-mail: bad412@yandex.ru

* This research was funded by the Russian Science Foundation (RSF project number 21-77-00047 «Forecasting of economic damage for the Russian Arctic territory in the geocryological conditions changing context»).

BADINA Svetlana V.

Cand. Sc. (Geography), Senior Researcher of the Research Laboratory
“Regional Policy and Regional Investment Processes”;
Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Plekhanov Russian
University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.
Researcher of the Laboratory of Geoecology of the North, Faculty of
Geography;
Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Lomonosov Moscow
State University” / 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991.
e-mail: bad412@yandex.ru

Для цитирования:

Бадина С.В. Прогнозирование издержек на адаптацию жилищного
фонда к меняющимся геокриологическим условиям (на примере
Норильска) // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 47–65. DOI: [http://
dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-47-65](http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-47-65)

С.Г. БЫЧКОВА, А.Б. ДУХОН, О.И. ОБРАЗЦОВА, Н.Д. ЭПШТЕЙН

НАПРАВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ОБЪЕМА И КАЧЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ РЫНКА ЖИЛЬЯ В РОССИИ

Жилая недвижимость является одним из важнейших видов активов, без которого невозможно существование и развитие экономики. Для целого сектора домашних хозяйств жилища являются не только источником средств существования, но и определяют стоимость жизни. Более того, в Руководстве СНС 2008 г. производство жилищных услуг владельцами жилья для собственного потребления включается в границы производства (как и в более ранних редакциях СНС ООН). Это еще раз подчеркивает важность изучения жилищного фонда как важнейшей основы рынка недвижимости. Кроме того, объем, динамика и структура жилищного фонда по различным направлениям классификации — важный фактор формирования рынка недвижимости, его пообъектной основы, а также развития деятельности субъектов данного рынка. Вышеизложенные соображения определили актуальность исследования состава и структуры жилищного фонда Российской Федерации, в т.ч. региональных различий жилищного фонда в разрезе комплекса классификационных признаков.

Ключевые слова: *жилая недвижимость, жилищный фонд, площадь жилых помещений, структура, квартильные группы, дисперсионный анализ.*

JEL: R3, R30, R31, R32

Жилая недвижимость — это одновременно источник богатства и, поскольку собственники проживают в своей собственности или на ее территории, важный определяющий фактор их *стоимости жизни*. Жилища по своим имманентным свойствам и полезности представляют собой относительно однородный класс объектов рынка недвижимости в целом, поэтому им присущи общие свойства, важные для всех объектов такого рода. Основными свойствами жилой недвижимости являются полезность (объекты недвижимости должны максимально удовлетворять потребности собственника), фундаментальность (недвижимость при обычных условиях невозможно потерять, сломать

или похитить), стационарность (объекты недвижимости тесно связаны с землей), неповторимость (каждый объект недвижимости уникален), ликвидность (недвижимость обладает низкой ликвидностью).

Ст. 130 гл. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет границы недвижимости в соответствии с определениями и классификациями Системы национальных счетов (СНС), создавая таким образом легальную основу для организации официального статистического учета в области рынка недвижимости в соответствии с международными стандартами: «К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в т.ч. здания, сооружения, объекты незавершенного строительства».

Общие свойства и отличительные признаки недвижимых объектов в составе национального богатства, включая жилые здания, детально рассматриваются в Системе национальных счетов (и в СНС ООН 1993, и особенно в СНС ООН 2008). Жилая недвижимость как часть совокупности активов в СНС — это накопленный запас стоимости, приносящий экономическую выгоду или ряд экономических выгод экономическому собственнику как следствие владения жильем или использования его для собственного проживания в течение некоторого периода времени [1]. Таким образом, жилье — это *капитальный ресурс*, позволяющий домашнему хозяйству — собственнику осуществлять производство услуг по проживанию (сдавать жилье в аренду или проживать в собственном жилище) и переносить стоимость принадлежащего ему капитала от одного отчетного периода к другому. Жилая недвижимость относится к произведенным нефинансовым материальным активам, т.е. является результатом такой экономической деятельности производителей в капитальном строительстве, которая соответствует определению границ сферы производства в СНС.

Структура и динамика жилищного фонда в Российской Федерации

Изучение концептуальных основ статистики рынка жилой недвижимости позволило теоретически обосновать границы совокупности экономических операций в этом сегменте рынка по видам объектов, увязав международные и российские классификации экономических активов. Рынок жилой недвижимости охватывает операции рыночного типа (на возмездной основе) по купле-продаже, аренде или других формах передачи прав владения, распоряжения и/или использования жилых зданий и помещений, входящих в жилищный фонд, кроме зданий общежитий (в т.ч. зданий спальных корпусов школ-интернатов, детских домов и зданий домов для престарелых и инвалидов). Соответственно, объекты рынка жилой недвижимости обладают большим разнообразием характеристик, определяющих их стоимость. Кроме того, структура рынка является сложной и многоуровневой и требует детального изучения

в соответствии с потребностями участников рынка, к которым относятся государственные органы, профессиональные участники рынка, продавцы и покупатели [2].

В Российской Федерации в течение достаточно длительного периода отмечается рост общей площади жилых помещений (см. рис. 1). По данным Федеральной службы государственной статистики общая площадь жилых помещений на конец 2021 г. составила 4 044 млн м², что выше уровня 2020 г. на 2,87%.

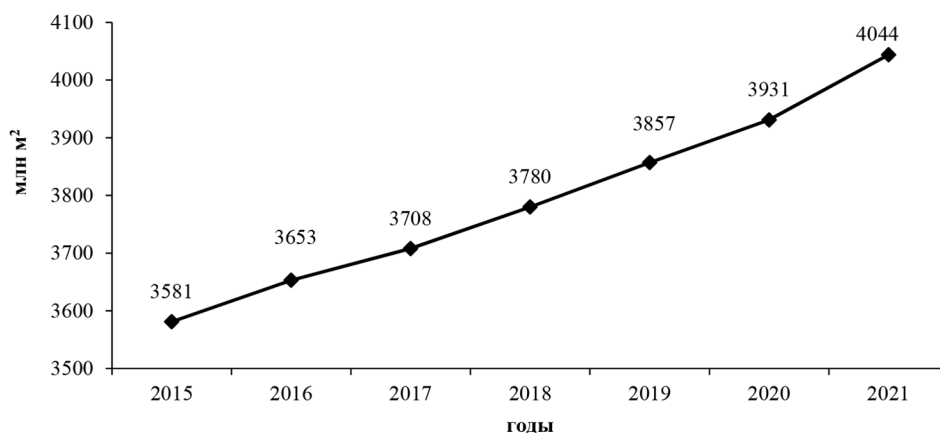

Рис. 1. Общая площадь жилых помещений в России на конец года, млн м²

Источник: составлено авторами по [3].

В целом за период с 2015 г. величина общей площади жилых помещений в стране возросла на 463 млн м², или на 12,9%. Причем *увеличивается* как общая площадь жилых помещений, так и площадь, приходящаяся в среднем на одного жителя. Площадь жилых помещений в среднем на одного жителя растет достаточно быстрыми темпами, начиная с 1995 г. как в целом по стране, так и в городской и сельской местности. Однако различия в величине показателя в зависимости от места проживания остаются существенными. На протяжении всего рассматриваемого периода средняя площадь жилых помещений в сельской местности выше, чем в городской, что связано в первую очередь с тем, что в сельской местности население проживает в основном в домах или их частях. В 1995–2011 гг. *разрыв* между показателями в городской и сельской местности *увеличивается* с 5,3 до 8,2%.

Начиная с 2012 г. величина показателя в городской местности растет быстрее, чем в сельской, что приводит к сокращению разрыва до 5,1% в 2019 г. Последние два года разрыв в показателях жилой площади в расчете на одного жителя значительно снижается и составляет лишь 2,6 и 2,5% соответственно.

Число квартир в стране растет достаточно постоянными темпами, в среднем ежегодно на 1,3% за период с 2005 по 2021 г. Однако с 2017 г.

прирост ускоряется и составляет в среднем 1,6%. Количество квартир по комнатности также различается достаточно сильно. Преобладают двухкомнатные квартиры, количество однокомнатных и трехкомнатных квартир в последние годы сближается за счет ускоренного роста числа однокомнатных квартир и снижения приростов количества трехкомнатных квартир: средние темпы прироста за 2017–2021 гг. составили соответственно 2,7 и 1,1%. Структура жилищного фонда по компактности не претерпевает резких изменений, однако определенные тенденции прослеживаются (см. рис. 2).

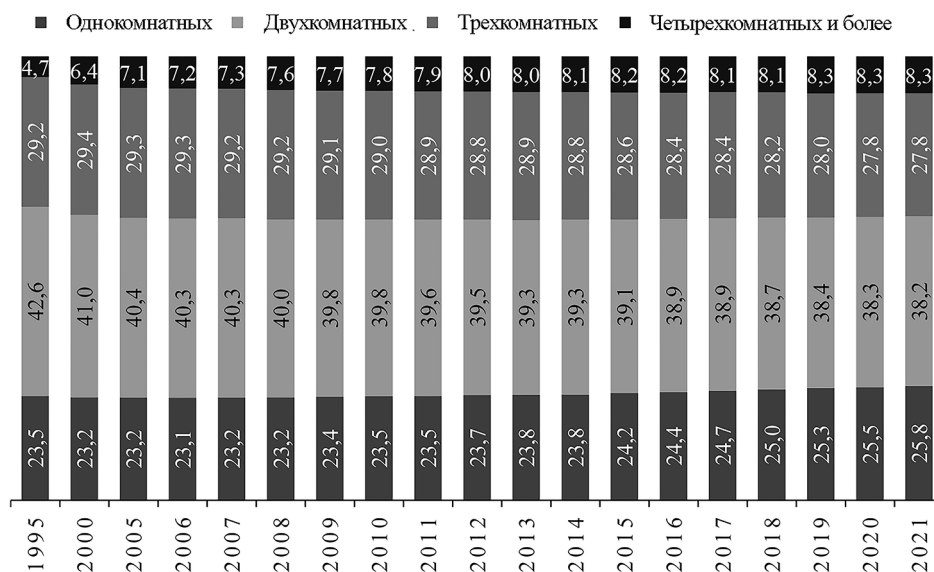

Рис. 2. Структура жилищного фонда по количеству комнат, %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат» [4].

Увеличивается доля однокомнатных квартир, что связано как с возможностями населения по покупке жилья, так и с тем, что однокомнатные квартиры приобретаются чаще как второе жилье и сдаются в аренду с целью получения дополнительного дохода. Кроме того, растет доля четырехкомнатных квартир с 4,3% в 1995 г. до 8,3% в 2021 г. Доля же двухкомнатных и трехкомнатных квартир сокращается, хотя доля двухкомнатных квартир преобладает на протяжении рассматриваемого периода. В последние же пять лет наблюдается выравнивание структуры по комнатности: за исключением роста доли четырехкомнатных квартир, остающейся при этом низкой, остальные три показателя сближаются по значениям. Средняя площадь квартир в целом за 2010–2021 гг. увеличилась на 7,77%. Наиболее быстрыми темпами увеличивается площадь четырехкомнатных квартир – на 10,10%, площадь однокомнатных, двухкомнатных, трехкомнатных и четырехкомнатных квартир увеличивается на 9,88, 6,16 и 7,28% соответственно.

Анализ факторов, влияющих на изменение средней площади квартир, показывает, что данное влияние является *разнонаправленным*. Расчет индексов средней площади переменного и постоянного состава показывает, что в 2021 г. по сравнению с 2010 г. за счет роста площади квартир различной комнатности средняя площадь квартиры в стране выросла на 8,2% при общем приросте 7,7%, как было указано выше. Соответственно, перераспределение структуры числа квартир различной комнатности отрицательно повлияло на изменение средней площади квартир (индекс влияния структурных сдвигов составил 0,995).

Оценка регионального распределения жилищного фонда в городах и поселках городского типа

Региональное распределение жилого фонда в 2019–2021 гг. является достаточно постоянным при наличии неравномерности (рассчитано на основе данных Росстата). В структуре преобладают Центральный и Приволжский федеральные округа, причем если доля Приволжского федерального округа остается достаточно постоянной, то доля Центрального в целом даже несколько растет. Однако необходимо отметить, что присутствуют значительные различия в структуре общей площади жилищного фонда в городской и сельской местности (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Региональная структура общей площади жилищного фонда, %

Федеральный округ	Доля в общей площади жилищного фонда					
	Городская местность			Сельская местность		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Центральный	30,8	30,8	31,5	20,4	20,4	20,2
Северо-Западный	11,3	11,3	11,1	7,4	7,4	7,6
Южный	9,7	9,7	9,5	14,5	14,6	14,5
Северо-Кавказский	4,2	4,2	4,2	9,9	9,9	9,8
Приволжский	19,1	19,1	18,9	25,2	25,2	25,4
Уральский	8,9	8,9	8,8	6,5	6,5	6,5
Сибирский	11,1	11,1	10,9	11,0	11,0	11,0
Дальневосточный	4,9	4,9	4,9	5,1	5,2	5,1

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

В целом округа можно разделить на три группы.

В *первую группу*, где доля городского жилищного фонда больше, чем сельского входят Центральный, Северо-Западный, Уральский федеральные округа.

Во вторую группу включены округа, где преобладает доля сельского жилищного фонда — Южный и Северо-Кавказский.

В третью группу выделены два округа — Сибирский и Дальневосточный, в которых доли примерно одинаковы и, кроме того, неизменны, последние три года.

На протяжении рассматриваемого периода более 30% общей площади жилищного фонда в городах приходится на Центральный федеральный округ, и величина показателя увеличивается до 31,5%. Приволжский федеральный округ занимает второе место по доле в общей площади жилищного фонда, однако само значение доли ниже и даже несколько снижается до 8,9%. А вот доля сельского жилищного фонда в этом округе составляет более 25%, что является наибольшим показателем среди округов, и увеличивается к 2021 г. до 25,4%. В Южном и Северо-Кавказском округах преобладает сельский жилищный фонд, причем в Северо-Кавказском округе разрыв в долях более, чем в два раза. Для Уральского федерального округа характерно преобладание городского населения при стабильном соотношении долей жилищного фонда.

Во всех федеральных округах доля городского жилищного фонда выше, чем сельского. Наибольшая доля городского жилищного фонда наблюдается в Центральном, Северо-Западном и Уральском федеральных округах. В Южном, Приволжском и особенно в Северо-Кавказском федеральных округах доля сельского жилищного фонда высока и в меньшей степени отличается от доли городского жилищного фонда. В Сибирском и Дальневосточном округах структура жилищного фонда по территориям расселения близка к среднероссийской.

В среднем на одного человека в России приходится от 24,6 м² общей площади в Дальневосточном федеральном округе до 29,7 м² в Северо-Западном федеральном округе. В течение последних трех лет значительных изменений в размере общей площади на одного человека не происходит, но соотношение площади в городской и сельской местности меняется. К 2021 г. уже в пяти федеральных округах — Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Сибирском — средняя площадь городского жилого фонда на одного человека становится ниже, чем аналогичная величина для сельского жилищного фонда.

Более подробное изучение совокупности регионов по основным показателям, характеризующим жилищный фонд, выполнено на основе построения распределений субъектов по квартильным группам (см. табл. 2–4).

В первой квартильной группе в 2019 г. в наибольшей степени представлены регионы Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов. Достаточно высокие доли — по 13,6% — имеют Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа.

Вторая квартильная группа с показателями общей площади от первой квартили до медианы в основном представлена регионами Сибирского, Северо-Западного и Приволжского округов.

Т а б л и ц а 2

Структура квартильных групп по размеру общей площади жилищного фонда в среднем на одного человека в разрезе федеральных округов в 2019 г. в городах и поселках городского типа, %

Федеральный округ	Квартильные группы			
	1	2	3	4
Центральный	4,5	9,1	40,9	33,3
Северо-Западный	4,5	18,2	13,6	19,0
Южный	4,5	9,1	0,0	14,3
Северо-Кавказский	18,2	4,5	4,5	9,5
Приволжский	13,6	18,2	22,7	9,5
Уральский	13,6	9,1	4,5	4,8
Сибирский	13,6	22,7	4,5	4,8
Дальневосточный	27,3	9,1	9,1	4,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

В третьей группе 40,9% – доля регионов Центрального федерального округа, 22,7% – Приволжского, 18,2% – Северо-Западного. Доля остальных округов низкая, а Южный федеральный округ в группе не представлен.

В четвертой квартильной группе более 60% – это регионы Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов.

Таким образом, сравнение региональной структуры квартильных групп свидетельствует о *неравномерности распределения регионов федеральных округов по группам*.

Причем, если представительство регионов Центрального и Северо-Западного округов в группах с большими значениями показателя увеличивается, то для регионов Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов наблюдается обратная закономерность. Регионы Приволжского федерального округа в основном представлены во второй и третьей группах, в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах наблюдается значительное расслоение регионов по величине показателя.

При рассмотрении горизонтальной структуры квартильных групп, т.е. распределения регионов каждого из округов по группам в зависимости от величины общей площади жилищного фонда в расчете на одного человека, видно, что субъекты Российской Федерации можно разделить на несколько территориальных сегментов:

- регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов, для которых характерны более высокие доли в последних группах;

- регионы Приволжского федерального округа, которые в основном сосредоточены в группах вокруг медианного значения;
- регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, для которых характерно значительное расслоение и преимущественное представительство в крайних квартильных группах;
- регионы Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в наибольшей степени представлены в первых квартильных группах.

Т а б л и ц а 3

Структура квартильных групп по размеру общей площади жилищного фонда в среднем на одного человека в разрезе федеральных округов в 2020 г. в городах и поселках городского типа, %

Федеральный округ	Квартильные группы			
	1	2	3	4
Центральный	4,5	9,1	27,3	47,6
Северо-Западный	4,5	13,6	18,2	19,0
Южный	4,5	9,1	9,1	9,5
Северо-Кавказский	22,7	0,0	0,0	9,5
Приволжский	9,1	22,7	22,7	9,5
Уральский	13,6	9,1	4,5	4,8
Сибирский	13,6	18,2	13,6	0,0
Дальневосточный	27,3	18,2	4,5	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

Как видно из *таблицы 3*, в 2020 г. в первой группе преобладают регионы Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов и в наименьшей степени представлены регионы севера России, центральной и южной частей страны. Также в этой группе по 13,6% субъектов, относящихся к Уральскому и Сибирскому округам, причем для Уральского федерального округа этот показатель наибольший.

Во второй квартильной группе преобладают регионы Приволжского федерального округа (22,7% от всех субъектов Российской Федерации в группе), а также регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Центральный, Уральский и Южный федеральные округа представлены 9,1% регионов. Северо-Кавказский федеральный округ не представлен ни одним субъектом ни во второй, ни в третьей квартильных группах.

В третьей квартильной группе в наибольшей степени представлены регионы Центрального федерального округа (27,3%) и Приволжского федерального округа (22,7%). В данной группе Северо-Кавказский округ не представлен.

Четвертая квартильная группа с наибольшими показателями общей площади жилищного фонда представлена в основном регионами Центрального (47,6%) и Северо-Западного (19,0%) федеральных округов. Сибирский же и Дальневосточный округа вообще не представлены в группе, а доля Уральского Федерального округа составляет всего 4,8%.

Сопоставление структуры квартильных групп по размеру общей площади на одного человека в городах и поселках городского типа свидетельствует о повышении удельного веса регионов центра и северо-запада страны в группах с большим размером площади жилого фонда и, соответственно, более благополучной ситуации с обеспеченностью населения жильем.

Горизонтальная структура в 2020 г., т.е. распределение регионов каждого из округов по квартильным группам, *демонстрирует закономерности*, сохраняющиеся на протяжении рассматриваемого периода.

Для Центрального и Северо-Западного федеральных округов характерно увеличение представленности регионов Российской Федерации в группах с большими значениями общей площади в расчете на одного человека. Причем, если для Северо-Западного округа доля в третьей и четвертой группах одинакова, то в Центральном федеральном округе в четвертую группу попадает более 50% регионов округа. Для регионов Северо-Кавказского федерального округа характерно существенное расслоение по величине показателя: округ представлен лишь в крайних группах, причем преобладают субъекты с низким уровнем средней величины площади. Приволжский федеральный округ в основном представлен во второй и третьей группах, в Уральском же федеральном округе 71,5% регионов представлены в первой и второй группах. Похожая ситуация наблюдается и в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах — 90,9 и 70% соответственно.

В 2021 г. (см. табл. 4) представительство регионов Центрального округа в третьей квартильной группе увеличивается, улучшается положение регионов Северо-Кавказского федерального округа: доля регионов округа в третьей группе составила 4,5%, в то время как в 2020 г. регионы данного округа вообще не были представлены в группе. Кроме того, часть субъектов Дальневосточного федерального округа переместились во вторую и третью квартильные группы, что привело к росту доли регионов округа в общем числе субъектов в группах до 27,3 и 9,1% соответственно.

В 2021 г. (см. рис. 3) в Центральном федеральном округе субъекты Российской Федерации еще в большей степени сместились в третью и четвертую квартильные группы, распределение регионов Северо-Западного и Северо-Кавказского, Уральского федеральных округов осталось без изменений. Дифференциация регионов Южного федерального округа возросла, округ уже не представлен в третьей группе, поскольку некоторые субъекты ухудшили свое положение, а другие — улучшили и перешли в четвертую группу. Структура показателя в Приволжском федеральном округе в целом улучшилась за счет перехода регионов в квартильные группы с более высокими значениями общей площади. Структура показателя в Сибирском федеральном округе ухудшается —

наблюдается смещение регионов в группы с меньшими значениями, в Дальневосточном округе наблюдается смещение субъектов в сторону больших значений, однако в четвертой группе субъекты округа по-прежнему не представлены.

Т а б л и ц а 4

Структура квартильных групп по размеру общей площади в среднем на одного человека в разрезе федеральных округов в 2021 г. в городах и поселках городского типа, %

Федеральный округ	Квартильные группы			
	1	2	3	4
Центральный	4,5	0,0	31,8	47,6
Северо-Западный	4,5	13,6	18,2	19,0
Южный	9,1	4,5	0,0	9,5
Северо-Кавказский	22,7	0,0	4,5	4,8
Приволжский	9,1	27,3	22,7	14,3
Уральский	13,6	9,1	4,5	4,8
Сибирский	13,6	18,2	9,1	0,0
Дальневосточный	22,7	27,3	9,1	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

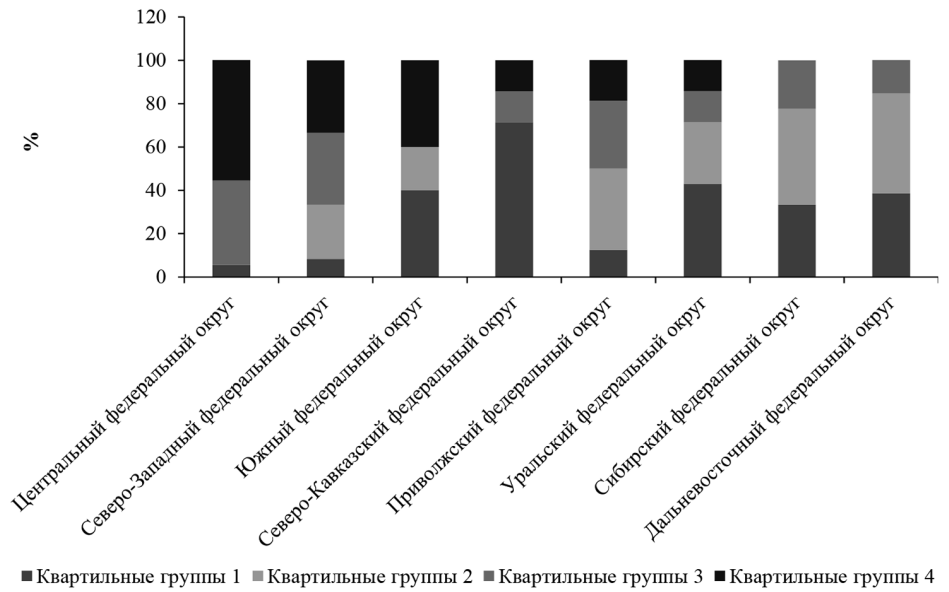

Рис. 3. Распределение регионов федеральных округов по квартильным группам в зависимости от размера общей площади в расчете на одного человека в городах и поселках городского типа в 2021 г., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

**Оценка регионального распределения
жилищного фонда в сельских населенных пунктах**

Распределение субъектов по размеру общей площади на одного человека в сельских населенных пунктах в разрезе федеральных округов также неравномерно, и данная закономерность даже более выражена, чем для городского жилищного фонда (см. табл. 5–7).

Т а б л и ц а 5

Структура квартильных групп по размеру общей площади в среднем на одного человека в разрезе федеральных округов в 2019 г. в сельских населенных пунктах, %

Федеральный округ	Квартильные группы			
	1	2	3	4
Центральный	4,8	0,0	28,6	47,6
Северо-Западный	4,8	5,0	9,5	28,6
Южный	19,0	15,0	0,0	0,0
Северо-Кавказский	28,6	10,0	0,0	0,0
Приволжский	0,0	10,0	38,1	14,3
Уральский	4,8	20,0	9,5	0,0
Сибирский	9,5	25,0	9,5	0,0
Дальневосточный	28,6	15,0	4,8	9,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

Т а б л и ц а 6

Структура квартильных групп по размеру общей площади в среднем на одного человека в разрезе федеральных округов в 2020 г. в сельских населенных пунктах, %

Федеральный округ	Квартильные группы			
	1	2	3	4
Центральный	4,8	4,8	28,6	47,6
Северо-Западный	4,8	4,8	14,3	28,6
Южный	19,0	9,5	0,0	0,0
Северо-Кавказский	28,6	4,8	0,0	0,0
Приволжский	0,0	9,5	42,9	14,3
Уральский	4,8	19,0	9,5	0,0
Сибирский	19,0	23,8	4,8	0,0
Дальневосточный	19,0	23,8	0,0	9,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

Как видно из приведенных выше таблиц, в первой квартильной группе в основном представлены регионы Юга, Сибири и Дальнего Востока страны, во второй группе преобладают регионы Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Третья группа в основном представлена субъектами Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, кроме того, 9,5% регионов этой группы составляют субъекты Уральского федерального округа. Регионы трех округов — Южного, Северо-Кавказского и Дальневосточного — в 2020 г. вообще в группе не представлены (в 2019 г. — регионы Южного федерального округа). Еще более сильное территориальное расслоение отмечается в четвертой квартильной группе. Четыре округа не представлены — Южный, Северо-Кавказский, Уральский, Сибирский. Субъекты трех округов — Центрального, Северо-Западного и Приволжского составляют 90,5% от общей численности регионов в группе как в 2019 г., так и 2020 г.

Т а б л и ц а 7

**Структура квартильных групп по размеру общей площади в среднем
на одного человека в разрезе федеральных округов в 2021 г. в сельских
населенных пунктах, %**

Федеральный округ	Квартильные группы			
	1	2	3	4
Центральный	0,0	0,0	28,6	55,0
Северо-Западный	4,5	4,8	14,3	35,0
Южный	13,6	19,0	0,0	0,0
Северо-Кавказский	27,3	4,8	0,0	0,0
Приволжский	9,1	9,5	42,9	10,0
Уральский	9,1	19,0	9,5	0,0
Сибирский	18,2	28,6	4,8	0,0
Дальневосточный	18,2	14,3	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

В 2021 г. субъекты Центрального федерального округа представлены уже только в третьей и четвертой группах, доля Северо-Западного федерального округа в четвертой квартильной группе также увеличивается. Распределение субъектов Приволжского федерального округа несколько ухудшилось. Кроме того, уже пять федеральных округов не представлены в четвертой квартильной группе.

Различия в распределении регионов отдельных округов по группам для сельского жилищного фонда также более выражены, чем для городского жилищного фонда (см. рис. 4–6).

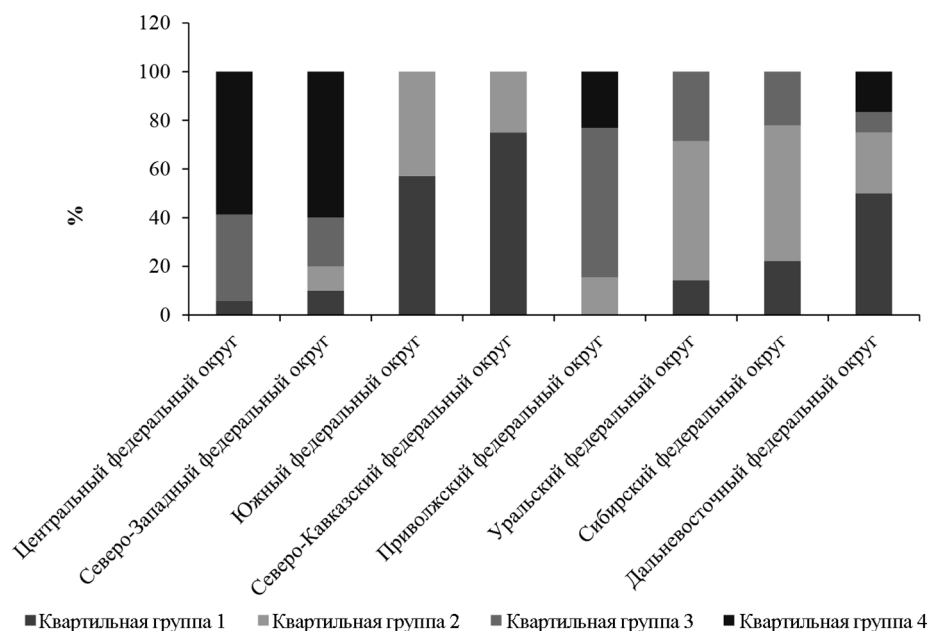

Рис. 4. Распределение регионов федеральных округов по квартильным группам в зависимости от размера общей площади в расчете на одного человека в сельских населенных пунктах в 2019 г., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

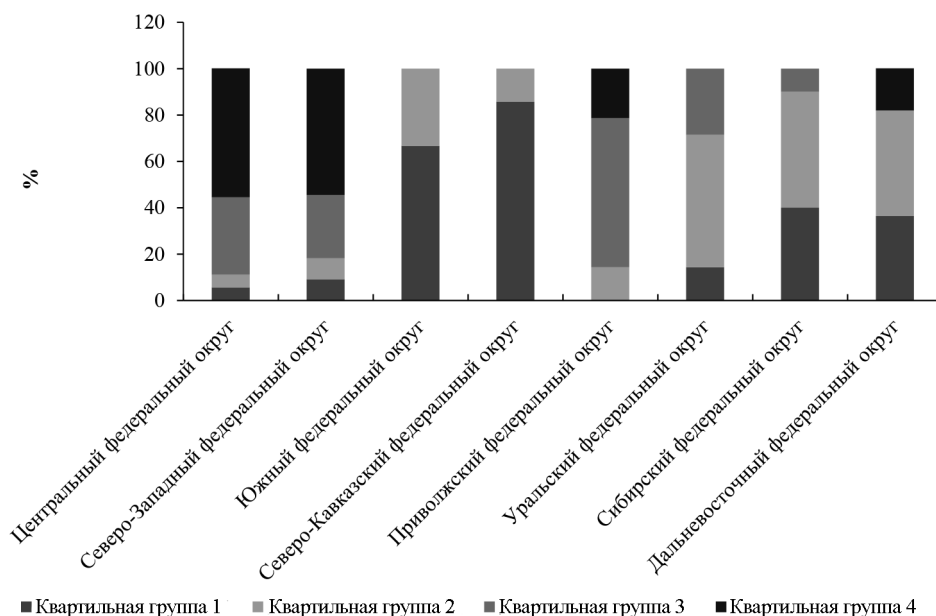
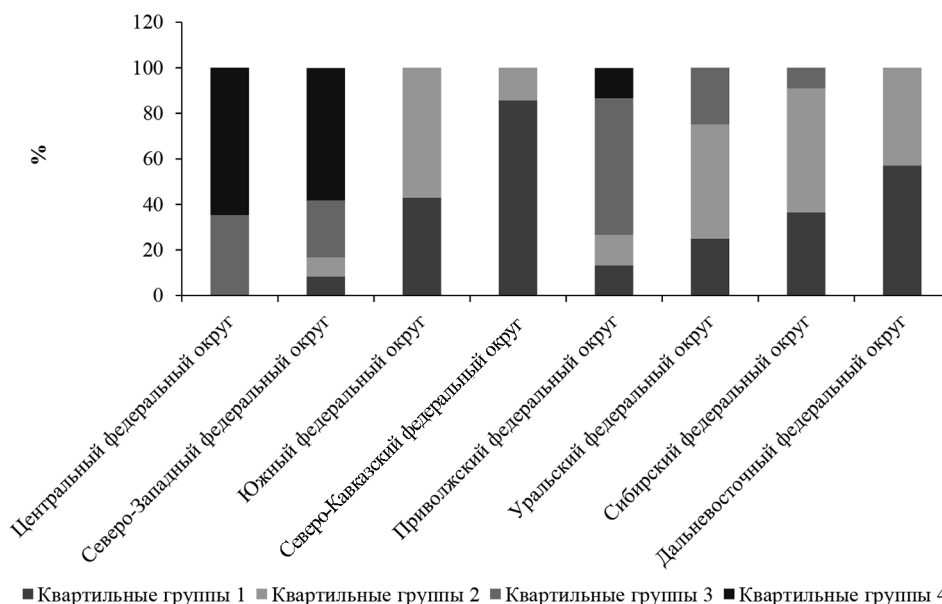

Рис. 5. Распределение регионов федеральных округов по квартильным группам в зависимости от размера общей площади в расчете на одного человека в сельских населенных пунктах в 2020 г., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

Различия в распределении регионов отдельных округов по группам для сельского жилищного фонда также более выражены, чем для городского жилищного фонда. В группах с большими значениями площади жилищного фонда на одного человека в 2019 и 2020 гг. в наибольшей степени представлены Центральный, Северо-Западный и Приволжский округа. Уральский округ в основном представлен во второй и третьей группах. Юг, Сибирь и Дальний восток в основном представлены в первых двух группах со значениями показателя ниже медианы.

В 2021 г. (см. рис. 6) регионы Центрального федерального округа представлены только в третьей и четвертой группах. Причем доля регионов в четвертой группе увеличилась до 64,7%. В Северо-Западном федеральном округе также продолжается перераспределение регионов в группы с более высокими показателями общей площади на одного человека. В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах улучшения структуры не произошло. В Приволжском федеральном округе часть субъектов сместилась в первую группу, что свидетельствует об ухудшении структуры. Аналогичная ситуация отмечается в Уральском и Дальневосточном федеральных округах.

■ Квартильные группы 1 ■ Квартильные группы 2 ■ Квартильные группы 3 ■ Квартильные группы 4
Рис. 6. Распределение регионов федеральных округов по квартильным группам в зависимости от размера общей площади в расчете на одного человека в сельских населенных пунктах в 2021 г., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

**Статистический анализ распределений общей площади
жилищного фонда в расчете на одного жителя по России**

Для изучения статистической структуры совокупности субъектов Российской Федерации были построены их квартильные группировки в 2019–2021 гг. по целевому показателю общей площади и жилищного фонда в расчете на одного человека как в целом, так и в группировке по территории размещения: города и поселки городского типа, сельские населенные пункты. Обобщающие характеристики распределений представлены ниже (см. табл. 8, 9).

В целом по субъектам Российской Федерации средняя величина общей площади жилищного фонда в расчете на одного человека составила в 2019 г. 26,4 м², медиана – 26,7 м², значения достаточно близки, о чем свидетельствует низкое значение показателя асимметрии, хотя асимметрия левосторонняя. Дифференциация регионов также невелика – децильный коэффициент дифференциации составляет 1,5 раза по всей совокупности субъектов. Вариация показателя тоже небольшая – коэффициент вариации составляет 14,3%, относительное квартильное отклонение – 8,1%. Таким образом, в 2019 г. регионы *распределены достаточно равномерно по величине общей площади жилищного фонда* в расчете на одного человека.

Т а б л и ц а 8

**Обобщающие характеристики распределений общей площади жилищного
фонда в расчете на одного жителя по России в 2019–2021 гг.**

Показатель	2019	2020	2021
Средняя, м ²	26,4	27,1	27,7
Медиана, м ²	26,7	27,5	28,2
Первый квартиль, м ²	24,6	25,3	25,3
Третий квартиль, м ²	28,9	30,0	30,9
Первый дециль, м ²	20	21,4	22,1
Девятый дециль, м ²	31,0	31,6	32,3
Коэффициент асимметрии	-0,613	-0,631	-0,530
Коэффициент эксцесса	0,376	0,588	0,480
Децильный коэффициент дифференциации	1,50	1,48	1,46
Коэффициент вариации, %	14,3	14,9	15,2

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

В 2020 г. среднее значение показателя составило 27,1 м² при медианном значении 27,5 м², т.е. асимметрия является левосторонней. Децильный коэффициент дифференциации составил 1,48, что несколько ниже уровня 2019 г., совокупность субъектов Российской Федерации, так же, как и в 2019 г., остается однородной: коэффициент вариации

и относительное квартильное отклонение составляют 14,9 и 8,5% соответственно. В 2021 г. характер распределения в целом остается прежним. Медианное значение — 28,2 м² на человека — несколько выше среднего (27,7 м²), соответственно асимметрия левосторонняя, хотя и незначительная. Коэффициент вариации вырос по сравнению с 2019 и 2020 гг. и составил 15,2%. Квартильное отклонение — 9,9%, что также выше уровня предыдущих лет. Однако совокупность регионов остается однородной по величине общей площади жилищного фонда в расчете на одного человека.

Т а б л и ц а 9

Обобщающие характеристики распределений общей площади жилищного фонда в расчете на одного жителя в городской и сельской местности в 2019–2021 гг.

Показатель	Города и поселки городского типа			Сельские населенные пункты		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Средняя, м ²	26,3	26,6	27,1	28,8	29,3	30,4
Медиана, м ²	26,3	26,8	27,1	26,8	28,1	28,9
Первый квартиль, м ²	24,6	24,8	25,1	23,3	23,9	24,0
Третий квартиль, м ²	28,6	28,8	29,4	34,1	34,7	35,9
Первый дециль, м ²	22,1	22,3	22,5	19,8	20,7	21,3
Девятый дециль, м ²	30,0	30,3	31,1	38,9	41,4	43,1
Коэффициент асимметрии	-0,263	-0,043	0,098	0,243	0,098	0,072
Коэффициент эксцесса	1,282	2,861	2,935	-0,619	0,074	0,047
Децильный коэффициент дифференциации	1,36	1,36	1,38	1,96	2,0	2,0
Коэффициент вариации, %	13,1	13,5	13,5	25,9	28,1	28,6

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

Показатели статистической структуры распределений субъектов Российской Федерации по общей площади жилищного фонда в городах и поселках городского типа свидетельствуют об однородности распределений и низком уровне дифференциации. Среднее и медианное значения практически совпадают, асимметрия и эксцесс не значимы при 5%-ном уровне значимости. Дифференциация крайне низкая: децильные коэффициенты составляют 1,36, 1,36 и 1,38 в 2019, 2020 и 2021 гг. соответственно. Об однородности распределения свидетельствует также величина коэффициентов вариации, составляющая 13,1, 13,5 и 13,5% соответственно, а также величина относительного квартильного отклонения — 7,6, 7,5 и 7,9% соответственно.

Статистические характеристики распределения субъектов Российской Федерации по объему жилищного фонда на одного человека в сель-

ских населенных пунктах свидетельствуют о более сильной вариации показателя, чем для аналогичного распределения в городах и поселках городского типа. Коэффициент вариации составил в 2019 г. — 25,9%, в 2020 г. — 28,1%, в 2021 г. — 28,6%. Дифференциация регионов по показателю в сельских населенных пунктах также выше, о чем свидетельствует расхождение ранговых статистик. Первый квартиль ниже, чем для городских населенных пунктов, третий — выше. Аналогичная ситуация отмечается и для децилей. Соответственно, децильный коэффициент дифференциации составляет 1,96 для 2019 г. и 2 для 2020 и 2021 гг., а квартильная вариация колеблется от 9,2% в 2020 г. до 20,6% в 2021 г. Соответственно, несмотря на невысокую степень колеблемости объема общей площади жилищного фонда по стране, *различия между городской и сельской местностью сохраняются*. Значимость различий позволяет оценить дисперсионный анализ, результаты которого за 2019–2021 гг. приведены ниже.

В 2019 г. в целом по стране выявлено значимое расхождение субъектов Российской Федерации по показателю общей площади жилищного фонда в расчете на одного жителя (уровень значимости 5%) — дисперсионное отношение составило 4,39. Однако это расхождение обеспечивается расхождениями уровня показателя в трех округах — Центральном, Южном и Приволжском федеральных округах. Кроме того, различия на 10%-ном уровне значимы в Северо-Кавказском федеральном округе. В 2020 г. в целом по России различия регионов по показателю общей площади жилищного фонда на одного человека в городской и сельской местности становятся не значимы за счет снижения величины различий в Южном федеральном округе. Однако в Центральном и Приволжском округах степень различий возрастает, дисперсионные отношения составляют 7,71 и 23,4 соответственно. В Северокавказском и Южном федеральных округах различия значимы на уровне 10%.

В 2021 г. в целом расхождение объема общей площади жилищного фонда на одного жителя значимо даже при уровне значимости 1%, дисперсионное отношение составило 10,14. Усиление расхождений субъектов Российской Федерации по величине показателя обусловлено тем, что кроме Центрального и Приволжского федеральных округов значимые различия субъектов выявлены в Северо-Западном федеральном округе. А в Южном и Северо-Кавказском округах расхождения значимы на 10%-ном уровне, причем в Северо-Кавказском федеральном округе уровень значимости чрезвычайно близок к 5%.

***Исследование статистической структуры общей площади
жилищного фонда по формам собственности
в субъектах Российской Федерации***

По Российской Федерации *наибольший удельный вес* в общей площади жилых помещений занимает частный жилищный фонд. В 2019 г. он составил 92,4%, в т.ч. в собственности граждан 90,0%. Как показано

на рисунке 7, укрупненная структура общей площади жилищного фонда достаточно стабильна, небольшое перераспределение долей наблюдается в 2020 г. за счет снижения доли муниципального жилищного фонда.

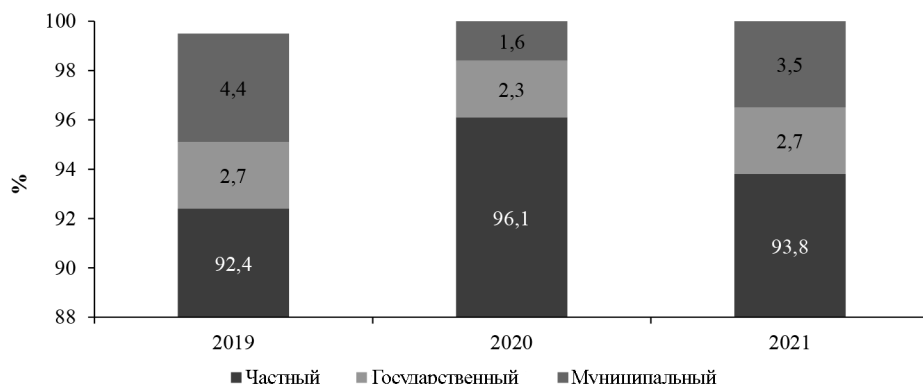

Рис. 7. Структура общей площади жилищного фонда Российской Федерации по формам собственности в 2019–2021 гг., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

В то же время распределение общей площади жилищного фонда каждой из форм собственности по федеральным округам имеет определенные особенности (см. табл. 10).

Т а б л и ц а 10

Региональная структура общей площади жилищного фонда по формам собственности, %

Федеральный округ	Частная			Государственная			Муниципальная		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Центральный	27,6	27,3	28,4	48,1	49,8	42,1	26,3	24,7	24,1
Северо-Западный	9,7	9,9	9,8	14,0	14,1	15,6	13,7	13,9	13,8
Южный	11,2	11,2	11,0	6,8	7,0	8,8	7,4	7,7	7,8
Северо-Кавказский	6,0	6,0	6,0	1,9	1,9	3,1	1,0	1,1	1,0
Приволжский	21,2	21,1	20,9	8,5	8,4	9,3	23,2	22,8	23,2
Уральский	8,2	8,5	8,4	4,8	4,1	4,7	7,9	8,2	8,2
Сибирский	11,3	11,3	11,1	7,0	7,0	7,7	10,1	10,2	10,4
Дальневосточный	4,7	4,7	4,6	7,1	7,5	8,8	11,2	11,5	11,4

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

Наибольший удельный вес в частном жилищном фонде в 2019–2021 гг. занимает жилищный фонд регионов Центрального федерального округа. Это обусловлено чрезвычайно высокими объемами частного жилищного фонда в Москве (246 млн м²) и Московской

области (257 млн м²). Аналогичная ситуация отмечается и для государственного жилищного фонда, поскольку в Москве как городе федерального значения и столице страны сосредоточены большие площади государственных зданий (в 2021 г. наблюдается частичное перераспределение в Северо-Западный федеральный округ). Доля же муниципального жилищного фонда в Центральном округе снижается. Доля Северо-Западного округа в частном и муниципальном жилищном фонде страны достаточно стабильна в течение трех лет, в государственном жилищном фонде — растет.

Наиболее низкая доля в частном жилищном фонде на протяжении рассматриваемого периода наблюдается в Дальневосточном федеральном округе (4,7% в 2019–2020 гг., 4,6% в 2021 г.). Что касается представительства субъектов Российской Федерации в общей величине площади государственного и муниципального жилищного фонда, то наименьшие доли в обеих группах имеет Северо-Кавказский федеральный округ. Как видно из *таблицы 10*, доля регионов округа в общей площади муниципального жилищного фонда не превышает 1,1%, государственного жилищного фонда — 3,1%.

Приволжский федеральный округ занимает стабильное второе место по удельному весу общей площади. Однако значение показателя несколько снижается на фоне сохраняющегося представительства регионов округа в общем объеме государственного жилищного фонда. Удельные веса общей площади жилищного фонда регионов Уральского федерального округа имеют достаточно низкие значения для всех форм собственности, но сами значения достаточно стабильны.

Представленная структура (*см. рис. 8–10*) общей площади жилищного фонда в каждом из федеральных округов свидетельствует о том, что соотношение площади жилищного фонда по формам собственности в округах достаточно стабильно.

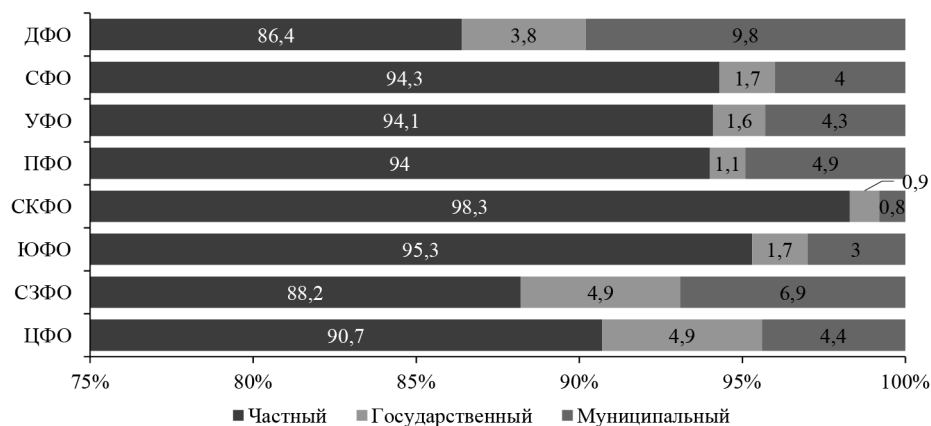

Рис. 8. Распределение общей площади жилищного фонда в регионах федеральных округов по формам собственности в 2019 г., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

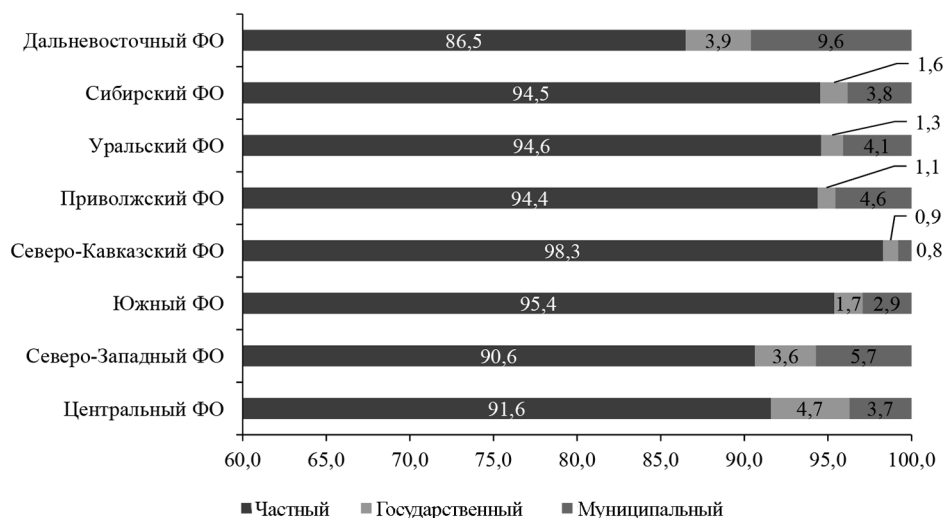

Рис. 9. Распределение общей площади жилищного фонда в регионах федеральных округов по формам собственности в 2020 г., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

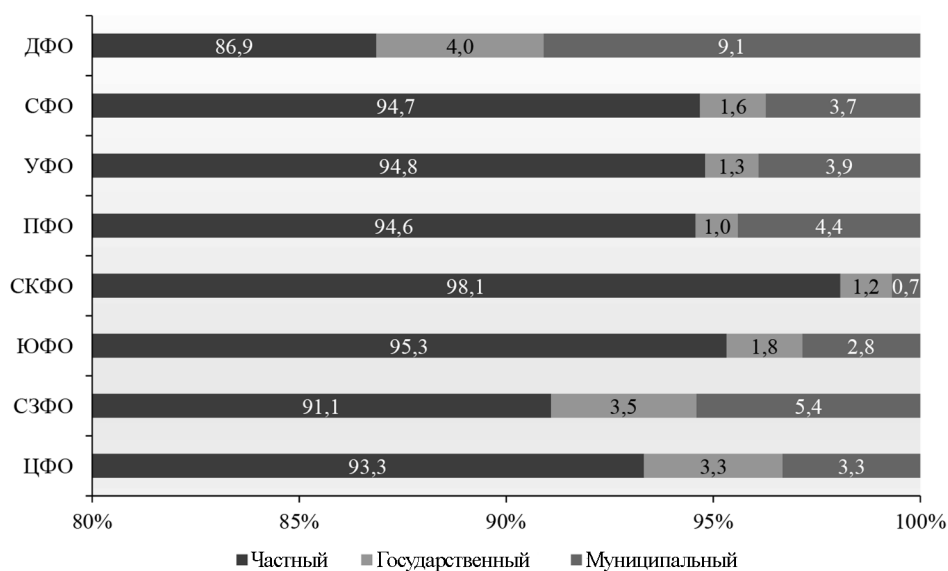

Рис. 10. Распределение общей площади жилищного фонда в регионах федеральных округов по формам собственности в 2021 г., %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат» [5].

Во всех федеральных округах наибольший удельный вес занимает жилищный фонд в частной собственности, однако различия по округам достаточно велики.

Наиболее низкие значения (существенно ниже среднероссийского уровня) удельного веса общей площади жилья в частной собствен-

ности наблюдаются в Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах. В этих же округах отмечен наиболее высокий удельный вес жилищного фонда в муниципальной собственности. Самый высокий удельный вес общей площади частного жилищного фонда на протяжении трех лет наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе. Кроме того, в трех федеральных округах — Приволжском, Сибирском и Уральском — распределение общей площади жилищного фонда приближено к среднероссийскому.

В структуре частного жилищного фонда субъектов Российской Федерации наблюдается преобладание частного жилищного фонда в собственности физических лиц. Причем являясь значительным, оно сильно варьирует как по регионам, так и по федеральным округам в целом.

Так, в 2021 г. (см. табл. 11) в целом по России превышение частного жилищного фонда в собственности физических лиц в 40,4 раза превышало аналогичный показатель для площади жилищного фонда в собственности юридических лиц. Ниже среднероссийского значения расхождения отмечаются в лишь в Южном и Дальневосточном федеральных округах, а наибольшее расхождение — в Северо-Западном федеральном округе.

Т а б л и ц а 11

**Соотношение общей площади частного жилищного фонда
в собственности физических и юридических лиц**

Федеральный округ	Частный жилищный фонд в собственности физических лиц, м ²	Частый жилищный фонд в собственности юридических лиц, м ²	Соотношение величины частного жилищного фонда физических и юридических лиц, раз
Центральный	1 046 326,0	23 181,5	45,1
Северо-Западный	365 320,4	3 667,3	99,6
Южный	400 080,1	15 417,7	25,9
Северо-Кавказский	221 603,1	3 096,8	71,6
Приволжский	768 276,6	18 475,8	41,6
Уральский	310 000,5	6 059,0	51,2
Сибирский	401 740,0	16 445,5	24,4
Дальневосточный	168 018,6	4 698,4	35,8
Россия	3 681 366,0	91 042,3	40,4

Источник: расчеты авторов на основе данных ФСГС «Росстат».

В соответствии с целями и задачами исследования для изучения статистической структуры совокупности субъектов Российской Федерации были построены квартильные группировки регионов в 2019—

2021 гг. по целевому показателю общей площади жилищного фонда в группировке по формам собственности: частная, в т.ч. в собственности физических и юридических лиц; государственная, в т.ч. в собственности субъектов Российской Федерации; муниципальная.

Результаты расчетов показали, что наиболее высокие средние значения общей площади получены для частного жилищного фонда, в т.ч. в собственности граждан. В целом по всему частному жилищному фонду среднее значение и медиана составили 42,2 и 30,1 млн м² соответственно, по частному жилищному фонду в собственности граждан — 38,1 и 28,5 млн м² соответственно. Расхождения между показателями центра распределения свидетельствует о наличии асимметрии, которая оценена с использованием коэффициента асимметрии. Величина коэффициента асимметрии свидетельствует о наличии правосторонней симметрии, величина эксцесса — об островершинности распределения. Различия в величине общей площади частного жилищного фонда велики, о чем свидетельствует величина коэффициента вариации — 95,5%, по площади жилищного фонда в собственности граждан несколько ниже — 93,7%, однако также свидетельствует о значительной вариации признака в совокупности субъектов Российской Федерации. Относительное квартильное отклонение показывает значительную неоднородность субъектов по величине общей площади частного жилищного фонда в двух центральных квартильных группах, следовательно, существенные различия в показателе присутствуют не только за счет отличий крайних значений, но и являются свойством совокупности регионов в целом.

Среднее значение общей площади жилищного фонда в государственной собственности составило в 2019 г. 1,2 млн м², что превышает медианное значение более, чем в два раза. Кроме того, совокупность субъектов Российской Федерации по общей площади государственного жилищного фонда крайне неоднородна: минимальное значение общей площади, равное 0,033 млн м², зарегистрировано в Ненецком АО, максимальное — 34,194 млн м² — зарегистрировано в Москве. Распределение имеет значимую правостороннюю асимметрию и выраженную островершинность распределения. Коэффициент вариации и относительное квартильное отклонение свидетельствуют о высокой степени колеблемости признака и, следовательно, о значительных различиях субъектов по общей площади жилищного фонда в государственной собственности и составляют соответственно 319,2 и 52,2%.

Распределение субъектов Российской Федерации по площади жилищного фонда в муниципальной собственности в 2019 г. также характеризуется существенным смещением центра распределения, о чем свидетельствуют различия между средним и медианным значениями, а также величина показателей симметрии и эксцесса. Асимметрия, как и для рассмотренных выше распределений, является правосторонней, распределение островершинное. Показатели вариации, составившие, соответственно 112,6 и 79,0%, также свидетельствуют о высокой степени различий субъектов по площади муниципального жилищного фонда.

В 2020 и 2021 гг. прослеживается тенденция роста среднего значения общей площади жилищного фонда в частной собственности при практически неизменных значениях медианы, что приводит к увеличению асимметрии и эксцесса при сохранении их характера — правосторонняя асимметрия и островершинность распределения. Соответственно при высоких показателях дифференциации субъектов увеличивается и их неоднородность по величине показателя: коэффициент вариации составил в 2020 г. 95,9%, в 2021 г. — 101,2%, квартильное отклонение — 61,7 и 60,0% соответственно. Что касается частного жилищного фонда в собственности физических лиц, то его параметры распределения сходны с параметрами распределения общей площади жилищного фонда в 2019 г. Но неоднородность субъектов Федерации по величине площади в собственности физических лиц *возрастает* (к 2022 г. коэффициент вариации увеличивается до 101,5%). Для распределения регионов по общей площади в частной собственности юридических лиц в 2020 и 2021 гг. также характерно расхождение между средним и медианным значениями показателя.

Коэффициент вариации значительно выше, чем для распределения по площади в частной собственности физических лиц, — 140,3% в 2020 г. и 141,3% в 2021 г., также, как и квартильное отклонение 139,1 и 127,9% соответственно. Децильный коэффициент дифференциации также значительно выше и составляет 40,5 раз в 2020 г., 24,8 раза — в 2021 г. Что касается распределения субъектов Федерации по площади жилищного фонда в муниципальной собственности, то *существенных изменений в характере распределения в 2020–2021 гг. не происходит*, несколько снижается среднее значение, однако дифференциация и вариация регионов остается очень сильной.

Необходимо отметить, что в 2020 и 2021 гг. наибольшие различия регионов выявлены по показателю общей площади жилищного фонда в собственности субъектов Федерации. При низких значениях самих площадей среднее значение и медиана различаются в 8,33 раза, первый и девятый децили — в 570 раз, квартили — в 8 раз. Соответственно распределение имеет значимую островершинность и правостороннюю асимметрию, показатели вариации составляют соответственно 467,9 и 570,3%.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о значимости расхождений общей площади жилищного фонда для различных форм собственности на протяжении всего рассматриваемого периода. Дисперсионные отношения по всем федеральным округам на протяжении рассматриваемого периода значимы как при уровне значимости 5%, так и при уровне значимости 1%.

Таким образом, в Российской Федерации присутствуют значительные региональные различия в характеристиках жилищного фонда. Что определяется спецификой развития рынка жилья в субъектах Федерации. Это обуславливает необходимость ее исследования с точки зрения формирования системы обобщающих показателей рынка жилья, в т.ч. индексов цен на жилую недвижимость, а также учета цен на нее при расчете индексов потребительских цен.

Список литературы

1. Система национальных счетов — 2008. ООН. Нью-Йорк. 2012. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sna2008.asp> (дата обращения 20.01.2023)
2. Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://www.garant.ru/files/3/7/1334573/strategiya-razvitiya-zhilishchnoy-sfery-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2025-goda.pdf> (дата обращения 21.12.2022).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: статистический сборник / Росстат. М., 2022. 1122 с.
4. Жилищное хозяйство в России. 2022: статистический сборник / Росстат. М., 2022. 83 с.
5. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021: статистический сборник / Росстат. М., 2021. 373 с.

References

1. Sistema natsional'nykh schetov — 2008 [The System of National Accounts — 2008], OON. N'yu-Iork, 2012. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sna2008.asp> (accessed 20 January 2023). (In Russ.).
2. Strategiya razvitiya zhilishchnoi sfery Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [The Strategy for the Development of the Housing Sector of the Russian Federation for the Period up to 2025]. Available at: <https://www.garant.ru/files/3/7/1334573/strategiya-razvitiya-zhilishchnoy-sfery-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2025-goda.pdf> (accessed 21 December 2022). (In Russ.).
3. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022: statisticheskii sbornik [Socio-Economic Indicators. 2022: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2022, 1122 p. (In Russ.).
4. Zhilishchnoe khoziaistvo v Rossii. 2022: statisticheskii sbornik [Housing Economy in Russia. 2022: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2022, 83 p. (In Russ.).
5. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniia Rossii. 2021: statisticheskii sbornik [Social Status and Standard of Living of the Russian Population. 2021: Statistical Collection], Rosstat. Moscow, 2021, 373 p. (In Russ.).

AREAS OF ASSESSMENT AND REGIONAL DIFFERENCES IN THE VOLUME AND QUALITATIVE STRUCTURE OF THE HOUSING MARKET IN RUSSIA

Residential real estate is one of the most important types of assets, the lack of which becomes impossible the existence and development of the economy. For an entire sector of households, dwellings are not only a source of livelihood, but also determine the cost of living. Moreover, in the 2008 SNA Manual the production of housing services by homeowners for their own consumption is included in the production boundary (as in earlier versions of the UN SNA). This once again emphasizes the importance of studying the housing stock as the most important basis for the real estate market. In addition, the volume, dynamics and structure of the housing stock in various areas of classification is an important factor in the formation of the real estate market, its object-by-object basis, as well as the development of the activities of the subjects of this market. The above considerations determined the relevance of studying the composition and structure of the housing stock of the Russian Federation, including regional differences in the housing stock in the context of a complex of classification features.

Keywords: residential real estate, housing stock, residential area, structure, quartile groups, variance analysis.

JEL: R3, R30, R31, R32

Дата поступления – 27.05.2023 г.

БЫЧКОВА Светлана Георгиевна

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра статистики и науки о данных;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Bychkova.SG@rea.ru

ДУХОН Анна Борисовна

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Количественные методы исследования регионально-го развития»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Dukhon.AB@rea.ru

ОБРАЗЦОВА Ольга Исааковна

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра статистики и науки о данных;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Obratztsova.OI@rea.ru

ЭПШТЕЙН Никита Дмитриевич

кандидат экономических наук, директор Центра статистики и науки о данных;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Epstein.ND@rea.ru

BYCHKOVA Svetlana G.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Center for Statistics and Data Science;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Bychkova.SG@rea.ru

DUKHON Anna B.

Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher of the Scientific Laboratory “Quantitative Methods of Regional Development Research”;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Dukhon.AB@rea.ru

OBRAZTSOVA Olga I.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Statistics and Data Science;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Obraztsova.OI@rea.ru

EPSHTEIN Nikita D.

Cand. Sc. (Econ.), Director of the Center for Statistics and Data Science;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Epstein.ND@rea.ru

Для цитирования:

Бычкова С.Г., Духон А.Б., Образцова О.И., Эпштейн Н.Д. Направления оценки и региональные различия объема и качественной структуры рынка жилья в России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 66–91.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-66-91>

Л.А. ЧАЙКОВСКАЯ

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНОВ

Эффективное функционирование организаций напрямую связано со стратегическими изменениями, которые осуществляются с помощью системы стратегического планирования. Важность стратегического планирования сегодня обусловлена прежде всего динамической внешней средой, высоким уровнем конкуренции, а также необходимостью обладать стратегическим планом по достижению конечных целей. Стратегическое планирование особенно важно в больших организациях, поскольку определяет направление их развития и выявляет мероприятия, способствующие достижению организацией поставленных целей. При этом в качестве важнейших задач по выбору направления эффективного развития организации следует выделить разработку стратегического видения и миссии организации, установление целей и выбор самой стратегии. Тем не менее не следует путать стратегическое планирование с планированием, поскольку стратегическое планирование — это работа над последовательным набором решений, которые определяют место организации в ее отрасли для создания конкурентного преимущества и устойчивой прибыли. В свою очередь правильное выстраивание стратегии организаций позитивно скажется и на региональных доходах, и, как результат, на наполнении бюджета региона и обеспечении занятости населения на его уровне. В целом стратегическое планирование занимает важнейшее место в списке приоритетов организаций, сталкивались с сильным давлением, требующим адаптации к постоянно меняющейся среде вокруг них, включая такие факторы, как новое поколение технологий, меняющиеся правила, колебания рынка и более гибкие конкуренты. В качестве результативной можно представить такую систему стратегического планирования в организации, которая способствует достижению его целей и обеспечивает конкурентные преимущества. Статья посвящена особенностям стратегического планирования и его роли в эффективном функционировании организации. Также в статье рассматриваются причины повышенного внимания к практике стратегического планирования не только со стороны федеральных, но и региональных органов власти. Кроме того, в статье рассматриваются показатели результативности в качестве удобного инструмента для оценки и планирования деятельности организации, составляющие основу системы стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегия, стратегическое планирование, стратегический план, элементы стратегического плана, результативность, показатели результативности, регион.

JEL: O20, L19

Многочисленные исследования в сфере стратегического планирования и менеджмента свидетельствуют о том, что эффективная стратегия обеспечивает организации множество преимуществ. Достаточно сказать, что стратегическое планирование существенно меняет практику администрирования, задавая новые, неожиданные векторы для осуществления деятельности и их развития (например, когда в системе публичного администрирования не произошло качественных изменений, соизмеримых с определенными социальными ожиданиями, которые и стремится законсервировать документ стратегического планирования, в итоге переформатировав административную деятельность) [1]. В то же время вопросу формирования стратегии в современных организациях уделяется недостаточно внимания, и много организаций функционирует *без какого-либо стратегического плана*, что приводит к уязвимости и нестабильности их деятельности.

Что такое стратегическое планирование?

Цель каждой организации заключается в том, чтобы добиться долгосрочной прибыли и успеха, которые являются конкурентоспособными. Для этого должны создаваться планы, учитывающие меняющийся деловой климат и превосходящие конкурентов.

Для достижения запланированных целей требуется эффективный план, и не имеет значения, какой деятельностью занимается организация: продает ли продукты или услуги, работает в частном или государственном секторе, ориентирована на прибыль или нет. Каждое из этих направлений деятельности нуждается в планировании. В свою очередь планирование, представляет собой предопределение целей и курса действий, которые необходимо предпринять для эффективного достижения поставленных целей. Это интеллектуальный процесс, связанный с предварительным принятием решения о том, что должно быть сделано, как это должно быть сделано, когда это должно быть сделано и кто должен это сделать.

Планирование, — это *главная функция управления*. В нем основное внимание уделяется будущим направлениям действий, определяются цели, которые должны быть достигнуты в будущем, и выбирается наилучший курс для достижения поставленных целей. Кроме того, планирование включает в себя множество действий: анализ и принятие решений относительно технических, кадровых, финансовых и других элементов, необходимых для реализации заранее определенного курса действий. Планирование требует постановки целей, после чего определяются

альтернативные варианты действий и, наконец, принимается решение, какой план приведет к ожидаемому результату.

Для того чтобы управлять, «нужны определенные знания о желаемом состоянии или проект желаемого состояния... управляющая система еще должна знать свои возможности, свои ресурсы, свои средства... может ли она произвести такие управляющие воздействия, чтобы изменить естественную траекторию на искусственную. А дальше нужно построить программу таких воздействий, план таких воздействий и т.д.» [1]. Отсюда и возникает потребность в разработке стратегий, облеченных в различные формы (сценариев, планов, программ, концепций и т.п.).

В целом стратегия представляет собой набор конкурентных изменений и бизнес-подходов, которые применяются для достижения наилучших показателей организации. Это план руководства по укреплению позиций организации на рынке, повышению удовлетворенности клиентов и достижению целевых показателей эффективности [2]. И важно подчеркнуть, что *стратегия* — это не видение, миссия, цель, а то, *как достичь результатов, используя доступные ресурсы*.

Термин «стратегическое планирование» начал использоваться с 1950-х гг. и стал особенно популярным в период с середины 1960-х до середины 1970-х гг. В этот период стратегическое планирование считалось решением всех проблем, с которыми сталкивались организации.

Стратегическое планирование занимает ключевое место в перечне приоритетов организации и столь же высокое место в списке ее задач. Сегодня, как никогда ранее, организации сталкиваются с сильным давлением, требующим адаптации к постоянно меняющейся внешней среде вокруг них, включая такие факторы, как меняющиеся правила осуществления деятельности, колебания рынка, конкуренция, новые поколения технологий.

Стратегическое планирование можно представить как способ, с помощью которого организации могут подготовиться к тому, чтобы поддерживать и преодолевать конкуренцию на рынке. Это важно для всех организаций частного сектора, государственного сектора и некоммерческих организаций.

Сегодня стратегическое планирование включает в себя разработку и реализацию плана действий для организации, который обеспечит ее долгосрочный успех. При этом стратегическое планирование определяет эффективность бизнеса и действия по улучшению, которые должны быть предприняты в течение периода планирования для удовлетворения потребностей клиентов. Стратегическое планирование становится все более актуальным для российских организаций, которые поставлены в условия жесткой конкуренции как между собой, так и с иностранными корпорациями. Несмотря на то, что стратегическое планирование само по себе не обеспечивает успеха, тем не менее оно создает условия для возникновения ряда важных и часто существенных благоприятных факторов для организации [3].

Стратегическое планирование фокусируется на целях, задачах и стратегиях, основанных на организационной политике, программах и мероприятиях, которые предназначены для достижения целей учреждения и желаемых результатов. Это процесс, который начинается с самооценки и реализации, а затем реорганизации для обеспечения конкурентоспособности в бизнес-среде [4]. Иными словами, стратегическое планирование *выступает в роли одного из инструментов* (или механизмов) *управления*, в т.ч. публичного характера.

Результатом стратегического планирования является стратегический план, — инструмент для определения организационного направления, который выявляет максимально реалистичные цели и задачи организации. В целом стратегические планы разрабатываются для достижения долгосрочных целей бизнеса, которые оказывают положительное влияние на реализацию видения организации. Исходя из этого, существует потребность в регулярном обновлении стратегии по мере того, как организация будет сталкивается с новыми вызовами.

Стратегическое планирование представляет особую важность для организаций, т.к. определяет основные направления их развития и выявляет мероприятия, посредством которых организации смогут добиться поставленных целей. Стратегическое планирование важно по нескольким причинам.

Во-первых, оно обеспечивает четкое направление. Стратегическое планирование направлено на создание результативной и в то же время понятной стратегии, помогает разработать конкретное направление для организации с четкими сообщениями для всех ее членов, что позволяет уменьшить количество конфликтов и увеличить вклад сотрудников.

Во-вторых, стратегическое планирование позволяет выявить возможности и угрозы. Цель стратегического плана — преодоление потенциальных угроз и использование возможностей. В процессе разработки стратегии это также способствует определению вероятных положительных и отрицательных сторон будущей среды.

В-третьих, стратегическое планирование способствует достижению долгосрочных целей. Большинство стратегических планов рассчитаны на срок более 3–5 лет. Все это создано для достижения долгосрочных целей организации. Благодаря эффективности, ясности и лучшим прогнозам стратегические планы повышают вероятность достижения долгосрочных целей организации.

В-четвертых, стратегическое планирование обеспечивает конкурентное преимущество. Организация может много узнать из стратегических планов о рыночной конкурентоспособности, условиях, стратегиях конкурентов, ценах и др., что также позволяет организации понять, как добиться максимальной результативности на рынке, позволяя реализовать потенциал конкурентного преимущества.

В-пятых, стратегическое планирование обеспечивает эффективность и действенность. Сотрудники выполняют свои задачи наиболее эффективными способами, когда знают, чего от них ожидают. Это

в конечном итоге повышает эффективность и результативность деятельности организации в целом.

Стратегическое планирование вышло на новый этап развития со вступлением в силу Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в соответствии с которым регламентируются в т.ч. мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования. Их организация и осуществление являются одними из основных задач стратегического планирования. Однако, несмотря на то что законодательно они были предусмотрены, механизм их осуществления в Российской Федерации не может считаться сформировавшимся. Вместе с тем разработка взаимосвязанных документов стратегического планирования позволяет в системном виде улучшать законодательство и государственное управление [5].

Элементы стратегического планирования

Следует выделить ряд специальных элементов, необходимых для решения важнейших задач в организации, составляющих стратегическое планирование, гарантирующие, что каждому элементу уделяется заслуженное внимание (см. рис. 1).

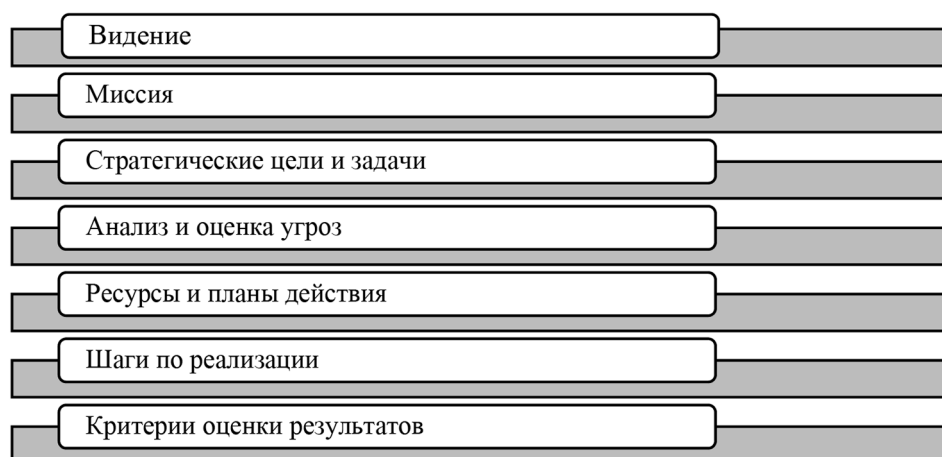

Рис. 1. Основные элементы стратегического плана

Источник: составлено автором по [3].

Ниже рассмотрены особенности основных элементов стратегического плана.

Оценка текущей обстановки обычно считается исходным процессом стратегического планирования, т.к. он является базой для определения миссии и целей организации.

Видение и миссия. Общее описание того, какой организация стремится быть в будущем, называется ее видением. Это представление в визуальной форме того, что компания надеется создать, развить

или чем прославиться. Миссия организации определяет обоснование ее существования, но описывает услугу или продукт, который компания предлагает обществу. В миссии объясняется, почему организация была основана и почему она хочет продолжать свою деятельность.

Стратегические цели и задачи. Результаты запланированной деятельности — это цель, которая определяет, что должно быть сделано и когда.

Анализ и оценка угроз позволяет определить и перечислить сильные и слабые стороны бизнеса, возможности и угрозы. Это важно, т.к. позволяет определить потенциальные проблемы для достижения бизнес-целей и то, что нужно сделать для их преодоления.

Ресурсы и планы действия обеспечивают руководящие принципы для организационной деятельности. Если планы неверны, то ресурсы и усилия будут направлены не в том направлении.

Шаги по реализации. Несмотря на то, что данные шаги — это не формулирование стратегических планов, бесполезно формулировать стратегические планы, если они не могут быть реализованы. Шаги по реализации облегчают получение обратной связи для будущих планов.

Критерии оценки результатов. Для определения эффективности и требуемых изменений в планах необходима оценка. Оценка помогает получить обратную связь о том, в какой степени план работает для достижения желаемых целей. Это дает достаточные основания для внесения поправок в планы, если мероприятия отклоняются от основного направления.

Перечисленные элементы имеют решающее значение для понимания текущей проблемы и условий, в которых функционирует организация. В целях устранения сложностей и сведения к минимуму сохраняющихся проблем важно следовать процессу стратегического планирования и сосредоточиться на перечисленных элементах, составляющих эффективный стратегический план, который придает ощущение цели и значимости деятельности организации, повышая вероятность достижения ее целей и задач. Акцент на отдельных элементах стратегического планирования может незначительно меняться в зависимости от интенсивности процесса планирования.

Наиболее распространенной ошибкой в процессе утверждения стратегических планов является *их подмена повседневными задачами*. Несмотря на то, что повседневные и стратегические задачи тесно связаны, выбрать только долгосрочную стратегию недостаточно, требуется также определить шаги по ее достижению, т.е. поставить текущие задачи. В свою очередь цепочка повседневных действий как раз и способствует достижению долгосрочной цели, а иногда помогает скорректировать ее в рамках других сценариев. Оперативные решения, ранее принимаемые разрозненно, объединяются общей целью и выстраиваются в продуманную последовательность. В этом и проявляется главное преимущество стратегических решений: они мобилизуют всю оперативную деятельность организации и меняют алгоритмы использования всех ее ресурсов [6].

Таким образом, повседневные и стратегические решения дополняют друг друга, в результате чего формируется механизм, способствующий организации текущей работы в соответствии со стратегическими приоритетами и выбором стратегической цели исходя из имеющихся возможностей. В этом направлении необходимо работать любой организации и ее сотрудникам, поскольку именно баланс между сегодняшними задачами и перспективными целями будет способствовать получению желаемых результатов при минимальных объемах ресурсов.

Показатели результативности стратегического планирования

В структуре бизнес-процессов организации особое место занимают показатели результативности, выступающие удобным инструментом для оценки и планирования деятельности организации. Они составляют основу системы стратегического планирования.

Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р ИСО 9000-2008 дает следующее определение результативности: «Результативность — степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов». Результативность определяется только достигнутым результатом без учета затрат на его достижение [7]. При этом результативность стратегии является итогом ее реализации, и чтобы оценить эту результативность, организации необходимо определить показатели, основанные на бизнес-целях, для достижения которых разработана стратегия.

Прежде всего необходимо определить, обеспечивают ли действующие стратегические планы ожидаемые результаты и в какой степени, и, основываясь на этих данных, сделать правильный выбор в отношении того, как адаптироваться или изменяться. Выбор правильных показателей для измерения успеха организации — достаточно сложная задача.

Показатели результативности в крупных и средних организациях стали обычным явлением. Однако, несмотря на широкое использование таких показателей, *многим организациям не удалось получить от них высокую выгоду*. Часто данные показатели рассматриваются просто как инструмент для измерения результативности на операционном уровне. При таком подходе *упускаются преимущества*, которые ключевые показатели эффективности могут предложить для стратегического планирования и реализации стратегии.

Показатели результативности оценивают полученные результаты деятельности (полезный и побочный эффекты, затраты ресурсов и времени) без их относительного взаимного сравнения. Это показатели эффекта или затрат ресурсов, например, время, издержки, объем продаж, выручка, чистая прибыль, доля рынка [8].

Оценка результативности не может быть отделена от стратегического планирования, при этом способность оценить успех плана зависит от того, что оценка результативности включена в каждый этап процесса планирования.

Установление показателей результативности — существенный аспект стратегического планирования. Он играет важную роль в измерении прогресса организации на пути к достижению ее запланированных целей. Такое измерение прогресса является важной характеристикой реализации стратегического плана. Организации необходимо периодически оценивать прогресс и предпринимать корректирующие действия, если прогресс не достигается. Без периодической оценки прогресса стратегические планы, скорее всего, потерпят неудачу.

Схема показателей результативности представлена на *рисунке 2*.

Каждой организации необходимы различные качественные и количественные измерения в зависимости от типов сводных отчетов, необходимых для оценки результативности организации. Существует возможность в установлении показателей результативности для конкретной организации. В данном случае часто в центре внимания находится единая информационная панель, посредством которой можно управлять собственными ресурсами, быть в курсе состояния стратегического плана и создавать необходимые отчеты. Правильный выбор результативных показателей может способствовать увеличению прибыли, привлечению персонала, служить доказательством собственной ценности заинтересованным сторонам и привлечению постоянных клиентов.

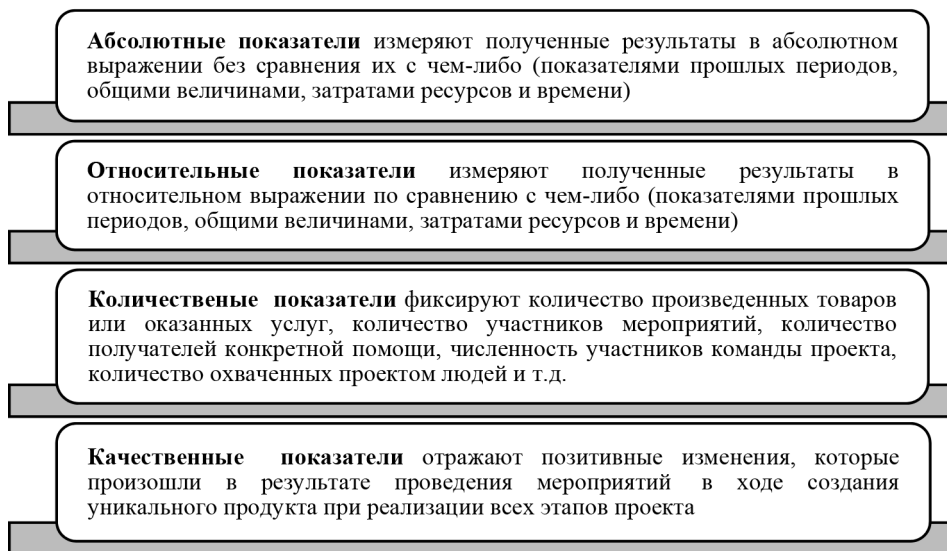

Рис. 2. Показатели результативности

Источник: составлено автором по [8].

Чтобы сформировать основу для определения значений по показателям результативности стратегического плана, требуется последовательно реализовать мероприятия по бизнес-планированию. Это процесс, включающий множество циклов, которые могут повторяться многократно. Кроме того, на каждом этапе качество расчетов улучшается за счет

включения в сферу рассмотрения все большего числа оказывающих влияние факторов.

Проблемы реализации стратегии могут включать ограниченные ресурсы и глобальные экономические ситуации, которые находятся вне контроля организаций. Исходя из этого организациям следует отслеживать внутреннюю и внешнюю среду и вносить изменения или корректировки, чтобы предотвратить невыполнение намеченной стратегии. Это может быть реализовано посредством эффективной оценки процесса реализации стратегии.

Многие организации, на сегодняшний день внедрившие системы управления результативностью, оказались достаточно успешными: хорошо спроектированные системы позволили сформировать ценную основу для внедрения стратегии, используя целевые показатели и стимулы, а также информационную систему для их поддержки. Следует признать, что наличие стратегического плана не является гарантией успеха. При этом хорошо продуманный, инновационный и креативный план, который выполняется, дает организациям значительные преимущества, такие как повышение прибыльности и улучшение управления.

Список литературы

1. Домченко А.С. Публичное администрирование и стратегическое планирование: к вопросу о демаркации механизмов управления // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 119–127.
2. Thompson A. A., Strickland A. J. *Strategic Management: Concepts and Cases*. 13th ed. McGraw-Hill, 2003. 1088 p.
3. Гусев В. С. Стратегический план и его составные элементы // Перспективы развития информационных технологий. 2011. № 4. С. 150–155.
4. Kabeyi M. J. Organizational Strategic Planning, Implementation and Evaluation with Analysis of Challenges and Benefits for Profit and Nonprofit Organizations // International Journal of Applied Research and Studies. 2019. № 5(6). pp. 27–32.
5. Емельянов А.С. Мониторинг и контроль в механизме стратегического планирования // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 61–75.
6. Соколова Г.А. Как принимать повседневные и стратегические решения? // Руководитель автономного учреждения. 2021. № 3. С. 1–4.
7. Королёв М.А. Показатели результативности строительных проектов // Экономика строительства. 2021. № 1 (67). С. 35–43.
8. Болдырева Н.В., Тихонова Я.М., Мишунина Е., Храмцов Б.А. Современные технологии и методы оценки персонала: плюсы и минусы // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. № 2 (23). С. 46–57.

References

1. Domchenko A.S. Publichnoe administrirovanie i strategicheskoe planirovanie: k voprosu o demarkatsii mekhanizmov upravleniia [Public Administration and Strategic Planning: on the Issue of Demarcation of Management Mechanisms], *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Journal of Law], 2020, No. 3, pp. 119–127. (In Russ.).

2. Thompson A. A., Strickland A. J. Strategic Management: Concepts and Cases, 13th ed. McGraw-Hill, 2003, 1088 p.
3. Gusev V. S. Strategicheskii plan i ego sostavnye elementy [Strategic Plan and Its Constituent Elements], *Perspektivy razvitiia informatsionnykh tekhnologii* [Prospects for the Development of Information Technologies], 2011, No. 4, pp. 150–155. (In Russ.).
4. Kabeyi M.J. Organizational strategic planning, implementation and evaluation with analysis of challenges and benefits for profit and nonprofit organizations, *International Journal of Applied Research and Studies*, 2019, No. 5(6), pp. 27–32.
5. Emel'ianov A.S. Monitoring i kontrol' v mekhanizme strategicheskogo planirovaniia [How to Make Day-To-Day and Strategic Decisions?], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Head of an Autonomous Institution], 2021, No. 8, pp. 61–75. (In Russ.).
6. Sokolova G.A. Kak prinitat' povsednevnye i strategicheskie resheniia? [How to Make Day-To-Day and Strategic Decisions?], *Rukovoditel' avtonomnogo uchrezhdeniia* [Head of an Autonomous Institution], 2021, No. 3, pp. 1–4. (In Russ.).
7. Korolev M.A. Pokazateli rezul'tativnosti stroitel'nykh proektov [Performance Indicators of Construction Projects], *Ekonomika stroitel'stva* [Construction Economics], 2021, No. 1 (67), pp. 35–43. (In Russ.).
8. Boldyreva N.V., Tikhonova Ia.M., Mishunina E., Khramtsov B.A. Sovremennye tekhnologii i metody otsenki personala: pliusy i minusy [Modern Technologies and Methods of Personnel Assessment: Pluses and Minuses], *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii* [Institute of World Civilizations], 2019, No. 2 (23), pp. 46–57. (In Russ.).

KEY PERFORMANCE INDICATORS FOR THE IMPLEMENTATION OF STRATEGIC PLANS

The effective functioning of organizations is directly related to the strategic changes that are carried out using the strategic planning system. The importance of strategic planning today is due, first of all, to a dynamic external environment, a high level of competition, and the need to have a strategic plan to achieve ultimate goals. Strategic planning is especially important in large organizations, as it determines the direction of their development and identifies activities that contribute to the achievement of the organization's goals. At the same time, the following should be singled out as the most important tasks in choosing the direction of effective development of the organization: the development of a strategic vision and mission of the organization, setting goals and choosing the strategy itself. However, strategic planning should not be confused with planning, as strategic planning is the work on a coherent set of decisions that determine the place of an organization in its industry in order to create competitive advantage and sustainable profits. In turn, the correct alignment of the strategy of organizations will have a positive impact on regional incomes and, as a result, on filling the budget of the region and ensuring employment at its level. In general, strategic planning is high on the priority list of organizations that have faced strong pressure to adapt to the ever-changing environment around them, including factors such as new generations of technology, changing rules, market fluctuations and more agile competitors. As a result, one can imagine such a system of strategic planning in an organization that contributes to the achievement of its goals and provides competitive advantages. The article is devoted to the peculiarities of strategic planning and its role in the effective functioning of the organization. The article also discusses the reasons for the increased attention to the practice of strategic planning only from federal, but also from regional authorities. In addition, the article discusses performance indicators as a convenient tool for assessing and planning the organization's activities, which form the basis of the strategic planning system.

Keywords: strategy, strategic planning, strategic plan, elements of a strategic plan, performance, performance indicators, region.

JEL: O20, L19

Дата поступления – 16.06.2023 г.

ЧАЙКОВСКАЯ Любовь Александровна

доктор экономических наук, профессор, и.о. директора Высшей школы экономики и бизнеса;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: chaik4@yandex.ru

TCHAIKOVSKY Lyubov A.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Acting Director of the Higher School of Economics and Business;

Federal State Budgetary Institute of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: chaik4@yandex.ru

Для цитирования:

Чайковская Л.А. Основные показатели результативности реализации стратегических планов // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 92–102. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-92-102>

Л.Н. ЛЫКОВА

**ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ
2023 г. ДЛЯ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТОВ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СФОРМИРОВАВШИЕСЯ ТЕНДЕНЦИИ
И НОВЫЕ УСЛОВИЯ***

Исполнение консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в начале года осуществлялось в условиях сохранения санкционного давления на экономику регионов. Существенное влияние на процесс формирования доходов бюджетов оказывали организационные и административные новации (введение уплаты налогов с использованием единого налогового счета, отмена уплаты налога на прибыль в рамках консолидированных групп налогоплательщиков, введение ускоренного порядка возмещения по налогу на доходы физических лиц). Рост доходов региональных бюджетов в реальном исчислении обеспечивали федеральные трансферты. Поступление налоговых доходов росло лишь номинально. Рост поступлений налога на прибыль организаций не компенсировал сокращение поступлений налога на доходы физических лиц. Расходы региональных бюджетов росли более высокими темпами, чем доходы, что привело к сокращению общей суммы положительного сальдо консолидированных бюджетов субъектов Федерации в большинстве российских регионов. Сохранилась тенденция к росту объемов государственного и муниципального долга при опережающем росте объемов бюджетных кредитов. Имеет место замещение рыночных форм заимствования на бюджетные как компенсация сложившейся неэффективной модели распределения налоговых полномочий.

Ключевые слова: налог на прибыль организаций, налоговые доходы бюджета, налог на доходы физических лиц, регион, региональные бюджеты, субъект Российской Федерации, межбюджетные трансферты, государственный долг субъектов Российской Федерации.

JEL: H20, H50, H60, H77

* Статья подготовлена в рамках совместной деятельности ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», ФГБУН «Институт экономики РАН» и ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН» в составе консорциума «Региональная политика», созданного в рамках ПСАЛ «Приоритет-2030».

Начало 2023 г. для отечественной экономики *сложно оценить однозначно*. Индекс физического объема ВВП по предварительным данным ФСГС составил 98,2¹ (I квартал 2023 г. к I кварталу 2022 г.). В то же время инвестиции в основной капитал по номинальным значениям превысили прошлогодние значения (индекс составил 100,7). Реальные располагаемые доходы населения в целом также демонстрируют позитивную динамику (100,1). При этом индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности составил 98,8, а индекс промышленного производства – 99,1². Показатели динамики промышленного производства по субъектам Российской Федерации (далее – субъекты РФ) в I квартале года существенно различались.

Так, если индекс промышленного производства в Ярославской и Тульской областях превысил отметку 110%, а в Пензенской области и Чувашии – отметку 112,0%, то в целом ряде регионов значения этого показателя колебались в интервале 95,0%–98,0% (Республика Карелия, Архангельская область, Республика Мордовия, Иркутская, Кемеровская и Новосибирская области и др.). Наиболее существенное падение промышленного производства имело место в Республике Дагестан, где индекс составил 79,2%³. Однако для данного региона промышленность не является профилирующим видом экономической деятельности и не оказывает существенного влияния на доходы бюджета.

Динамика реальных денежных доходов населения также существенно различалась. Так, на фоне роста данного показателя по Российской Федерации в целом *в 16 субъектах РФ имело место сокращение реальных доходов населения*. В Амурской области они составили всего 94,1% прошлогодних (I квартал 2023 г. к I кварталу 2022 г.), а в Магаданской – 95,2%. Еще в 12 регионах динамика реальных доходов была существенно выше общероссийских показателей. В Курганской области они составили 107,0% прошлогодних, а в Чукотском АО – 110,0%⁴.

Различающаяся динамика хозяйственной активности в регионах не могла не отразиться на состоянии бюджетной сферы. Начало 2023 г. характеризовалось рядом обстоятельств, отчасти носивших административно-технический характер. Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к описанию предварительных итогов I квартала текущего года для консолидированных бюджетов субъектов РФ, необходимо сделать несколько предварительных замечаний и описать эти *обстоятельства*, поскольку они *неизбежно будут влиять на приводимые ниже оценки*.

Первое – отказ с 1 января 2023 г. от уплаты налога на прибыль на основе консолидированных групп налогоплательщиков.

¹ По данным официального сайта ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 29.06.2023).

² Там же.

³ Социально-экономическое положение России. 2023. Январь – апрель // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doklad_2023.htm (дата обращения: 29.06.2023).

⁴ Там же.

Данный механизм действовал на протяжении 2012–2022 гг. и оказывал влияние на поступления налога на прибыль в региональные бюджеты. Имеющиеся в литературе оценки [1; 2] свидетельствуют об активном использовании данного механизма крупными организациями в процессе налогового планирования. В то же время он обеспечивал перераспределение поступлений налога на прибыль между субъектами РФ от тех, где расположены прибыльные предприятия, в регионы, где расположены убыточные предприятия [3]. Фактически бюджет платил за такое перераспределение потерей некоторой части доходов. Отказ от данной модели с 2023 г., с одной стороны, приведет к росту налоговой нагрузки на прибыльные организации, с другой – к очередному перераспределению общей суммы налога между регионами. Для предотвращения выраженного падения доходов некоторых региональных бюджетов предусмотрен переходный период 2023–2025 гг., для которого установлены нормативы⁵ зачисления налога в региональные бюджеты. Ответить на вопрос, в какой мере эти нормативы с учетом воздействия ряда иных факторов позволят избежать проблем с формированием доходов региональных бюджетов, *в настоящее время не представляется возможным*.

Второе обстоятельство – введение обязательного использования единого налогового счета всеми налогоплательщиками. Ранее этот механизм действовал для некоторых категорий налогоплательщиков. Переход на тотальное применение ЕНС аргументировался преимущественно упрощением административных процедур для налогоплательщиков, экономией времени на заполнении платежных поручений и другими аналогичными обстоятельствами. В то же время высказывались опасения относительно возможного перераспределения налоговых платежей при первичном погашении имеющейся недоимки [4; 5; 6]. Введение данного механизма приводит к изменению сроков уплаты некоторых налогов и возникновению лага между уплатой налога налогоплательщиками и поступлением налога в соответствующий бюджет.

В настоящее время просматривается еще одно обстоятельство, касающееся публикации отчетности, а точнее возникновения разночтений в отчетности, сформированной по кассовому методу и фактически методу начисления. При анализе ситуации с исполнением консолидированных бюджетов субъектов РФ ниже (в рамках настоящей статьи) используются данные официального сайта Минфина России с пометкой «Представленные данные соответствуют кассовым поступлениям с учетом того, что уплаченные налогоплательщиками платежи в рамках механизма ЕНС были распределены на соответствующие КБК доходов консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации

⁵ Федеральный закон о федеральном бюджете на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Приложение № 5. «Нормативы распределения доходов от налога на прибыль организаций, уплаченного налогоплательщиками, которые до 1 января 2023 г. являлись участниками договора о создании консолидированной группы налогоплательщиков, в бюджеты субъектов Российской Федерации на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.» // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет». URL: <https://www.budget.gov.ru/> (дата обращения: 16.06.2023).

до завершения месяца»⁶. Данную формулировку можно интерпретировать как переход к модифицированному методу начислений в рамках представления бюджетной отчетности. В результате сравнение итогов исполнения доходов бюджетов в I квартале 2023 г. с аналогичным периодом прошлого года *не вполне корректно в силу различных методологий формирования данных*.

Третье — включение в бюджетную отчетность данных по Донецкой и Луганской народным республикам, а также Запорожской и Херсонской областях. Публикуемая на Едином портале бюджетной системы Российской Федерации информация о доходах новых регионов, вероятно, учитывается при формировании отчетности по консолидированному бюджету страны, а данные по расходам на данном портале не доступны (или не учитываются, или не публикуются), *что оставляет открытым ряд вопросов*.

С учетом этих обстоятельств рассмотрим общую ситуацию с исполнением консолидированных бюджетов субъектов РФ в I квартале 2023 г.

Доходы региональных бюджетов

По итогам I квартала общая сумма доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ превысила показатели аналогичного периода прошлого года даже в реальном исчислении. Это позволяет говорить *об относительно благополучной ситуации с формированием доходов бюджетов данной категории в целом*. Поскольку данные о доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ по итогам квартала уже включают в себя доходы новых российских регионов, отчасти прирост доходов объясняется этим фактором. Если в части поступлений налоговых доходов, учет данных по этим регионам не меняет общей картины (сумма налоговых доходов в этих регионах незначительна), то поступления трансфертов из федерального бюджета могут повлиять на общую картину. Также определенное влияние оказывает и отмеченное выше изменение порядка зачисления налоговых доходов в консолидированные бюджеты субъектов РФ (поступления налогов на Единый налоговый счет).

Общая сумма доходов бюджетов субъектов РФ по итогам I квартала составила 4 908,8 млрд руб. и превысила прошлогодние значения на 12,9%, или на 559,3 млрд руб. Без учета доходов новых субъектов РФ прирост общей суммы доходов составил 422,0 млрд руб., или 9,7%. С учетом темпов инфляции прирост доходов субфедеральных бюджетов составил 3,9%, а без учета новых регионов — 1,3%. При этом необходимо иметь в виду, что в начале 2022 г. имело место оживление хозяйственной активности (до начала СВО) и в целом рост доходов в реальном исчислении не является следствием эффекта низкой базы.

⁶ Статистика // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/> (дата обращения: 10.06.2023).

Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ без учета поступлений федеральных трансфертов (собственные доходы) по состоянию на 1 апреля 2023 г. *превысили* прошлогодние значения на 5,9%, или на 217,6 млрд руб. (см. табл. 1). Таким образом, с учетом темпов инфляции поступления собственных доходов в региональные бюджеты составили 97,5% прошлогодних.

Отметим еще одно обстоятельство, связанное с действием ЕНС. По данным Минфина, на 1 апреля 2023 г. остаток нераспределенных средств на ЕНС составлял 719,5 млрд руб.⁷ и, возможно, содержал еще некоторые суммы налоговых доходов, причитавшиеся бюджетам субъектов РФ.

Если динамика собственных доходов, где основную часть составляют налоговые доходы, выраженно отстает от темпов инфляции, то рост федеральных трансфертов существенно опережает динамику цен. Общая сумма безвозмездных поступлений из федерального бюджета увеличилась по сравнению с показателями I квартала прошлого года на 53,1%, или на 341,7 млрд руб. Соответственно сократилась доля собственных доходов с 85,2% в I квартале 2022 г. до 79,9% по итогам трех месяцев 2023 г., а доля федеральных трансфертов соответственно возросла с 14,8% до 20,1%. Динамика безвозмездных поступлений без учета новых регионов также опережала инфляцию – темп роста поступлений трансфертов составил 123,9%, или 114,1% в реальном исчислении.

Т а б л и ц а 1

*Доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ,
I квартал 2020–2023 гг.*

Показатели	2020, млрд руб.	2021, млрд руб.	2022, млрд руб.	2023, млрд руб.	Темп роста 2023 к 2022, %	Прирост, 2023 по сравнению 2022, млрд руб.
Доходы – всего	3 063,1	3 410,4	4 349,5	4 908,8	112,9	559,3
В т.ч.						
Безвозмездные поступления	471,2	586,4	643,1	984,8	153,1	341,7
Собственные доходы	2 591,8	2 824,0	3 706,4	3 924,0	105,9	217,6
Доля собственных доходов, %	84,6	82,8	85,2	79,9		

Источник: рассчитано автором по [7].

⁷ Краткая ежеквартальная информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute?id_57=93448-kratkaya_ezhekvaralnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannogo_byudzheta_rossiiskoi_federatsii_i_gosudarstvennykh_ynebyudzhethnykh_fondov_mlrld._rub._nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 16.06.2023).

Основными источниками собственных доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ являются поступления налогов на прибыль и доходы (налог на прибыль организаций и НДФЛ). На эту группу налоговых доходов по итогам трех месяцев 2023 г. приходится 68,3% собственных доходов⁸. Доля налогов данной группы сократилась по сравнению с показателями аналогичного периода прошлого года почти на 3 процентных пункта (в 2022 г. она составляла 71,3%).

Поступления налогов на прибыль и доходы в консолидированные бюджеты субъектов РФ по итогам I квартала 2023 г. увеличились незначительно – на 1,3%, или на 27,5 млрд руб. С учетом темпов инфляции доходы бюджетов от налогов на прибыль и доходы составили всего 93,2% прошлогодних сумм.

Динамика налоговых поступлений в регионах была неоднородна. Наиболее существенный прирост налогов на прибыль и доходы имел место в Тюменской области, где их поступления возросли в 3,1 раза. В то же время поступления в консолидированный бюджет Ненецкого автономного округа сократились на 74,0% (это самое значительное падение доходов среди регионов). Динамика поступлений налогов на прибыль и доходы позволяет сформировать четыре группы субъектов РФ (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

*Группировка регионов по темпам роста налогов на прибыль и доходы,
I квартал 2023 г.*

Темп роста, I квартал 2023 к I кварталу 2022, %	Число регионов	Максимальное и минимальное значение	Общая сумма прироста в группе, млрд руб.	Регионы- лидеры в группе*) (%)
Менее 0,80	14	Республика Башкортостан (0,78), Ненецкий АО (0,26)	- 67,8	Кемеровская область (32,1)
Более 0,8, но менее 1,00	32	Волгоградская область (1,00), Ставропольский край (0,81)	-90,7	г. Москва (39,8)
Более 1,00, но менее 1,20	29	Ивановская область (1,02), Еврейская автономная область (1,20)	92,8	Московская область (23,5)
Более 1,20	10	Ярославская область (1,21), Тюменская область 3,08	93,2	Тюменская область (61,8)

Источник: рассчитано автором по [8].

*) Регион, на который приходится наибольшая сумма прироста (потерь) в группе, в скобках доля в общей сумме прироста по группе.

Наиболее существенные потери доходов от налогов на прибыль и доходы (см. табл. 2) понесли Москва и Кемеровская область

⁸ Оценки налоговых доходов приводятся без учета новых регионов Российской Федерации.

(по абсолютным значениям). Относительные потери этих регионов составили 5,1 и 31,7%, соответственно.

Описанные выше организационно-административные факторы наиболее существенно повлияли на поступления именно налогов данной группы. Также необходимо отметить, что именно налог на прибыль организаций и НДФЛ (в меньшей степени) связан с хозяйственной активностью среднего и крупного бизнеса на территории субъектов РФ и наиболее выражено отражает состояние региональной экономики. Сегодня именно крупный и средний бизнес испытывают наиболее серьезное влияние введенных против России санкций. Отраслевая структура экономики регионов *в значительной мере предопределяет и уровень налоговых доходов региональных бюджетов*, и их динамику под воздействием сложной совокупности экономических и внеэкономических факторов и обстоятельств. Санкционное давление, перестройка логистических цепочек бизнеса, динамика мировых цен на продукцию российского экспорта по-разному сказываются на доходах региональных бюджетов.

В начале 2023 г. поступления налога на прибыль организаций и НДФЛ демонстрировали разнонаправленную динамику — поступления налога на прибыль росли по сравнению с прошлогодними значениями, а доходы бюджетов от НДФЛ снижались. Так, доходы региональных бюджетов от налога на прибыль организаций по итогам квартала возросли на 18,2%, или на 269,3 млрд руб. А доходы от НДФЛ сократились на 19,8%, или на 231,0 млрд руб. (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

**Поступления налогов в консолидированные бюджеты субъектов РФ
в I квартале 2021–2023 гг.**

Показатели	2021, млрд руб.	2022, млрд руб.	2023, млрд руб.	2023 в % к 2022	2023 г. в % к итогу
Доходы — всего	3 410,40	4 349,5	4 908,8	112,9	100,0
В т.ч.					
Налог на прибыль организаций	1 007	1 478,2	1 747,5	118,2	35,6
Налог на доходы физических лиц	937,8	1164,6	933,6	80,2	19,0
Акцизы	207	242,7	300,7	123,9	6,1
Налоги на совокупный доход	156,9	186	196,87	105,8	4,0
Налоги на имущество	264,9	303,5	482,78	159,1	9,8

Источник: рассчитано автором по [7; 9].

На протяжении довольно продолжительного периода (2015–2021 гг.) доли налога на прибыль организаций и НДФЛ в структуре доходов ре-

гиональных бюджетов были примерно равны и колебались в интервале 26–32%. В 2015–2016 гг. поступления НДФЛ превышали доходы бюджетов от налога на прибыль. В 2017–2019 г. налог на прибыль незначительно превышал поступления НДФЛ. Начиная с 2022 г. картина меняется — доля поступлений налога на прибыль в структуре доходов региональных бюджетов выраженно растет, а доля налога на доходы физических лиц сокращается. Напомним, что в данном случае речь идет исключительно о первых кварталах соответствующих лет.

В 2022 и 2023 гг. поступления налога на прибыль существенно превысили НДФЛ, и если в прошлом году это превышение составило 26,9%, то в 2023 г. — уже 87,1%. Для регионов роли НДФЛ и налога на прибыль в структуре доходов консолидированных бюджетов *могут существенно различаться*.

Значительный рост поступлений налога на прибыль по итогам квартала отчасти может быть связан с прекращением действия консолидированных групп налогоплательщиков с 1 января 2023 г., а значит и с прекращением возможностей учета для целей налогообложения убытков некоторых организаций (в составе КГН). Отнести этот результат на фактор роста прибыли сложно — прибыль прибыльных организаций сокращалась и по итогам 2022 г. (на 3,8% — год к году), и по итогам I квартала 2023 г. (на 17,7% — квартал к кварталу).

Отметим еще одно обстоятельство, связанное с динамикой поступлений налога на прибыль организаций. В рамках консолидированного бюджета страны поступления данного налога по итогам I квартала возросли на 9,1%. При этом его поступления в федеральный бюджет сократились на 21,9%, а поступления в региональные бюджеты возросли (на 18,2%, см. выше). Опубликованные в настоящее время данные *не позволяют делать какие-либо выводы* о структуре поступлений налога на прибыль организаций и причинах различной динамики в бюджетах различных уровней. Различающаяся динамика общей суммы налога (по поступлениям в консолидированный бюджет) и его поступлений в федеральный и региональные бюджеты может говорить о сокращении поступлений в части налога на доходы, которые облагаются не по ставкам, устанавливаемым субъектами Федерации (дивиденды, в первую очередь).

Обращает на себя внимание *существенное сокращение поступлений НДФЛ* по сравнению с показателями I квартала 2022 г. При этом среднемесячная номинальная начисленная заработная плата увеличилась на 10,7%⁹.

Столь существенные изменения в налоговых поступлениях могут быть связаны с изменением порядка расчетов (описанного выше), изменением численности занятых (что не прослеживается по статистическим данным) или существенным сокращением доходов, подпада-

⁹ Социально-экономическое положение России. 2023. Январь — апрель // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doklad_2023.htm (дата обращения: 29.06.2023).

ющих под налогообложение, кроме заработной платы (или действием всех этих факторов одновременно). Еще одним фактором такого сокращения поступлений НДФЛ может быть введение ускоренного возмещения по данному налогу, позволяющее налогоплательщикам более оперативно получать возврат налога. Официально опубликованные в настоящее время данные не позволяют проводить более детальный анализ поступлений налога на доходы физических лиц в разрезе всех консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Обратимся к данным исполнения консолидированного бюджета по г. Москве в части структуры поступлений налога на доходы физических лиц в I квартале текущего и прошлого годов (см. табл. 4). Поступления НДФЛ по итогам марта 2023 г. составили 73,3% прошлогодних сумм. Из общей суммы потерь доходов в размере 96,2 млрд руб. основная часть приходится на поступления, источником которых являются налоговые агенты. Доля доходов бюджета от НДФЛ, исчисляемого налоговыми агентами, составляет 68–70% общей суммы поступлений данного налога. Сумма потерь, приходящаяся на данную позицию, лишь незначительно меньше этой доли (62%). Сокращение поступлений затронуло все ключевые позиции по НДФЛ, в т.ч. налог, уплачиваемый по повышенной ставке. По ряду позиций сумма налога отрицательна, что может быть следствием возмещения прошлогодних сумм налога. Данные по итогам I квартала нельзя считать показательными особенно в условиях изменения организации их администрирования, отмеченных выше.

Поступления налогов на имущество в консолидированные бюджеты субъектов РФ в январе – марте текущего года составили 482,78 млрд руб., что выше показателей 2022 г. (аналогичного периода) на 59,1%, или на 179,28 млрд руб. Столь существенный рост поступлений налогов данной группы может быть связан с истечением предоставленных в прошлом году отсрочек и рассрочек по его уплате в связи со сложностями, возникавшими из-за санкций, в целом ряде субъектов РФ. Доля налогов на имущество в структуре доходов региональных бюджетов относительно стабильна – в 2018–2022 гг. она составляла 7–8%, а в 2023 г. – 9,8% (заметим, что речь идет о I кварталах соответствующих лет).

Динамика поступлений налогов на совокупный доход, связанных с результатами деятельности малого бизнеса в первую очередь, в целом была положительной. В то же время темпы роста поступлений доходов бюджета от данной группы налогов были ниже темпов инфляции – 105,8% (или 97,5% прошлогодних в реальном исчислении). Группа налогов на совокупный доход включает налог, уплачиваемый при упрощенной системе налогообложения (доминирует в группе), единый сельскохозяйственный налог, налог на профессиональный доход, налог, взимаемый при патентной системе налогообложения, а также торговый сбор. За счет поступлений налогов данной группы в начале текущего года было сформировано 4,1% общей суммы доходов региональных бюджетов (для аналогичного периода 2022 г. этот показатель составлял 4,3%).

Т а б л и ц а 4

Поступления НДФЛ в бюджет г. Москвы, I квартал 2022 г. и 2023 г.

Показатели	2022, млрд руб.	2023, млрд руб.	2023 в % к 2022 г.	Прирост, 2023 по сравнению с 2022, млрд руб.
Налог на доходы физических лиц	360,39	264,23	73,3	-96,16
В т.ч. налог:				
С доходов, источником которых является налоговый агент, за исключением доходов, в отношении которых исчисление и уплата налога осуществляются в соответствии со ст. 227, 227.1 и 228 НК РФ, а также доходов от долевого участия в организации, полученных в виде дивидендов	246,30	186,94	75,9	-59,35
С доходов, полученных от осуществления деятельности физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, нотариусов, занимающихся частной практикой, адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты, и других лиц, занимающихся частной практикой в соответствии со ст. 227 НК РФ	0,36	-0,16	-44,5	-0,52
С доходов, полученных физическими лицами в соответствии со ст. 228 НК РФ ¹⁰	2,36	-0,96	-40,6	-3,32
В виде фиксированных авансовых платежей с доходов, полученных физическими лицами, являющимися иностранными гражданами, осуществляющими трудовую деятельность по найму на основании патента в соответствии со ст. 227.1 НК РФ	8,31	7,50	90,2	-0,81
В части суммы налога, превышающей 650 тыс. руб., относящейся к части налоговой базы, превышающей 5 млн руб.	103,10	63,72	61,8	-39,38

Источник: рассчитано автором по [10].

Начало 2023 г. характеризовалось выраженным ростом безвозмездных поступлений из федерального бюджета в консолидированные бюджеты субъектов РФ. Отчасти это может быть связано с возникавшими у регионов проблемами в условиях перехода на ЕНС (фактически с задержками

¹⁰ Ст. 228 Налогового кодекса Российской Федерации определяет особенности уплаты налога по широкому спектру доходов, в частности доходов по договорам найма или аренды любого имущества, доходов от лиц, которые не являются налоговыми агентами, доходов от источников, находящихся за пределами Российской Федерации, и целому ряду иных видов доходов.

поступлений налогов), а отчасти с учетом в общей сумме трансфертов новым регионам. Для последних федеральные трансферты пока являются основными источниками доходов. По итогам квартала поступления трансфертов увеличились на 38,1%, или на 271,5 млрд руб., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (см. табл. 5). Отчасти столь существенный рост был связан с трансфертами новым регионам (но лишь отчасти).

Т а б л и ц а 5

**Безвозмездные поступления из федерального бюджета
в консолидированные бюджеты субъектов РФ,
I квартал 2015–2023 гг., млрд руб.**

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023 без новых регионов
Трансферты из федерального бюджета, млрд руб.	324,92	338,2	370,7	471,2	586,4	713,3	984,8	847,32
Темп роста к предшествующему году, %	103,8	104,1	109,6	127,1	124,4	121,6	138,1	118,8
Темп роста с учетом инфляции, %	101,2	99,8	106,4	121,2	114,8	108,7	127,1	109,4
Доля в доходах, %	14,0	13,6	13,4	15,4	17,2	16,4	20,1	17,8

Источник: рассчитано автором по [7; 8; 9; 11].

Если в 2017–2019 гг. рост общей суммы трансфертов субъектам РФ из федерального бюджета в начале каждого года незначительно превышал или даже отставал от темпов инфляции, то с 2020 г. темпы прироста стали двухзначными. В I квартале 2023 г. прирост общей суммы безвозмездных поступлений из федерального бюджета составил 38,1% (без учета новых регионов 18,8%). Даже с учетом темпов инфляции для «старых» регионов поступления из федерального бюджета возросли на 9,4%. Доля трансфертов новым регионам Российской Федерации в общей сумме трансфертов регионам в I квартале 2023 г. составила 12,2%.

Расходы и сальдо консолидированных бюджетов субъектов РФ

Динамика расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в начале 2023 г. опережала рост поступлений доходов.

В январе – марте 2023 г. общая сумма расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ составила 4 212,0 млрд руб., что выше показателей начала прошлого года на 33,1%, или на 1048,2 млрд руб. В реальном исчислении расходы региональных бюджетов возросли на 22,6%.

В I квартале текущего года более 20,8% общей суммы расходов всех консолидированных бюджетов субъектов РФ приходится на г. Москву, а более 54% – на 18 субъектов РФ (см. табл. 6). Динамика расходов в регионах различалась даже в рамках этой группы. Так, финансирование расходов сократилось в Республике Татарстан, Ямало-Ненецком АО и Тюменской области. Сокращение объемов финансирования расходов в I квартале года в этих мощных с экономической точки зрения регионах имело место на фоне довольно существенного профицита бюджетов (более 100% фактических расходов в Ямало-Ненецком АО и Тюменской области и 40% в Республике Татарстан). Таким образом, сокращение расходов не было связано с наличием финансовых проблем в этих регионах.

Т а б л и ц а 6

**Расходы и сальдо консолидированных бюджетов субъектов РФ
в I квартале 2023 г.**

Субъект РФ	Расходы, всего, млрд руб.	Прирост по сравнению с I кв. 2022, млрд руб.	Доля в общей сумме расходов, %	Доля в приросте расходов, %	Сальдо, млрд руб.	Сальдо в % от расходов
г. Москва	875,8	198,7	20,8	19,0	15,8	1,8
Московская область	210,4	24,8	5,0	2,4	36,2	17,2
г. Санкт-Петербург	193,2	43,0	4,6	4,1	79,0	40,9
Краснодарский край	108,3	29,1	2,6	2,8	10,2	9,5
Свердловская область	97,4	9,6	2,3	0,9	18,9	19,4
Красноярский край	89,0	13,9	2,1	1,3	31,6	35,5
Республика Татарстан	78,9	-16,2	1,9		31,9	40,4
Ханты-Мансийский АО – Югра	76,3	14,6	1,8	1,4	47,5	62,3
Республика Саха (Якутия)	75,2	0,7	1,8	0,1	38,6	51,3
Нижегородская область	74,4	18,9	1,8	1,8	8,2	11,1
Республика Башкортостан	66,5	7,8	1,6	0,7	1,0	1,5
Ямало-Ненецкий АО	63,9	-15,1	1,5		66,4	103,9
Кемеровская область	62,6	10,4	1,5	1,0	17,0	27,2
Иркутская область	62,0	11,1	1,5	1,1	10,4	16,8
Ленинградская область	52,4	6,4	1,2	0,6	21,4	40,8
Тюменская область	50,5	-1,9	1,2		51,4	101,7
Сахалинская область	42,0	3,0	1,0	0,3	10,8	25,8
Вологодская область	28,3	3,1	0,7	0,3	6,7	23,7
Остальные регионы	1 904,9	686,3	45,2	65,5	193,7	10,2

Источник: рассчитано автором по [8; 12].

Необходимо отметить, что доля регионов, приведенных в *таблице 6*, в общей сумме расходов оказалась на 20 процентных пунктов меньше их доли в общем приросте объемов финансирования по сравнению с прошлогодними значениями в I квартале года. Существенно ниже средних для всех регионов темпы прироста расходов были в Московской области, Республике Саха (Якутия) и Свердловской области (их доли в приросте расходов существенно меньше долей в общем объеме расходов).

Ускоренный рост расходов на фоне незначительного прироста налоговых доходов привел к сокращению общей суммы профицита консолидированных бюджетов субъектов РФ по сравнению с показателями аналогичного периода прошлого года. Региональные бюджеты по общей сумме в I квартале года были исполнены с профицитом 696,8 млрд руб., что на 242,7 млрд руб. меньше показателей прошлого года.

На бюджеты 18 регионов, приведенных в *таблице 6*, приходилось более 72,0% общей суммы профицита консолидированных бюджетов субъектов РФ в I квартале 2023 г., а на три региона Тюменской области (с автономными округами) — 23,7%. Самое низкое значение профицита из числа приведенных в *таблице 6* регионов наблюдается в Москве (1,8% фактических расходов). Необходимо отметить, что доходы I квартала года традиционно в значительной мере формируют резервы региональных бюджетов для прохождения пика расходов в начале лета, связанного с отпускным периодом. Исходя из этого, *положительное сальдо бюджетов* в размере 10% расходов, приходящееся на остальные 67 «старых» субъектов РФ, *настораживает*.

Государственный долг субъектов РФ

Ускоренный рост расходов субфедеральных бюджетов имеет своим следствием рост объемов накопленного государственного долга. По итогам марта 2023 г. общая сумма государственного и муниципального долга субъектов РФ составила 2 999,1 млрд руб. За квартал *объем накопленного долга увеличился* на 6,4%, или на 177,4 млрд руб., а за год (с 1 апреля 2022 г.) — на 20,0% (на 494,9 млрд руб.).

На этом фоне *ускоренными темпами росли кредиты*, предоставленные другими бюджетами бюджетной системы, в первую очередь Минфином. За квартал объем предоставленных кредитов увеличился на 11,5%, а за год — на 53,6%. За счет бюджетных кредитов вытеснялись более дорогие виды задолженности (перед коммерческими банками в первую очередь). Эта тенденция сохраняется на протяжении ряда последних лет. Соответственно росла и доля бюджетных кредитов в структуре субфедерального долга — с 57,9% по итогам I квартала 2022 г. до 74,1% на 1 апреля текущего года (см. *табл. 7*). Фактически в настоящее время бюджетные кредиты выполняют функцию компенсации сложившегося распределения налоговых полномочий и налоговых доходов в системе бюджетного федерализма, которая не позволяет существенной части субъектов РФ обеспечивать необходимые расходы собственными доходами.

Т а б л и ц а 7

**Объем государственного долга субъектов РФ по состоянию
на 1-е число месяца, млрд руб.**

Показатели	Январь 2022	Апрель 2022	Июль 2022	Октябрь 2022	Январь 2023	Апрель 2023
Объем государственного долга	2 474,5	2 471,1	2 569,3	2 694,0	2 788,7	2 966,1
В т.ч. бюджетные кредиты	1363,2	1 431,7	1 688,5	1 865,7	1 972,1	2 198,9
Доля бюджетных кредитов в объеме долга, %	55,1	57,9	65,7	69,3	70,7	74,1

Источник: рассчитано автором по [13].

Рост объемов государственного и муниципального долга *наблюдался в 75 регионах.*

В общей сложности сумма увеличения накопленного долга составила 531,9 млрд руб. В то же время в 9 субъектах РФ имело место сокращение долга на общую сумму 41,4 млрд руб. Более 30% сокращения общей суммы долга приходится на Красноярский край, еще 18% — на Сахалинскую область.

В начале текущего года активно увеличивали объемы долга экономически мощные субъекты РФ. Так, госдолг Москвы за год увеличился на 86,1 млрд руб. (что составило 16,2% общей суммы прироста госдолга регионов), госдолг Московской области — на 54,5 млрд руб. (10,3% общей суммы прироста).

Наиболее высокие показатели относительного увеличения государственного долга имели место в Тюменской области, где задолженность увеличилась за год 4,7 раза. Однако по абсолютным значениям этот прирост был незначителен и составил 4,7 млрд руб. Необходимо также отметить, что общая сумма долга области составляет всего 3,32% от запланированных на год доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений (при том, что среднее значение по регионам составляет 33,26%).

* * *

В заключении отметим основные особенности и проблемы исполнения консолидированных бюджетов субъектов РФ в I квартале текущего года.

Первое. Доходы региональных бюджетов в начале года формировались в условиях сохранения выраженного давления на отечественную экономику санкций и порождаемых ими проблем в хозяйственной сфере. Не облегчали ситуацию модификации, внесенные в налоговое законодательство, касающиеся порядка налогового администрирования

через ЕНС. Динамика доходов региональных бюджетов, опережающая инфляцию, была обеспечена федеральными трансфертами. Налоговые доходы региональных бюджетов в реальном исчислении сокращались – рост поступлений налога на прибыль не компенсировал сокращение поступлений НДФЛ.

Второе. Динамика расходов региональных бюджетов опережала рост поступлений доходов, результатом чего стало сокращение профицита по сравнению с прошлогодними показателями. Соответственно в подавляющем большинстве регионов сокращались резервы, традиционно формирующиеся накануне сезонного всплеска расходов.

Третье. Продолжался рост накопленного государственного и муниципального долга при опережающем росте объемов бюджетных кредитов. Нарастивали государственный долг даже регионы с мощным экономическим потенциалом. Рост бюджетных кредитов по-прежнему выполняет функцию компенсации недостатка налоговых доходов существенной части субъектов РФ.

Список литературы

1. Малис Н.И., Грундел Л.П. Анализ использования института консолидированного налогоплательщика // Финансы и кредит. 2015. № 3. С. 38–46.
2. Мусаева Х.М., Абдуллаева К.М. Институт Консолидированной группы налогоплательщиков в Российской Федерации: оценка и проблемы функционирования // Фундаментальные исследования. 2016. № 11. С. 839–845.
3. Почивалова Г.П. Реструктуризация крупных корпораций в экономике России: региональный аспект // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. №12. Т. 4. С. 4–12.
4. Щербакова Н.В. Концепция единого налогового счета в рамках цифровой трансформации налогообложения // Научно-практический электронный журнал Оригинальные исследования (ОРИС). 2022. № 12. С. 91–95.
5. Зверева Т.В. Вопросы изменения процедуры уплаты налогов, связанные с введением единого налогового счета // Инновационное развитие экономики. 2022. № 6 (72). С. 166–173.
6. Шемякина М.С. Оценка влияния внедрения единого налогового платежа на организацию краткосрочного планирования налоговых доходов бюджета // Инновационное развитие экономики. 2023. № 1 (73). С. 200–205.
7. Краткая ежемесячная информация об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/execute?id_57=88391-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannykh_byudzhetrov_subektov_rossiiskoi_federatsii_mlrd_rub_nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 16.06.2023).
8. Доходы бюджета // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (Электронный бюджет). URL: <https://budget.gov.ru/> (дата обращения: 16.06.2023).
9. Краткая ежемесячная информация об исполнении федерального бюджета // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80042-kratkaya_

ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrld._rub._nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 16.06.2023).

10. Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда (ф. 0503317) на 01.04.2022 // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/findep/function/napravleniia-deyatelnosti/itogi-ispolneniia-biudzheta-goroda-moskvy/mesiachnye-otchety-ob-ispolnenii-biudzheta-po-gorodu-moskve/> (дата обращения: 16.06.2023).

11. Цены, инфляция // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 16.06.2023).

12. Расходы бюджета // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (Электронный бюджет). URL: <https://budget.gov.ru/> (дата обращения: 16.06.2023).

13. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt?id_85=129701-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy (дата обращения: 12.06.2023).

References

1. Malis N.I., Grundel L.P. Analiz ispol'zovaniia instituta konsolidirovannogo nalogoplatel'shchika [Analysis of the Use of the Institute of the Consolidated Taxpayer], *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2015, No. 3, pp. 38–46. (In Russ.).

2. Musaeva Kh.M., Abdullaeva K.M. Institut Konsolidirovannoi gruppy nalogoplatel'shchikov v Rossiiskoi Federatsii: otsenka i problemy [Consolidated Group of Taxpayers in the Russian Federation: Assessment and Problems of Functioning], *Fundamental'nye issledovaniia* [Fundamental Research], 2016, No. 11, pp. 839–845. (In Russ.).

3. Pochivalova G.P. Restrukturizatsiia krupnykh korporatsii v ekonomike Rossii: regional'nyi aspekt [Restructuring of Large Corporations in the Russian Economy: a Regional Aspect], *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniia* [Economics and Management: Problems, Solutions], 2022, No. 12, Vol. 4, pp. 4–12. (In Russ.).

4. Shcherbakova N.V. Kontseptsiiia edinogo nalogovogo scheta v ramkakh tsifrovoy transformatsii nalogooblozheniia [The Concept of a Single Tax Account in the Framework of the Digital Transformation of Taxation], *Nauchno-prakticheskii elektronnyi zhurnal Original'nye issledovaniia (ORIS)* [Scientific and Practical Electronic Journal Original Research (ORIS)], 2022, No. 12, pp. 91–95. (In Russ.).

5. Zvereva T.V. Voprosy izmeneniia protsedury uplaty nalogov, sviazannye s vvedeniem edinogo nalogovogo scheta [Issues of Changing the Procedure for Paying Taxes Associated with the Introduction of a Single Tax Account], *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki* [Innovative Development of the Economy], 2022, No. 6 (72), pp. 166–173. (In Russ.).

6. Shemiakina M.S. Otsenka vliianiia vnedreniia edinogo nalogovogo platezha na organizatsiiu kratkosrochnogo planirovaniia nalogovykh dokhodov biudzheta [Evaluation of the Impact of the Introduction of a Single Tax Payment on the Organization of Short-Term Planning of Tax Revenues of the Budget], *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki* [Innovative development of the economy], 2023, No. 1 (73), pp. 200–205. (In Russ.).

7. Kratkaia ezhemesiachnaia informatsiia ob ispolnenii konsolidirovannykh biudzhetrov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Brief Monthly Information on the Execution of the Consolidated Budgets of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii* [Official Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/execute?id_57=88391-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannykh_byudzhetrov_subektov_rossiiskoi_federatsii_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda (accessed 16 June 2023).

8. Dokhody biudzheta [Budget Revenues], *Edinyi portal biudzhetnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii (Elektronnyi biudzheta)* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic Budget)]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/> (accessed 16 June 2023).

9. Kratkaia ezhemesiachnaia informatsiia ob ispolnenii federal'nogo biudzheta [Brief Monthly Information on the Execution of the Federal Budget], *Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii* [Official Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80042-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda (accessed 16 June 2023).

10. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta sub"ekta Rossiiskoi Federatsii i biudzheta territorial'nogo gosudarstvennogo vnebiudzhetnogo fonda (f. 0503317) na 01.04.2022 [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Constituent Entity of the Russian Federation and the Budget of the Territorial State Non-Budgetary Fund (f. 0503317) as of 04/01/2022], *Ofitsial'nyi sait Mera Moskvyy* [Official Website of the Mayor of Moscow]. (In Russ.). Available at: <https://www.mos.ru/findep/function/napravleniia-deyatelnosti/itogi-ispolneniia-biudzheta-goroda-moskvy/mesiachnye-otchety-ob-ispolnenii-biudzheta-po-gorodu-moskve/> (accessed 16 June 2023).

11. Tseny, inflatsiia [Prices, Inflation], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (accessed 16 June 2023).

12. Raskhody biudzheta [Budget Expenditures], *Edinyi portal biudzhetnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii (Elektronnyi biudzheta)* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic budget)]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/> (accessed 16 June 2023).

13. Ob"em i struktura gosudarstvennogo dolga sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i dolga munitsipal'nykh obrazovaniy [The Volume and Structure of the Public Debt of the Constituent Entities of the Russian Federation and the Debt of Municipalities], *Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov Rossiiskoi Federatsii* [Official Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt?id_85=129701-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy (accessed 12 June 2023).

**THE FIRST QUARTER OF 2023 FOR THE CONSOLIDATED
BUDGETS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION:
EMERGING TRENDS AND NEW CONDITIONS**

At the beginning of the year, the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation were executed in conditions of continued sanctions pressure on the regional economy. Organizational and administrative innovations had a significant impact on the process of budget revenue formation (enactment of payment of taxes using a single tax account, cancellation of income tax payment within consolidated groups of taxpayers, introduction of an accelerated procedure for reimbursement of personal income tax). The growth of regional budget revenues in real terms was provided by federal transfers. Tax revenues grew only nominally. The increase in corporate income tax receipts did not compensate for the reduction in personal income tax receipts. Expenditures of regional budgets grew at a higher rate than revenues, which led to a reduction in the total amount of the positive balance of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation in most regions. The trend towards an increase in the volume of state and municipal debt has continued with an outstripping growth in the volume of budget loans. There is a substitution of market forms of borrowing for budgetary ones as compensation for the existing inefficient model of distribution of tax powers.

Keywords: corporate income tax, budget tax revenues, personal income tax, region, regional budgets, subject of the Russian Federation; intergovernmental transfers, state debt of the subjects of the Russian Federation.

JEL: H20, H50, H60, H77

Дата поступления — 25.06.2023 г.

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor; Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования:

Лыкова Л.Н. Первый квартал 2023 г. для консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации: сформировавшиеся тенденции и новые условия // *Федерализм*. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 103–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-103-120>

И.С. БУКИНА

РЕАКЦИЯ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТОВ В I КВАРТАЛЕ 2023 г.

Начало 2023 г. позволяет подвести первые итоги реагирования экономики России на воздействие внешних и внутренних потрясений в 2022 г. Ее структура остается относительно стабильной, многие катастрофические прогнозы не оправдались. Однако вступившие в силу санкции и оперативные меры антикризисной политики представляют собой угрозу для бюджетной стабильности. Основная нагрузка ложится на федеральный бюджет. Но в среднесрочной перспективе исчерпание федеральных резервов скажется и на состоянии бюджетов субъектов Российской Федерации. В статье анализируется динамика показателей консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, а также отдельно федерального бюджета. В условиях ограниченного доступа к данным об исполнении бюджетов некоторые выводы носят характер гипотез и предположений. Кроме того, искажения в статистику внесло введение механизма единого налогового платежа. В работе проводится разграничение между механизмом воздействия временных и постоянных изменений среды. Реакция бюджетно-налоговой политики рассматривается в контексте разделения мер на временные и носящие характер структурных изменений, даются соответствующие рекомендации.
Ключевые слова: антикризисные меры, бюджетная устойчивость, бюджетно-налоговая политика, внешние шоки, единый налоговый счет, нефтегазовые доходы, расходы бюджета, цены на нефть.

JEL: E32, H21, H61

После первых месяцев внешних и внутренних потрясений 2022 г. стало понятно, что социально-экономическая и политическая системы России сохраняются. Наиболее катастрофические прогнозы относились к ценовой и финансовой устойчивости страны, поскольку одними из первых стали санкции в отношении финансовых активов Банка России, правительства Российской Федерации, системообразующих банков, а также широкого круга политиков и бизнесменов. Важную роль в поддержании монетарной и финансовой устойчивости сыграли оперативные действия Центрального банка и резервы, имеющиеся у правительства Российской Федерации.

Вместе с тем бизнес в отдельных сферах продемонстрировал высокую гибкость и достаточно быстро приспособился к новым условиям хозяйствования. Административные послабления, ограничение государственного и муниципального контроля, ослабление налогового контроля и прочие меры способствовали снижению издержек и рисков переориентации российских компаний на другие рынки и новых поставщиков.

Итоги 2022 г. *оказались намного лучше ожиданий*, несмотря на неизбежное падение выпуска и ускорение инфляции. Однако при сравнении I квартала 2023 г. с аналогичным периодом предыдущего года следует учитывать эффект высокой базы. I квартал 2022 г. отразил экономическую систему России до и после событий февраля 2022 г. Многие критические для отечественной промышленности санкции, затрагивающие внешнюю торговлю, еще не вступили в силу, поэтому торговля даже активизировалась. Таким образом, показатели I квартала 2023 г. уже относятся к состоянию структурной перестройки российской экономики, а данные за I квартал 2022 г. отражают последние дни «старой» системы.

Оценка Росстата показывает, что индекс промышленного производства в I квартале 2023 г. снизился на 0,9% относительно аналогичного периода предыдущего года. Вместе с тем по сравнению с мартом 2022 г. промышленное производство в марте 2023 г. выросло на 1,2%. При сравнении марта и февраля текущего года индекс промышленного производства показывает и вовсе поразительные результаты — 113,4%. Похожая динамика наблюдается в отношении индекса выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности. В I квартале 2023 г. индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности сократился на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, при этом в марте 2023 г. по сравнению с мартом 2022 г. этот показатель вырос на 1,0%.

Деловая активность, как показывают данные Росстата, постепенно восстанавливается. Так, в I квартале 2023 г. по сравнению с I кварталом предыдущего года на 2,9% выросло производство сельскохозяйственной продукции, увеличились грузооборот железнодорожного транспорта (на 2,6%) и объем платных услуг населению (на 3,9%). Потребительская инфляция (измеряемая индексом потребительских цен) составила 8,6% (I квартал 2023 г. по отношению к I кварталу 2022 г.). Одновременно цены производителей снижались на 7,7% [1].

***Состояние консолидированного бюджета Российской Федерации
и бюджетов государственных внебюджетных фондов
в I квартале 2023 г.***

Одной из основных антикризисных мер, принятых в 2022 г., стала приостановка действия бюджетного правила. Таким образом, все дополнительные нефтегазовые доходы федерального бюджета, полученные после февраля 2022 г., использовались для финансирования резко воз-

росших расходов. В первом полугодии 2022 г. превышение нефтегазовых доходов над базовыми объемами, которые определялись в соответствии с бюджетным правилом, происходило благодаря росту цен на нефть и увеличению экспорта. Во второй половине 2022 г. снизились как цены на нефть, так и поставки российской нефти и нефтепродуктов за рубеж из-за вступивших в силу санкций. Однако поступления нефтегазовых доходов оставались высокими из-за разового налога на добычу полезных ископаемых, введенного в отношении добычи природного газа.

Уже в прошлом году стало очевидно, что методика расчета цены нефти сорта «Юралс», используемая для целей налогообложения, *не отражает действительные сделки с нефтью* российского происхождения. В начале 2023 г. это сказалось на резком падении нефтегазовых доходов. В этой связи потребовался механизм компенсации выпадающих доходов.

С 1 апреля 2023 г. действует поправка, введенная в п. 3 ст. 342 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), в отношении расчета цены нефти сорта «Юралс» для целей определения суммы НДС от добычи сырой нефти, НДС и акциза на нефтяное сырье. По умолчанию ФНС продолжает ежемесячно публиковать информацию о средней цене нефти сорта «Юралс», которая рассчитывается на основе данных торгов на средиземноморском и роттердамском рынках нефтяного сырья. Однако если эта цена окажется ниже среднемесячного уровня цен нефти *North Sea Dated* на рынке Северного моря, уменьшенного на величину установленного дисконта, то применяться будет оценка среднемесячной цены нефти *North Sea Dated* за вычетом фиксированного дисконта. Величина дисконта установлена в НК РФ и в качестве переходной меры постепенно снижается с апреля по июль 2023 г. В частности, с 1 по 30 апреля 2023 г. включительно должен был применяться дисконт в размере 34 долл. США за барр., с 1 по 31 мая 2023 г. — 31 долл. США за барр., с 1 по 30 июня 2023 г. — 28 долл. США за барр. С 1 июля 2023 г. и в последующие периоды величина дисконта зафиксирована на уровне 25 долл. США за барр.

Несмотря на постепенное восстановление российской экономики, доходная часть консолидированного бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов в I квартале 2023 г. заметно снизилась. Сокращение доходов составило почти 1,4 трлн руб. по сравнению с I кварталом 2022 г. (см. табл. 1). В реальном выражении доходы упали на 17,6%. В первую очередь это связано с поступлением нефтегазовых доходов, которые уменьшились почти вдвое. Ненефтегазовые доходы также остались ниже значений, поступивших в I квартале 2022 г.

Еще одна новация в сфере бюджетно-налоговой политики — переход на использование единого налогового счета как формы учета совокупного выражения обязанностей налогоплательщика, плательщика сборов и денежных средств, перечисленных в качестве единого налогового платежа. Эта мера *не является антикризисной*. Переход к единому налоговому платежу — отражение такой глобальной тенденции, как цифровизация, в данном случае применительно к процессу налогового

администрирования. В перспективе использование сальдо единого налогового счета (ЕНС) для исполнения обязанностей налогоплательщиков, плательщиков сборов должно снизить издержки на проведение процедур налогового контроля и взыскания штрафов, пени, недоимки, снизить риски недобросовестного поведения налогоплательщиков.

Т а б л и ц а 1

Основные показатели консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в I квартале 2022 и 2023 гг.

Показатели	I квартал 2022, млрд руб.	I квартал 2023, млрд руб.	I квартал 2023 к I кварталу 2022 в сопоставимых ценах 2022, %
Доходы, всего	13 064,9	11 690,9	82,4
В т.ч.			
Нефтегазовые доходы	2 974,3	1 634,9	50,6
Ненефтегазовые доходы	10 090,6	10 056,0	91,8
Расходы, всего	10 517,5	13 422,2	117,5
Дефицит (-)/Профицит (+)	2 547,4	-1 731,3	—

Источник: [2].

Переход на использование ЕНС изменил порядок расчетов и поступления средств в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, что отразилось на потоках денежных средств бюджетов. В краткосрочной перспективе использование ЕНС продуцирует риски снижения ликвидности бюджетов бюджетной системы. Так, Минфин России предусмотрел меры для поддержания ликвидности бюджетов субъектов Российской Федерации в связи с переходом на ЕНС: «1) сформирована целевая переплата по налогу на прибыль организаций, которая оставалась в региональных бюджетах; 2) установлена возможность формирования целевой переплаты по иным налогам по заявлению налогоплательщика»¹.

В январе и феврале 2023 г. данные об исполнении бюджетов отражались по кассовому принципу из-за введения в действие единого налогового счета. В начале 2023 г. поступления в консолидированный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов задерживались из-за организационных изменений — средства поступали в более поздние сроки, чем в предыдущие налоговые периоды. По данным Минфина России,

¹ «О предложениях по исключению НДФЛ из механизма ЕНП в целях поступления доходов в бюджеты бюджетной системы РФ и о сокращении сроков уплаты налоговых платежей, установленных 28-го числа». (Письмо Минфина России от 18 мая 2023 г. № 03-02-07/45578) / СПС «КонсультантПлюс».

на начало марта 2023 г. нераспределенный остаток средств ЕНС составил более 2,2 трлн руб. [2]. Таким образом, сравнивая доходные поступления в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в I квартале 2023 г. с аналогичным периодом предыдущего года, необходимо учитывать кассовые разрывы, которые сформировались из-за изменения порядка расчетов.

В настоящий момент очевидно, что порядок расчетов с бюджетами требует корректировок, чтобы поддержать равномерность поступления доходов. В частности, были увеличены сроки возврата ранее уплаченных денежных средств в случае уменьшения налоговых обязательств плательщика (налоговые вычеты)².

Что касается нефтегазовых доходов, то в I квартале 2023 г. выросли поступления налога на прибыль и акцизов (в реальном выражении). Номинально поступления НДС практически не изменились, но с учетом индекса потребительских цен темп роста составил 92,1% относительно I квартала 2022 г. (см. рис. 1). Поступления по остальным платежам сократились и в абсолютном выражении, и относительно показателей I квартала 2022 г. с поправкой на потребительскую инфляцию. Снизилась даже поступления по самому стабильному источнику доходов — страховым взносам на обязательное социальное страхование. Более, чем на 26,0% сократились поступления налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Причиной стали те самые организационные изменения, связанные с введением единого налогового счета. Сроки зачисления НДФЛ в бюджеты регионов увеличились, в результате чего часть субъектов Федерации была вынуждена покрывать кассовые разрывы с привлечением казначейских кредитов³.

Еще одна причина сокращения кассовых поступлений доходов связана с применением порядка упрощенного возмещения по переплаченным налогам. Это касается НДС и НДФЛ. В отношении последнего сократились сроки возмещения сумм ранее уплаченного налога по социальным и имущественным вычетам⁴.

² Приказ Минфина России от 4 апреля 2023 г. № 41н «О внесении изменений в порядок и сроки представления налоговым органом, уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов, уполномоченному органу Федерального казначейства информации о принадлежности сумм денежных средств, определенной в соответствии с пунктами 8–10 статьи 45 Налогового кодекса Российской Федерации, детализированной по каждому налогу, авансовым платежам по налогам, сбору, страховому взносу, пеням, штрафам, процентам, утвержденные приказом Министерства финансов Российской Федерации от 27 декабря 2022 г. № 195н» (зарегистрировано в Минюсте России 3 мая 2023 г. № 73220) / СПС «КонсультантПлюс».

³ Комраков А. Налог с доходов граждан упали на 18% // Независимая газета. 2023. 4 июня. URL: https://www.ng.ru/economics/2023-06-04/1_8740_budget.html (дата обращения: 22.06.2023).

⁴ Строителева М. Рубли прилетели: поступления от НДФЛ в бюджеты регионов восстанавливаются // Известия. 2023. 22 июня. URL: <https://iz.ru/1532470/mariia-stroiteleva/rubli-prileteli-postupleniia-ot-ndfl-v-biudzhety-regionov-vosstanavlivaiutsia> (дата обращения: 22.06.2023).

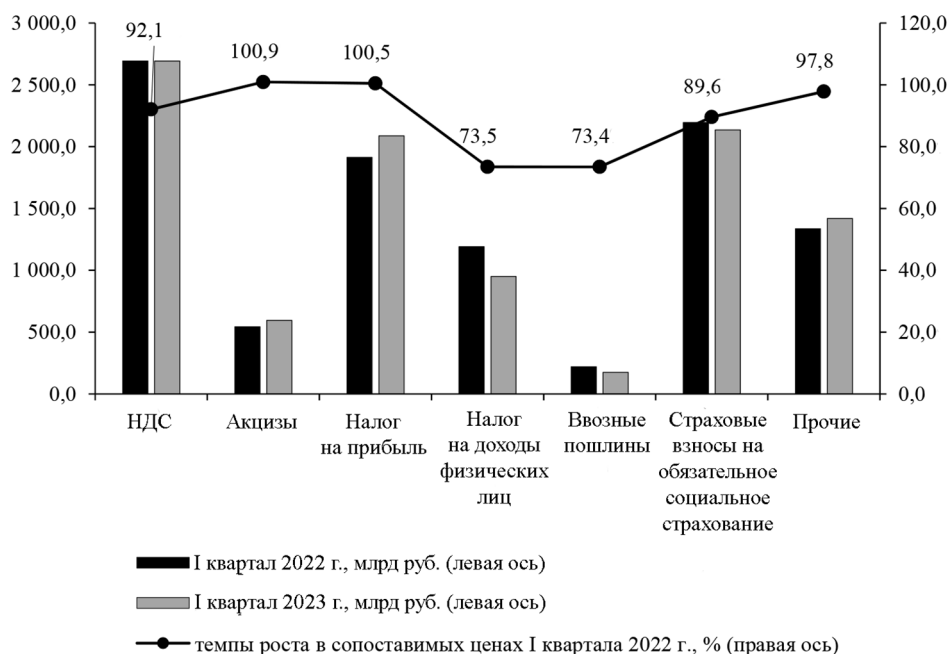

Рис. 1. Ненефтегазовые доходы консолидированного бюджета в I квартале 2022 и 2023 гг.

Источник: [2].

Вместе с тем расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов растут опережающими темпами (см. табл. 1). Общая сумма расходов по итогам I квартала 2023 г. составляет более 13,4 трлн руб. Прирост в сопоставимых ценах I квартала 2022 г. оценивается в 17,5%. Следует заметить, что опережающий рост расходов объясняется исключительно федеральной компонентой. Расходы федерального бюджета, по заявлению министра финансов, ускоренно росли в начале 2023 г. из-за опережающего финансирования ряда заключенных контрактов⁵.

С прошлого года данные о расходах федерального бюджета и, как следствие, общих показателях консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов *раскрываются ограничено и со значительным временным лагом*. По состоянию на июнь 2023 г. отчетные данные по составу расходов бюджетов бюджетной системы в функциональной классификации опубликованы только за январь-февраль 2023 г. Сервис «Конструктор данных» Единого портала бюджетной системы Российской Федерации (Электронный бюджет) позволяет выгрузить эти данные и сравнить с итогами января-февраля 2023 г. (см. табл. 2).

⁵ Минфин не меняет дефицит бюджета на 2023 год // Вести.Ру. 2023. 17 февраля. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/3208794> (дата обращения: 22.06.2023).

Т а б л и ц а 2

**Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации
и бюджетов государственных внебюджетных фондов
в январе-феврале 2023 г.**

Показатели	Млрд руб.	Удельный вес, %	I квартал 2023 к I кварталу 2022 в сопоставимых ценах 2022, %
Расходы, всего	8 801,0	100,0	130,6
Общегосударственные вопросы	437,8	5,0	114,6
Национальная оборона	2 036,8	23,1	357,0
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	388,3	4,4	109,0
Национальная экономика	855,0	9,7	141,5
Жилищно-коммунальное хозяйство	272,6	3,1	80,9
Охрана окружающей среды	100,4	1,1	88,2
Образование	849,4	9,7	113,8
Культура, кинематография	113,1	1,3	106,1
Здравоохранение	762,5	8,7	110,3
Социальная политика	2 634,1	29,9	102,9
Физическая культура и спорт	69,1	0,8	119,2
Средства массовой информации	14,2	0,2	95,2
Обслуживание государственного (муниципального) долга	194,8	2,2	97,9
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации	73,1	0,8	—

Источник: [3].

В январе-феврале 2023 г. расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов выросли на 30,6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Более чем в 3,5 раза увеличились расходы на национальную оборону, что вполне ожидаемо в текущих условиях. В первые месяцы текущего года траты на национальную оборону составили 23,1% в общей сумме расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Традиционно первое место по удельному весу занимают расходы на социальную политику. В январе-феврале 2023 г. их удельный вес составил около 30,0%.

Также выросли затраты на национальную экономику. Их рост в реальном выражении составил 41,5%. Вероятно, по данной статье также отражаются средства, которые были авансированы в связи с оперативным заключением контрактов на текущий год.

В целом за январь-февраль 2023 г. выросло финансирование почти по всем статьям бюджета. Сократились расходы только по тем направлениям, удельный вес расходов по которым невелик. К ним относятся расходы на ЖКХ, средства массовой информации, охрану окружающей среды. Также сократились расходы на обслуживание государственного и муниципального долга. Здесь идет речь о снижении в реальном выражении, т.е. с учетом потребительской инфляции за I квартал 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Номинально расходы на обслуживание государственного и муниципального долга растут, но не опережают потребительской инфляции, что дает некоторый резерв бюджетам. Очевидно, что при росте номинального объема заимствований более высокий темп инфляции позволяет замедлить рост долговой нагрузки.

Дефицит консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов по итогам I квартала 2023 г. превысил 1,7 трлн руб. При этом дефицит федерального бюджета приблизился к 2,1 млрд руб. при плановом показателе на текущий год в 2,9 млрд руб. За январь – апрель 2023 г. расходы номинально выросли примерно в 1,2 раза по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Таким образом, темпы увеличения расходной части несколько замедлились. Тем не менее при сохранении текущих темпов расходов дефицит может превысить установленный объем на 2023 г.

Оперативные результаты исполнения федерального бюджета Российской Федерации и перспективы до конца года

В I квартале 2023 г. поступления доходов федерального бюджета Российской Федерации по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в реальном выражении рухнули на 27,0% (см. табл. 3). Сопоставляя динамику доходной части федерального бюджета и консолидированного бюджета Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, можно увидеть, что первый ущерб и основные риски приходятся на бюджет Федерации.

Динамика доходной части федерального бюджета определяется поступлениями нефтегазовых доходов. Как показано на рисунке 2, в I квартале 2023 г. объем нефтегазовых доходов оказался ниже любых квартальных показателей в 2022 г. По сравнению с I кварталом 2022 г. нефтегазовые доходы сократились вдвое. В январе и феврале 2023 г. объем поступлений нефтегазовых доходов не превысил 522,0 млрд руб., что ниже ежемесячных значений 2022 г. Минимальный объем нефтегазовых доходов в 2022 г. приходится на август, но и тогда поступления превысили 660,0 млрд руб.

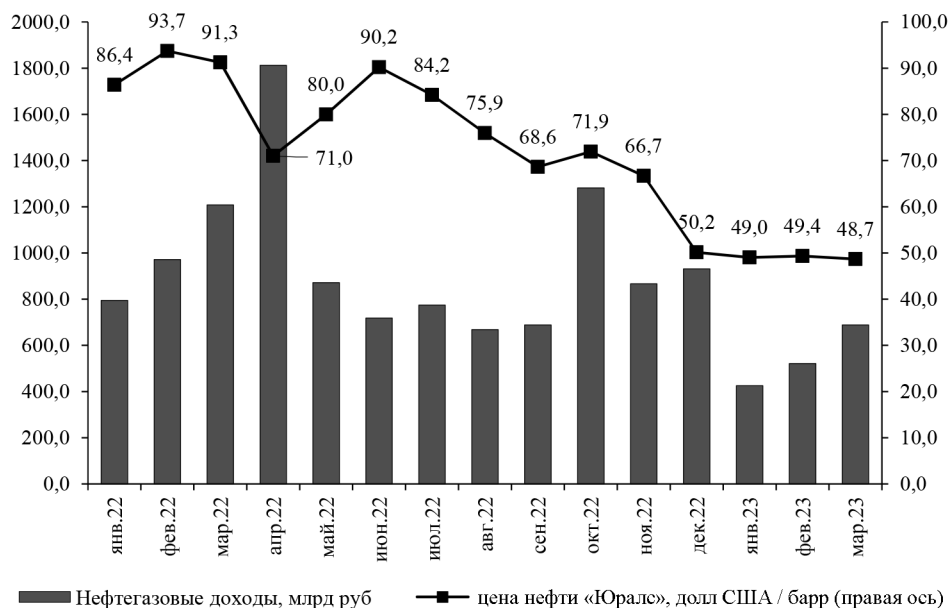

Рис. 2. Нефтегазовые доходы федерального бюджета и цена нефти сорта «Юралс» в январе 2022 г. — марте 2023 г.

Источник: [4].

Среднемесячная цена нефти сорта «Юралс», оцениваемая для расчета налоговых платежей, в I квартале 2022 г. достигала значений свыше 90,0 долл. США за баррель. В январе — марте 2023 г. расчетная цена нефти не превышала 50,0 долл. США за баррель (см. рис. 2), соответственно, нефтегазовые доходы оказались ниже не только прошлогодних значений января — марта, но и ниже базового уровня в размере 8,0 млрд руб. ежегодно (около 670,0 млрд руб. ежемесячно).

Как было сказано ранее, цена нефти сорта «Юралс», рассчитываемая в целях налогообложения, может некорректно отображать результаты сделок, осуществляемых в действительности. Для расчета цены нефти сорта «Юралс» ФНС использует сведения международного агентства «Аргус Медиа», которое использует котировки по сделкам в портах Европы. Однако после вступления в силу эмбарго на нефть и нефтепродукты сделки по продаже российской нефти преимущественно проходят в Азии. С 1 апреля 2023 г. в силу вступили изменения, согласно которым цена нефти может быть скорректирована из расчета цены нефти *North Sea Dated* за вычетом дисконта. Тем не менее, эта новация в апреле-мае 2023 г. не была использована. Цена нефти сорта «Юралс», рассчитанная по основной методике, остается выше значения, оцениваемого согласно новому условию.

Таким образом, нефтегазовые доходы федерального бюджета объективно снижаются не только из-за применения некорректной для текущих условий методики. Падение мировых цен и снижение объемов

нефтегазового экспорта неизбежно отражаются на сокращении доходов федерального бюджета.

Аналогично ситуации с консолидированным бюджетом Российской Федерации и бюджетами государственных внебюджетных фондов новый порядок расчетов в связи с введением ЕНС отразился на поступлениях ненефтегазовых доходов федерального бюджета. Они сократились в сравнении с I кварталом 2022 г. Если в I квартале 2022 г. ненефтегазовые доходы федерального бюджета составляли 4 188,8 млрд руб., то по итогам I квартала текущего года их объем достиг лишь 4 044,1 млрд руб. Номинально снижение незначительное – чуть более 140 млрд руб., однако при корректировке на потребительскую инфляцию снижение оценивается в 11,1%. Согласно данным *таблицы 3*, снижались поступления как по внутренним налогам и обязательным платежам, так и доходы бюджета от внешнеэкономической активности плательщиков.

Т а б л и ц а 3

Доходы федерального бюджета в I квартале 2022 и 2023 гг.

Показатели	I квартал 2022, млрд руб.	I квартал 2023, млрд руб.	I квартал 2023 к I кварталу 2022 в сопоставимых ценах 2022 г., %
Доходы, всего	7 163,1	5 678,9	73,0
В т.ч.			
Нефтегазовые доходы	2 974,3	1 634,9	50,6
Ненефтегазовые доходы	4 188,8	4 044,1	88,9
В т.ч.			
Связанные с внутренним производством	2 453,9	2 420,4	90,8
Связанные с импортом	1 221,3	1 158,7	87,4
Прочие	513,6	465,0	83,4

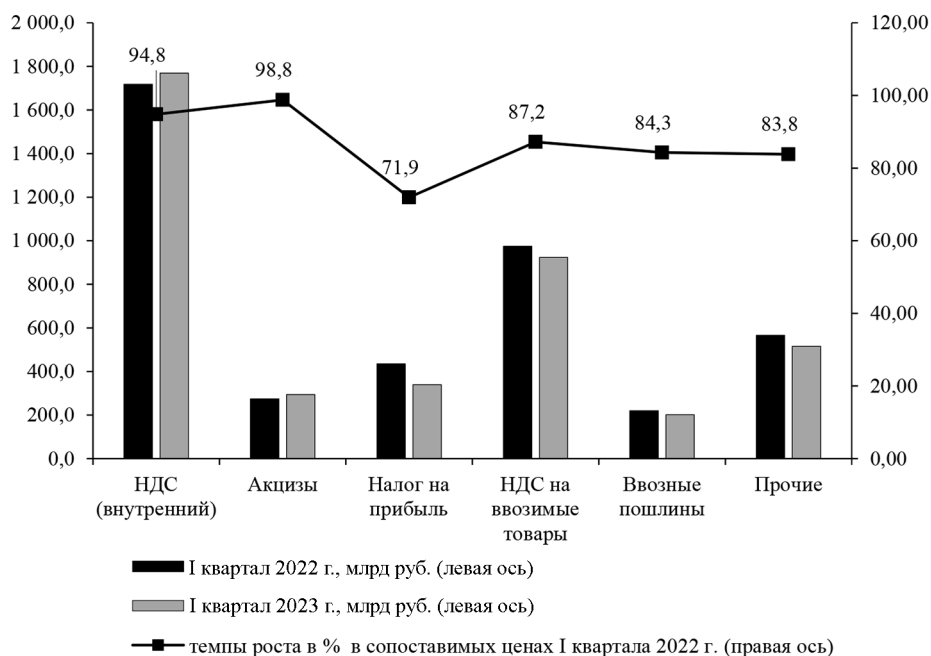
Источник: [5].

Ненефтегазовые доходы, связанные с внутренним производством, как правило, остаются относительно стабильным источником поступлений. В I квартале 2022 г. их объем был сопоставим с объемом нефтегазовых доходов, а в I квартале текущего года они почти на 800 млрд руб. превысили нефтегазовые доходы. Теперь их удельный вес составляет более 40,0%, таким образом, динамика ненефтегазовых доходов, связанных с внутренним производством, будет оказывать большее влияние на состояние доходной части федерального бюджета.

Ненефтегазовые доходы, связанные с импортом, куда входят не только налоги, взимаемые при импорте товаров, но и таможенные пошлины,

сократились на 12,6% по сравнению с I кварталом 2022 г. (в сопоставимых ценах). Отчасти это снижение отражает меры внешнеторговой политики, которые были приняты для противодействия санкционным потерям от ограничения торговли с Россией.

Динамика отдельных видов нефтегазовых доходов отражена на рисунке 3. Поступления по НДС от реализации товаров (работ, услуг) на таможенной территории Российской Федерации (так называемый «внутренний» НДС) номинально выросли. Однако их рост оказался ниже потребительской инфляции за I квартал 2023 г. в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года.

**Рис. 3. Нефтегазовые доходы федерального бюджета
в I квартале 2022 и 2023 гг.**

Источник: [5].

Наибольшее сокращение поступлений в I квартале 2023 г. отмечено по налогу на прибыль (почти на 30,0%), ввозным пошлинам (более чем на 15,0%) и прочим нефтегазовым доходам (на 16,2%). В I квартале 2023 г. отмечается незначительное увеличение импорта по сравнению с аналогичным периодом 2022 г., тем не менее НДС на ввозимые товары сократился на 12,8% в реальном выражении.

В отношении налога на прибыль показательно, что такое падение произошло только в части поступлений налога в федеральный бюджет. Доходы от налога на прибыль, поступающего в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации, за I квартал 2023 г. выросли. Это связано со льготами и новациями налоговой политики. Часть льгот

относится к мерам антикризисной политики, в частности, уменьшение налогооблагаемой базы по налогу на прибыль для компаний с иностранным участием за счет сумм, полученных в виде прекращенных в 2022 г. обязательств по договору займа, изменение порядка учета курсовых и суммовых разниц, повышение порога контролируемых сделок и т.п. В прошлом году были изменены правила учета налогооблагаемой базы по налогу на прибыль организаций для контролирующих лиц и контролируемых иностранных компаний (КИК). Для налоговых периодов с 2022 по 2025 г., если контролирующее лицо или КИК попали под санкции, то при определении прибыли налогоплательщик — контролирующее лицо может скорректировать прибыль на величину, равную сумме прибыли КИК, рассчитанной в соответствии со ст. 309.1 НК РФ. В соответствии с обычным порядком прибыль КИК могла быть уменьшена на величину выплаченных дивидендов⁶.

Другая часть новаций, результатом которых стало снижение поступлений по налогу на прибыль в I квартале 2023 г., обусловлена иными целями, не связанными с последствиями санкций 2022 г. Так, с 1 января 2023 г. прекратили свое действие последние договоры о создании консолидированных групп налогоплательщиков (КГН). С 2018 г. договоры о создании КГН не регистрируются, и поскольку срок действия такого соглашения составлял пять налоговых периодов (соответственно пять лет), то последние поступления от участников КГН закончились в 2022 г. В частности, в I квартале 2022 г. в качестве налога на прибыль организаций консолидированных групп налогоплательщиков, зачисляемого в федеральный бюджет, поступило 65,9 млрд руб. Отказ от использования КГН вызван значительными потерями, которые несли бюджеты субъектов Федерации в части налога на прибыль организаций. Основная часть платежей по налогу на прибыль, уплачиваемых организацией, приходится на региональную составляющую платежа и служит важным источником собственных доходов бюджетов субъектов Федерации. Таким образом, приостановка заключения договоров о создании КГН позволит сохранить доходный потенциал бюджетов субъектов.

Из оперативных данных об исполнении федерального бюджета следует, что значительный рост расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов обусловлен увеличением расходов федерального бюджета. В I квартале 2023 г. они увеличились до почти 7,8 трлн руб., что оценивается в 122,0% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (в сопоставимых ценах I квартала 2022 г.). Как отмечалось ранее, за январь–февраль 2023 г. стремительно росли расходы на национальную оборону консолидированного бюджета Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Отчетные данные о структуре расходов федерального бюджета за I квартал 2023 г. также не опублико-

⁶ Перечень антикризисных мер в 2022–2023 гг. // Обзор. КонсультантПлюс. 2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/ (дата обращения: 22.06.2023).

ваны. Дальнейший анализ основывается на данных по укрупненным статьям расходов за январь-февраль 2023 г., полученных из Единого портала бюджетной системы.

Всего за январь-февраль 2023 г. из средств федерального бюджета затрачено 5 753,2 млрд руб. В январе-феврале 2022 г. расходы федерального бюджета составляли 3 970,4 млрд руб. Расходы на национальную оборону выросли с 525,4 млрд до 2 006,6 млрд руб., т.е. почти в 4 раза (см. рис. 4). Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации выросли более чем вдвое. Увеличение межбюджетных трансфертов из федерального бюджета характерно для кризисных периодов. В начале 2023 г. федеральный бюджет продолжает принимать на себя основные риски, чтобы поддерживать устойчивость бюджетов субъектов Федерации, несмотря на сокращение резервов.

За январь-февраль 2023 г. также выросли расходы на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, национальную экономику и образование. Расходы по остальным направлениям сокращаются по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (см. рис. 4).

Рис. 4. Расходы федерального бюджета в январе-феврале 2022 и 2023 гг., млрд руб.

Источник: [3].

Дефицит федерального бюджета по итогам I квартала 2023 г. оценивается в 2 085,8 млрд руб. [5]. В этот период времени из средств ФНБ было продано валюты на 307,3 млрд руб. Положительная курсовая разница от переоценки активов в иностранной валюте и золота в I квартале

2023 г. оценивается почти в 927,0 млрд руб.⁷. Чистое приращение государственного долга в I квартале текущего года составило 443,7 млрд руб. [5]. Примечательно, что в оперативной информации об исполнении федерального бюджета среди источников финансирования дефицита фигурирует строка «Прочие». Она рассчитывается по остаточному принципу — как разница между значением сальдо федерального бюджета и указанными источниками финансирования. К ним относятся приращение долга, курсовая разница, чистый возврат кредитов, чистый доход от продажи активов в собственности государства, изменение остатков на счетах. По данным за предыдущие периоды можно видеть, что значение по строке «Прочие» по итогам года обычно снижается.

Так, в декабре 2021 г. оно составляло 240,0 млрд руб., а в декабре 2022 г. показатель был отрицательным — минус 207,2 млрд руб. При этом по итогам марта 2021 г. прочие источники финансирования дефицита федерального бюджета были оценены в 1 031,4 млрд руб. Таким образом, эти средства могут формироваться за счет операций по управлению остатками средств на счетах, управлению иными финансовыми активами и т.п. В 2023 г. к прочим источникам финансирования дефицита федерального бюджета добавились операции по единому налоговому платежу. Таким образом, снижение доходов федерального бюджета компенсируется операциями по единому налоговому платежу. Федеральные власти могут использовать нераспределенные остатки по единому налоговому счету для оперативной деятельности, фактически получая беспроцентный кредит у субъектов Российской Федерации.

Заключение

В последние годы российская экономика подверглась влиянию серии внешних и внутренних потрясений. Одновременно социально-экономическая система России остается включенной в мировую систему. Общемировые тенденции развития также оказывают влияние на отечественную экономику. Бюджетно-налоговая политика в этой связи вынуждена как реагировать на текущие вызовы внешней среды, так и учитывать долгосрочные тенденции.

Любые новации, даже потенциально эффективные, создают стресс в системе. Она отклоняется от своего равновесия, а динамика части показателей становится негативной. Таким образом, если на систему одновременно действует несколько шоков разной природы (временные и постоянные (структурные) изменения), то потери в краткосрочном и среднесрочном периодах могут мультиплицироваться.

Состояние бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в I квартале 2023 г. отражает подобные эффекты. С одной стороны, бюд-

⁷ Данные о движении средств и результатах управления средствами Фонда национального благосостояния // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics?id_57=93488-dannye_o_dvizhenii_sredstv_i_rezultatakh_upravleniya_sredstvami_fonda_natsionnatsio_blagosostoyaniya (дата обращения: 15.06.2023).

жет продолжает зависеть от поступления нефтегазовых доходов, которые по своей природе подвержены частым колебаниям. В текущих условиях к временным колебаниям в виде изменения мировых цен на нефть добавились структурные изменения — ограничения на импорт российской нефти со стороны недружественных стран.

Еще одним временным шоком для бюджетной системы можно считать финансирование антикризисных мер — налоговые льготы, предоставление отсрочек и рассрочек уплаты налоговых обязательств, внешнеторговые меры стимулирования, рост социальных расходов в виде временных материальных выплат, увеличение расходов на национальную оборону и т.д.

С другой стороны, бюджетно-налоговая политика России не может игнорировать долгосрочные тенденции — процессы цифровизации, развитие искусственного интеллекта, распространение цифровых активов, рост экологических, биологических и техногенных рисков, старение населения при увеличении продолжительности жизни, рост социального неравенства и т.д. В I квартале 2023 г. на состояние бюджетов бюджетной системы Российской Федерации негативно повлиял переход на применение единого налогового счета и единый налоговый платеж. Сам переход — реагирование на тенденцию к распространению цифровизации, необходимость выстраивания устойчивой платежной системы. Однако в краткосрочном периоде столь кардинальное изменение в системе налогового администрирования не могло не отразиться на показателях бюджетов.

Следует учитывать, что влияние временных событий закончится. Разработка мер бюджетно-налоговой политики в этой части не должна затрагивать структурные компоненты. Иными словами, принятые меры не должны создавать условия для перехода системы к новому равновесию, а лишь способствовать возвращению динамики показателей на траекторию стационарного роста. В бюджете на 2023 г. эта идея реализуется в виде увеличения условно-утвержденных расходов федерального бюджета, что позволяет правительству гибко реагировать на внезапные изменения. Вместе с тем геополитическая неопределенность провоцирует увеличивать расходы на оборону и безопасность, что в среднесрочной перспективе неизбежно приведет к искажению структуры производства, потребует увеличения налоговой нагрузки на отечественный нефтегазовый бизнес и население.

Что касается долгосрочных тенденций и соответствующей перестройки бюджетно-налоговой системы, то всегда существуют издержки перехода. Часть из них можно и нужно предусмотреть. Однако другая часть издержек, которые непременно возникнут, обусловлены базовой характеристикой мира — неопределенностью. Переход к новым механизмам, выстраивание новой системы всегда сопровождаются неопределенностью реакций участников и результатов, которые невозможно было предусмотреть. Реализация пилотных проектов отчасти позволяет проверить реалистичность разработанных мероприятий. Тем не менее

власти могут столкнуться с непредвиденными эффектами, для которых потребуются корректировки. Так, переход к единому налоговому счету и единому налоговому платежу, по-видимому, нуждается в донастройке, в частности в корректировке сроков уплаты налогов, пересмотре сроков возмещения сумм переплаты по налогам.

Список литературы

1. Доклад «Социально-экономическое положение России». Январь – март 2023 года // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_03-2023.htm (дата обращения: 15.06.2023).
2. Краткая ежемесячная информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute?id_57=93447-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannogo_byudzheta_rossiiskoi_federatsii_i_gosudarstvennykh_vnebyudzhethnykh_fondov_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 15.06.2023).
3. Расходы бюджета // Единый портал бюджетной системы РФ (Электронный бюджет). URL: <https://budget.gov.ru/> (дата обращения: 15.06.2023).
4. Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018–2023 году // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil?id_57=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzheta_v_2018-2023_godu (дата обращения: 15.06.2023).
5. Краткая ежемесячная информация об исполнении федерального бюджета // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80042-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda (дата обращения: 16.06.2023).

References

1. Doklad “Sotsial’no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii”. Ianvar’ – mart 2023 goda [Report “Social and Economic Situation in Russia”. January – March 2023], *Federal’naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_03-2023.htm (accessed 15 June 2023).
2. Kratkaya ezhemesyachnaya informatsiya ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzheta Rossiiskoi Federatsii i gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov [Brief Monthly Information on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and State Off-Budget Funds], *Minfin Rossii* [Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute?id_57=93447-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_konsolidirovannogo_byudzheta_rossiiskoi_federatsii_i_gosudarstvennykh_vnebyudzhethnykh_fondov_mlrd._rub._nakopleno_s_nachala_goda (accessed 15 June 2023).

3. Raskhody biudzheta [Budget Expenditures], *Edinyi portal biudzhetnoi sistemy RF (Elektronnyi biudzheta)* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic Budget)]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/> (accessed 15 June 2023).

4. Svedeniia o formirovanii i ispol'zovanii dopolnitel'nykh neftegazovykh dokhodov federal'nogo biudzheta v 2018–2023 godu [Information on the Formation and Use of Additional Oil and Gas Revenues of the Federal Budget In 2018–2023], *Minfin Rossii* [Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil?id_57=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzheta_v_2018-2023_godu (accessed 15 June 2023).

5. Kratkaia ezhemesiachnaia informatsiia ob ispolnenii federal'nogo biudzheta [Brief Monthly Information on the Execution of the Federal Budget], *Minfin Rossii* [Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80042-kratkaya_ezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd_rub_nakopleno_s_nachala_goda (accessed 16 June 2023).

FISCAL AND TAX POLICY RESPONSE TO NEW CHALLENGES AND BUDGET PERFORMANCE IN THE FIRST QUARTER OF 2023

The beginning of 2023 allows us to draw the first results of the Russian economy response to the impact of external and internal shocks in 2022. The structure of the Russian economy remains relatively stable, many catastrophic forecasts have not materialized. However, the sanctions that have come into force and the rapid measures of the anti-crisis policy pose a threat to fiscal stability. The main burden falls on the federal budget, but in the medium term, the depletion of federal reserves will also affect the state of the regional budgets. The paper analyzes the dynamics of indicators of the consolidated budget of the Russian Federation and the budgets of state off-budget funds, as well as separately – the federal budget. In conditions of limited access to data on budget execution, some conclusions are hypotheses and assumptions. In addition, the statistics were distorted by the introduction of the unified tax payment mechanism. The paper distinguishes between the mechanism of the impact of temporary and permanent exogenous shocks. The response of fiscal policy is considered in the context of the division of measures into temporary and structural changes, and appropriate recommendations are given.

Keywords: anti-crisis measures, budget expenditures, external shocks, fiscal policy, fiscal stability, oil and gas revenues, oil prices, unified tax account.

JEL: E32, H21, H61

Дата поступления – 22.06.2023 г.

БУКИНА Ирина Сергеевна

кандидат экономических наук, ведущий научных сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

Для цитирования:

Букина И.С. Реакция бюджетно-налоговой политики на новые вызовы и результаты исполнения бюджетов в I квартале 2023 г. // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 121–138. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-121-138>

В.Н. МИНАТ

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩЕЙ ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НА ПРИМЕРЕ США

Актуальное сложносоставное явление прекаризации труда активно развивается в Соединенных Штатах Америки, особенно за два последних десятилетия. Несомненно, главной причиной роста доли прекариата на рынке труда выступает экономическое развитие на базе смены технологических укладов, характеризующееся в рыночной экономике, с одной стороны, повышением роли человеческого капитала, с другой – его сверхконцентрацией, в т.ч. на внутристрановом региональном уровне. Возникновение и развитие новой формы трудовых отношений объективно требует пересмотра социальной политики. Рассмотренные в статье региональные аспекты реализации социальных программ, в той или иной мере способных сгладить последствия неустойчивости занятости и негарантированности трудовых отношений в США за период с 2007 по 2020 г., выступают в качестве одного из объяснений усиливающихся процессов регионализации, наблюдаемой в стране. Результатом исследования стало выявление двух главных аспектов реализации социальных программ на уровне субрегионов и отдельных штатов. Первый отражает дальнейшую регионализацию федеративных отношений в плане социальной поддержки населения, проводимой без учета растущей прекаризации труда в регионах с наибольшей долей прекариата среди занятых. Второй аспект, учитывающий структурные особенности распределения финансирования в сферах образования, здравоохранения и социальной защиты населения, выявляет попытку властей проведения сбалансированного социального программирования в субрегионах, выступающих потенциальными центрами «новой индустриализации» американской экономики. Такой подход направлен на сохранение и качественное развитие человеческого капитала региона за счет сглаживания негативных последствий прекаризации труда.

Ключевые слова: прекариат, прекаризация труда, социальные программы, человеческий капитал, субрегионы США.

JEL: I18, I28, I38, J48, J78

Возрастание экономической турбулентности и социальной неустойчивости создает ненадежную, с точки зрения работника, занятость, характеризующую высокими рисками ухудшения условий труда, сокращения либо, напротив, непомерного увеличения продолжительности рабочего времени и интенсивности труда, падения реальной заработной платы, наконец, утраты самой работы. Таким образом, возрастает неустойчивость положения работников на рынке труда, меняется структура трудовых отношений и рынка рабочей силы. Следствие переформатирования структуры рынка труда, его возросшей глобальной мобильности и дистанционности, а также передвижек в социальной стратификации населения, — *повышение доли прекариата* (от лат. *precarium* — неустойчивый, негарантированный) в сравнении с долей *сэлэриата* — работников с полной занятостью, оплачиваемым отпуском, корпоративными пособиями. В группу прекариата¹ включается часть работающего населения, занятого неустойчивым трудом (*precarious labor*) без официального трудового договора, страховых выплат, гарантий дохода, отпуска, рабочего времени и увольнения с работы, а, следовательно, не имеющего полного набора социальных гарантий [2]. В силу указанных слабых мест организации трудового процесса представители прекариата нуждаются в особых инструментах социальной защиты, которые в арсенале современных государств попросту отсутствуют [3]. Исключение составляют некоторые разделы федеральных программ занятости, связанные с профессиональной подготовкой и переподготовкой персонала, направленные на конкретные возрастные, социальные или расово-этнические группы населения, а также специализированные субсидии, гранты, отраслевые/ведомственные заявки [4]. В плане медицинских и пенсионных гарантий прекариат не выделяется в качестве особой социально уязвимой группы населения даже наиболее развитых стран [1; 3].

Описанный процесс, получивший в научной литературе наименование *прекаризации труда*, преимущественно рассматривается в качестве прекаризации в сфере занятости [3; 4] и доходов [1]. Однако во многих странах прекаризация занятости *приводит к прекаризации жизни*. Это выражается в снижении активности человеческой деятельности, причем не только в рамках трудовых отношений, но и в сфере доступа к социальным благам [5]. Поэтому проводимая государством в форме целевых программ разного уровня и назначения внутренняя социальная политика актуализируется в качестве инструмента сглаживания последствий неравенства и устранения социальной напряженности. Кроме того,

¹ Интересующая нас группа более чем значительна по размеру. Так, А. Шлихтер приводит следующие цифры: «В ФРГ в состав прекариата входит 18% рабочей силы; в Нидерландах и Франции — по 25% от общей численности рабочей силы в каждой стране; в Японии — 40%, Южной Кореи — 40–50%; в США в 2020 г. работодатели не продлили контракт с 45% занятыми... В России доля прекариата оценивается в 27–40% работоспособного населения... По прогнозам экспертов, доля работающих в США на условиях полной занятости достигнет к 2030 г. исторического минимума в 9% от общего объема трудоспособного населения» [1, с. 97–98, 102, 108].

при учете возросшей неустойчивости и неопределенности трудовых отношений усложняется выполнение традиционной стратегической задачи реализации социальных программ — формирование условий воспроизводства рабочей силы для обеспечения устойчивого развития экономической системы, подверженной циклическим колебаниям. И поскольку прекариат включает, как правило, значительные массы необеспеченных людей, не удовлетворенных жизнью по причине неустойчивости трудовых отношений даже при наличии высшего образования², это позволяет некоторым исследователям обосновывать его как *самостоятельный класс общества* [6]. Мы солидарны с мнением, что классовая природа прекариата (в отличие от пролетариата) весьма условна и определяется главным образом экономической ситуацией в конкретной стране и ее регионах [7].

Как зарубежные [8], так и российские [2; 9] специалисты задаются вопросом: является ли разбалансировка трудовых отношений сугубо социально-психологическим феноменом современности, либо ее причины находятся в глубинных изменениях экономического базиса? Ответ на него чрезвычайно важен, поскольку масштабы прекаризации труда во всем мире нарастают огромными темпами, приводя к постепенной девальвации *человеческого капитала* (ЧК) — основы социально-экономического прогресса в период современного технологического перехода.

Федеративные принципы реализации социальных программ в США в условиях прекаризации труда

Исторически в Соединенных Штатах Америки основные функции социального регулирования переданы на уровень властей штатов и органов местного управления (графств, муниципалитетов, специальных и школьных округов, тауншипов). Даже в условиях возрастания централизации государственного регулирования, характерного для второй половины XX в., вызванной перманентным обострением недостаточности расходов на социальные нужды в значительной части американских штатов, перераспределение функций в области финансирования и исполнения большинства социально направленных программ *оставалось за региональными и местными властями*. Яркий пример — «новый федерализм» республиканской администрации Р. Рейгана, максимизировавший децентрализацию, прежде всего в области социального финансирования, и в конечном итоге сокративший его масштабы до социально опасного уровня [10]. Таким образом, на рубеже веков федеральная власть специально переложила ответ-

² «По информации *The Chronicle of Higher Education*, в 2021 г. из 317 тыс. выпускников американских университетов 8,5 тыс. с ученой степенью зарабатывали на жизнь официантами, 5 тыс. — швейцарами, 80 тыс. — барменами, 18 тыс. — сторожами автостоянок; 17 млн чел. с образованием вуза были заняты на должностях, требующих уровня образования ниже бакалавра» [1, с. 101–102].

ственность за успех или неудачу социальной политики, проводимой администрациями следующих президентов США, на власти штатов и местные органы управления. Неслучайно почти два десятилетия наступившего XXI столетия американская федеративная система в плане осуществления внутренних регулирующих функций характеризовалась непрерывным нарастанием процесса регионализации [11]. Лишь чрезвычайная по глубине и масштабу ковидная и постковидная кризисная ситуация 2020 г. выявила «...сильную зависимость большинства штатов и муниципальных образований от решений, принимаемых на более высоких уровнях власти, несмотря на имеющуюся у них самостоятельность в достаточно широком спектре сфер» [12, с. 54]. В отмеченном спектре главное место занимают проблемы социального обеспечения населения различных по уровню экономического развития штатов страны. Основой социальной политики выступает профессиональная и техническая (инновационно востребованная) подготовка региональных и местных трудовых ресурсов и доступность медицинских услуг — главные факторы формирования ЧК на уровне штатов и муниципальных образований.

Явление прекаризации труда в Соединенных Штатах, как и в других странах, в первую очередь, относится к одноименному рынку, где формируется спрос и предложение на разную по качеству рабочую силу [3]. Качественный уровень является главным в условиях структурной перестройки экономики в сторону увеличения знаниеемкости [13]. Таким образом, рост прекаризации трудовых отношений в США дополнительно актуализирует мнение российских специалистов о том, что «в начале третьего десятилетия XXI в. президентская администрация Джозефа Байдена оказалась перед новыми вызовами и рисками выполнения социальных обещаний в условиях глобальных и внутренних трансформаций» [14, с. 5].

В контексте поднимаемой в статье проблемы нам представляется не менее значимым *пространственный аспект осуществления социальной политики*, в той или иной мере направленной на сглаживание последствий прекаризации труда, в такой чрезвычайно неоднородной стране, какой являются США, тем более что питательной средой регионализма на разных его этапах выступают экономические (базисные по Марксу) противоречия между американскими бизнес-группировками, сформированными изначально по территориальному признаку и лишь затем ставшими глобальными структурами [15]. Особенно сильны их региональные административно-управленческие позиции в Техасе, Калифорнии, Нью-Йорке, штатах Новой Англии. Здесь еще 70 лет назад сформировались тенденции экономического и социально-политического федерализма, выводящие за рамки представлений о штатах и крупных агломерациях только как об административных или статистических (метрополитенских статистических ареалах, МСА) территориальных образованиях. Даже чрезвычайно высокая мобильность рабочей силы не в состоянии сгладить колоссальные пространственные различия

в уровне средней заработной платы, безработицы, бедности, маргинальности населения субрегионов и штатов США.

Но особую тревогу властей вызывает дифференциация штатов и муниципалитетов (в составе МСА) по уровню обеспеченности медицинскими услугами [16]. Профилактику заболеваемости, лечение и уход в рамках исключительно коммерческой страховой американской медицины, да еще в условиях 50%-ной прекаризации занятости, не предполагающей никаких социальных гарантий, нельзя считать результативной. Помимо недоступности медицинских услуг для значительной части населения регионов наличие высшего образования в США не гарантирует полноценного трудоустройства по специальности в большинстве американских штатов [1]. Напротив, «...несоответствие профессиональной подготовки быстро меняющимся потребностям рынка труда стало одним из важнейших факторов снижения трудовой активности американцев», включая молодежь [4, с. 68].

Таким образом, «пространственный ландшафт» труда и занятости в условиях развития явления прекаризации отношений между нанимателем и работником требует не просто активного федерального, но специализированного, регионально ориентированного вмешательства со стороны властей всех уровней. Тем более, что, как мы полагаем, связка «прекаризация труда — социальная политика» — настоящее или ближайшее будущее социально-экономических систем всех стран. Выявление региональных особенностей реализации социальных программ в условиях нарастающей прекаризации труда в США представляется важным аспектом характеристики неравенства и территориальных диспропорций, объединенных признаками неустойчивого экономического положения и занятости населения.

Оценка уровня прекаризации труда в США по штатам и субрегионам

Чтобы ответить на вопрос, как реализуется социальная политика США в региональном разрезе, следует понимать, на каких условиях работают (гарантии труда), в каком качестве используются (уровень образования) и в каких условиях живут (обеспеченность услугами здравоохранения и социальной помощи) американцы в разных штатах. В настоящем исследовании мы не учитываем такой важный и требующий отдельного эмпирического изучения аспект, как региональный спрос населения на услуги и товары в зависимости от уровня реальных зарплат и доходов. Нам представляется, что даже простое (без моделирования при помощи математического аппарата) *сопоставление регионов США по уровню прекаризации труда*, с одной стороны, и уровню обеспеченности ЧК — с другой, может пролить свет на специфические региональные проблемы, требующие решения посредством специальных мер социальной защиты населения. Результаты уровневых/долевых оценок обеспеченности ЧК в 2007–2020 гг. в региональном разрезе исследова-

ны автором ранее в [17]³, а в отношении прекаризации труда за 2007 и 2020 гг. представлены в *таблице 1*.

Анализ данных *таблицы 1* позволяет сделать ряд выводов об уровне прекаризации труда в субрегионах и штатах США в период 2007–2020 гг.

1. Четко просматривается общая тенденция, отражающая резкий рост доли прекариев в численности занятых всех регионов страны за исследуемые 14 лет, в среднем по США в 1,8 раза (с 24,5% в 2007 г. до 44,4% в 2020 г.). Даже в случае сохранения темпов роста прекаризации труда в Соединенных Штатах к 2030 г. доля прекариев среди занятого населения составит около 60%. Однако американские эксперты указывают на неизбежное увеличение прекаризации труда в США в связи с активным переходом на новый технологический уровень производства, определяемый цифровизацией экономики [3]. В этом случае доля лиц с неустойчивой занятостью вырастет гораздо значительнее. С учетом увеличивающейся доли официально безработных американцев доля занятых в американской экономике на традиционной договорной основе, гарантирующей социальное обеспечение во время работы и по ее окончании (в случае достижения нетрудоспособного возраста, либо по инвалидности), действительно приблизится в 2030 г. если не к 9% [1], то не будет превышать 20%.

Несомненно, что при таком тренде прекаризации труда прирост ЧК США значительно замедлится, в особенности в части обеспеченности населения регионов страны медицинскими, образовательными и иными социальными услугами, имеющими в американском обращении денежно-страховую или платную основу. Следовательно, в долгосрочной перспективе выгодная в условиях технологического перехода гибкому американскому бизнесу и властям всех уровней прекаризация трудовых отношений постепенно станет тормозом экономического развития страны и ее регионов. Вместе с тем нам представляется, что в плане внутреннего экономического развития субрегиональная центрo-периферийная асимметрия Соединенных Штатов в целом сохранится, несмотря на различные тенденции прекаризации труда в ведущих регионах, относимых к геоэкономическому центру страны, — Средне-Атлантических штатах и Новой Англии — на Северо-Востоке, Техасе — на Юге и Калифорнии — на Западе.

³ В работе [17] развитие ЧК регионов США оценивается нами по группам показателей, в числе которых особое значение для настоящего исследования представляют две:

1. «Образование, интеллектуально-профессиональный и личностно-компетентностный рост», включающий такие показатели, как «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), «индекс уровня образования», «доля населения с высшим образованием на 100 тыс. жителей», «доля лиц, имеющих степень доктора наук на 10 тыс. занятых в сфере образования и НИОКР», «индекс затрат на обучение и профессиональную подготовку и переподготовку сотрудников компаний» и др.;

2. «Здравоохранение, демография и социальное развитие», объединяющий такие показатели, как «индекс ожидаемой продолжительности жизни», «индекс доступности здравоохранения», «индекс миграционного прироста/убыли населения», «индекс обеспеченности населения общественными благами» и др.

Т а б л и ц а 1

Доля прекариата (в соответствии с признаками) по штатам и субрегионам США в 2007 и 2020 гг.,
% от общего числа занятых (employed)

Субрегионы, штаты ^{*)}		Признаки прекариата ^{*)}														В среднем ^{***)}	
		Outstaffing		LIP		PI		UL		TE		RTE					
		2007	2020	2007	2020	2007	2020	2007	2020	2007	2020	2007	2020	2007	2020		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
	Коннектикут	18,1	40,2	15,0	33,8	21,6	45,2	19,7	46,3	23,8	45,9	20,0	44,8	19,7	42,7		
Новая Англия	Вермонт	16,0	35,7	9,4	20,3	17,9	37,4	16,5	35,5	16,4	37,1	16,8	37,4	15,5	33,9		
	По всему субрегиону	16,8	37,1	13,0	27,7	20,2	42,1	18,0	41,8	20,8	42,0	19,0	40,9	18,0	38,6		
Среднеатлан- тические штаты	Нью-Йорк	22,7	43,9	18,5	38,8	23,0	41,1	15,6	35,3	18,8	42,0	22,7	48,5	20,2	41,5		
	Пенсильвания	20,5	42,2	17,5	36,5	18,7	40,3	15,9	34,6	20,6	39,5	21,8	48,4	19,2	40,3		
	По всему субрегиону	21,9	42,9	18,2	38,1	21,3	40,8	15,7	35,0	20,1	41,3	22,4	48,5	19,9	41,1		
	Иллинойс	27,0	42,5	29,7	44,6	28,7	51,9	23,8	50,8	23,6	43,9	28,4	52,0	26,9	47,6		
Северо-восточный Центр	Висконсин	12,3	21,0	8,9	23,7	14,5	31,8	14,0	28,5	15,7	29,4	14,0	28,9	13,2	27,2		
	По всему субрегиону	20,1	33,5	21,0	33,7	22,3	39,5	18,2	38,4	18,8	35,2	20,7	41,2	20,2	36,9		
Северо-западный Центр	Айова	14,6	24,3	13,2	23,8	18,4	28,7	12,1	23,6	16,0	25,8	17,1	28,8	15,2	25,8		
	Южная Дакота	7,9	16,5	7,7	17,1	10,3	22,6	8,8	16,9	9,5	18,4	13,2	21,7	9,6	18,9		
	По всему субрегиону	10,5	19,5	11,1	21,2	13,9	24,4	10,2	19,9	13,3	22,7	16,0	24,6	12,5	22,1		

Источники: рассчитано автором по: [18–23].

^{*)} В открытых источниках Бюро трудовой статистики США (*The Bureau of Labor Statistics, BLS*) применяется классификация признаков прекаризации труда по следующим направлениям: 1) *Outstaffing* – аутстаффинг, т.е. предоставление работы без официально оформленных трудовых контрактов либо с контрактом на короткий срок; 2) *Lack of insurance payments (LIP)* – отсутствие страховых выплат; 3) *Precarious income (PI)* – нестабильный доход; 4) *Unpaid leave (UL)* – неоплачиваемый отпуск; 5) *Temporary employment (TE)* – временная занятость; 6) *Risk of termination of employment (RTE)* – риск расторжения трудового договора в любое время и по любой причине.

^{**)} Из общего количества штатов, составляющих каждый субрегион (от 3-х до 9-ти, включая Округ Колумбия), в таблице представлено по одному штату с максимальными и минимальными значениями признаков прекаризации труда (по среднему значению).

^{***)} Среднее значение доли прекариата в субрегионе или штате страны по всем шести признакам прекаризации труда.

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Южноамериканские штаты	Западная Вирджиния	34,9	60,3	27,0	44,3	37,6	68,6	41,3	68,9	35,2	64,8	54,9	88,3	38,5	65,9
	Мэриленд	13,7	34,5	14,5	28,7	18,4	35,0	22,8	48,7	19,7	43,8	34,1	52,5	20,5	40,5
	По всему субрегиону	28,7	52,5	23,4	38,6	33,8	59,2	36,3	60,3	30,9	58,7	51,0	79,3	34,0	58,1
	Миссисипи	37,0	65,3	23,8	34,4	39,4	72,4	44,4	62,7	36,3	61,6	57,8	82,8	39,8	63,2
Юго-восточный Центр	Кентукки	33,5	57,0	20,1	31,0	34,7	63,6	36,8	56,2	30,1	55,9	48,6	74,3	34,0	56,3
	По всему субрегиону	36,3	63,0	22,8	33,6	38,2	69,7	42,0	60,9	34,4	59,5	54,3	78,9	38,0	60,9
Юго-западный Центр	Техас	32,2	57,3	20,5	36,7	38,3	64,3	39,7	62,6	33,8	64,5	47,9	84,0	35,4	61,6
	Оклахома	24,8	49,6	16,3	27,4	35,7	53,7	30,3	56,1	25,2	50,8	40,4	68,7	28,8	51,1
	По всему субрегиону	30,9	55,8	19,7	33,8	37,0	59,4	37,6	59,8	30,4	60,2	45,6	79,0	33,5	58,0
	Нью-Мексико	35,0	58,9	31,0	44,6	41,4	78,2	48,4	81,0	37,9	72,2	54,8	84,5	41,6	69,9
Горные штаты	Монтана	11,3	25,1	8,9	26,0	20,1	42,8	16,6	47,8	16,0	38,5	23,8	43,4	16,1	37,3
	По всему субрегиону	22,1	39,4	18,7	32,6	28,5	54,9	30,8	59,8	26,0	51,8	36,3	57,7	27,1	49,4
Тихоокеанские штаты	Калифорния	34,5	62,3	18,7	40,7	35,9	61,2	38,7	59,3	32,0	58,4	38,5	67,1	33,1	58,2
	Аляска	6,8	15,9	3,8	15,4	10,3	22,4	7,9	27,4	13,7	28,4	14,6	26,0	9,5	22,6
	По континентальной части субрегиона ^{*)}	25,0	47,9	15,7	35,4	29,7	50,4	32,2	55,0	35,6	54,1	34,7	56,8	28,8	49,9
	По всему субрегиону	16,4	32,8	9,0	23,9	19,0	36,1	18,8	33,9	19,7	37,5	21,7	41,2	17,4	34,2
В среднем по девяти субрегионам США															
														24,5	44,4

^{*)} Включает штаты Калифорния, Вашингтон и Орегон, расположенные в пределах основной территории США (без Гавайских островов и штата Аляска, отдельного государственной территорией Канады).

Так, штаты Новой Англии и Средне-Атлантические штаты характеризуются меньшими значениями прекаризации труда (соответственно 38,6 и 41,1% в 2020 г.) по сравнению с Техасом (61,6%) и Калифорнией (58,2%). Хотя все указанные регионы отличаются сопоставимо высокими темпами прироста ЧК в 2007–2020 гг.

При этом, если доля прекариата в рассматриваемый период среди занятого населения на Северо-Востоке увеличилась в два раза, то в Калифорнии и Техасе только в 1,7 раза. На первый взгляд, в этом проявился сравнительно низкий старт штатов Новой Англии и Средне-Атлантических штатов в 2007 г. Однако сравнение Техаса и Калифорнии в качестве штатов с максимальным показателем прекаризации труда со штатами с минимальным аналогичным показателем в рамках соответствующих субрегионов (Юго-Западного Центра и континентальной части Тихоокеанских штатов) в динамике 2007–2020 гг. позволяет говорить о *специфической для каждого субрегиона (исключая Аляску и Гавайские острова) тенденции темпов роста прекаризации*. Этот факт подчеркивает наличие известной специфики темпов роста прекаризации труда в зависимости от региональных особенностей экономического развития территорий США, относимых при этом к одному уровню.

2. В условиях американской регионализации 2007–2020 гг. пространственная неоднородность на уровне субрегионов и штатов США наиболее ярко проявляется в социальном аспекте роста прекаризации труда. Лидирующие по доли прекариата в числе занятого населения субрегионы составляют Юг США (в среднем порядка 60% в 2020 г.), за ними следует американский Запад (около 50%), затем упомянутый выше Северо-Восток (чуть меньше или немногим более 40%). Замыкает макрорегиональный перечень по доли прекариев среди занятого населения Средний Запад, включающий субрегионы Северо-Восточный Центр (36,9% в 2020 г.) и Северо-Западный Центр (22,1%), характеризующиеся среднеамериканским темпом роста прекаризации труда в период 2007–2020 гг. При этом если исторически промышленно развитый Северо-Восточный Центр отличается уровнем ЧК сопоставимым с Юго-Западным Центром (включая штат Техас), Новой Англией и даже Тихоокеанскими штатами (в целом), то темпы прироста ЧК штатов Северо-Западного Центра в части здравоохранения, демографии и социального развития являются самыми низкими среди субрегионов США в рассматриваемый период времени. Таким образом, если штаты Северо-Восточного Центра, различающиеся между собой по доли прекариата в численности занятых весьма значительно, имеют в целом низкий уровень прекаризации труда по причине значительной доли традиционных отраслей экономики в структуре хозяйства, то штаты Северо-Западного Центра — немногим более 20% прекариата, что объясняется низким, по сравнению с другими субрегионами, уровнем социально-экономического развития в целом.

Сравнение доли прекариев в 2007 и 2020 гг. как на уровне субрегионов, так и конкретных штатов не раскрывает универсальных причин

прекаризации труда в американских регионах ни в статике, ни в динамике. Например, данный показатель практически идентичен в высоко-развитых штатах континентальной части Тихоокеанского субрегиона (Калифорния, Вашингтон и Орегон) — лидере прироста ЧК в 2007–2020 гг. и Горных штатах — с одним из самых низких показателей роста ЧК (соответственно 49,9% и 49,4%). Столь же слабо обеспеченный ЧК и в целом экономически слабо развитый Юго-Восточный Центр, лидирующий по доле прекариата в численности занятых в 2007 и в 2020 гг., сопоставим по доле прекариата с лидирующими по объему валового регионального продукта (ВРП) штатами страны — Калифорнией и Техасом. В свою очередь штаты Калифорния и Техас с ВРП, превышающим в 2019 г. валовой национальный продукт (ВВП) соответственно Индии и Бразилии, имеют долю прекариев, сопоставимую с показателем штатов Миссисипи, Нью-Мексико и Западная Вирджиния, ВРП которых соответствовал ВВП Анголы, Эстонии и Омана [24, табл. 2].

3. Результаты оценки региональных различий в доле прекариата в 2007–2020 гг. в зависимости от выделяемых признаков прекаризации труда в США в целом находится в выявленном выше тренде увеличения искомого показателя по всем, без исключения, признакам. При этом для всех субрегионов и штатов наиболее значительным признаком прекаризации (в статике 2007 и 2020 гг. и динамике за 14 лет) выступает риск расторжения работодателем трудового договора в любое время и по любой причине (*RTE*). Во всех субрегионах Юга страны этот показатель в 2020 г. приблизился к 80%, отражая высокую степень бесправия работника перед работодателем (даже без учета отраслевой/секторальной специфики трудовых отношений). Нельзя не отметить, что и в субрегионах Запада и Северо-Востока США *RTE* весьма значителен — от 40% в штатах Новой Англии до примерно 57% в Горных штатах и континентальной части Тихоокеанских штатов. При этом отдельные штаты, в частности Нью-Мексико, отличаются показателем рисковости расторжения трудового договора в 2020 г., равным 84,5%, что сопоставимо с аналогичными значениями штатов лидеров Юга страны (Западная Виргиния — 88,3%, Техас — 84%, Миссисипи — 82,8%).

Наименьшими значениями (как в статике, так и в динамике, характеризующей прирост) отличается такой признак прекариата, как отсутствие страховых выплат (*LIP*). Более того, высокие значения *LIP* характерны для высокоразвитых субрегионов (Средне-Атлантических штатов — 38,1% в 2020 г.) и отдельных штатов страны (например, Калифорнии — 40,7%, Нью-Йорка — 38,8% и Техаса — 36,7%). Для сравнения: в субрегионах, лидирующих по среднему показателю наличия всех признаков прекаризации труда, отсутствие страховых выплат в 2020 г. оценивалось в 33,6% — для Юго-Восточного Центра, 33,8% — для Юго-Западного Центра и 38,6% — для Южно-Атлантических штатов. Следовательно, *гарантия страховых выплат остается сравнительно значимым барьером к тотальной прекаризации* трудовых отношений на региональном уровне, как бы выравнивая субрегионы в возможностях обеспечения работающего

населения страховыми выплатами. Тем не менее негарантированность страховых выплат является весьма высокой даже в субрегионах, относимых нами ранее к обеспеченным медицинскими услугами, — Северо-Востоке США, Техасе, Тихоокеанских штатах, некоторых штатах приатлантического Юга и Северо-Восточного Центра [16, с. 137].

Признаки аутстаффинга (*Outstaffing*), нестабильности дохода (*PI*), неоплачиваемого отпуска (*UL*) и временной занятости (*TE*) в региональном аспекте в целом дополняют уже полученную нами картину чрезвычайно высокой прекаризации Юга (более 50%), высокой — Запада (около 50%), средней — на Северо-Востоке и Северо-Восточном Центре (около 40%) и низкой — в штатах Северо-Западного Центра (22,1% в 2020 г.). Значения указанных признаков, представленные в *таблице 1*, достаточно высоки и динамичны в своем приросте за 2007–2020 гг., но корректируют географическую картину центрo-периферийности, вынуждая искать объяснение пространственной неравномерности прекаризации труда в США не только в базисе неравномерного экономического развития регионов страны, но и в проводимой на региональном уровне социальной политике.

Региональные особенности реализации социальных программ в зависимости от уровня прекаризации труда в США

Как мы уже отмечали выше, ни в одной из социальных программ не предусмотрено целевое использование средств на сглаживание последствий прекаризации труда в регионах США. Рост доли прекариата на американском рынке труда не представляется официальной американской власти, а, следовательно, не отражается в данных статистики как отдельная проблема социально-экономического развития и направление государственной региональной политики.

Тем не менее многие социальные программы, реализуемые в Соединенных Штатах, связанные с профессиональной подготовкой и переподготовкой кадров, обеспечением услугами здравоохранения и социальной защиты уязвимых слоев населения, в определенной мере объективно способствуют нивелированию/сглаживанию некоторых проблем, связанных с колоссальным ростом прекаризации трудовых отношений. Региональный аспект, отражающий соответствие темпов роста и достигнутого к 2020 г. уровня прекаризации труда в тех или иных регионах США, с одной стороны, и использования традиционных инструментов социальной поддержки американских граждан, снижающих социальную напряженность в условиях снижения гарантий занятости и официальных доходов населения, — с другой, конкретизирует результативность социального программирования. Тем более, что финансирование обязательств по социальным программам, переносимое с федеральной казны на бюджетные средства штатов, графств, муниципалитетов, гипотетически способствует лишь усилению социальных контрастов по причине различного уровня экономического развития регионов страны [15–17; 24].

Подтвердить, либо опровергнуть гипотезу о возможном соответствии уровня прекаризации труда и мер по сглаживанию социальных последствий этого явления в разрезе субрегионов в 2007–2020 гг. позволит сравнение данных *таблицы 1* со средними величинами финансирования социальных программ. Указанные величины рассчитаны в процентах от консолидированного бюджета (суммарно штатов, графств и муниципалитетов, составляющих субрегион) на одного занятого неустойчивым трудом — прекария и представлены в *таблице 2*.

Важно отметить, что полученные значения финансирования конкретных программ и их суммирование по субрегионам делится на количество прекариата лишь условно, поскольку перечисленные в *таблице 2* программы охватывают также и безработных, представителей сэлэриата (работников с полной занятостью, оплачиваемым отпуском и корпоративными пособиями), нетрудоспособных граждан США, некоторые категории мигрантов. Тем не менее относительно высокая доля прекариата во всех субрегионах США, рассматриваемая нами *в качестве особой группы трудоспособного населения*, наиболее активно пользующегося социальными программами, сопоставленная с финансированием на одного прекария, дает представление о региональных особенностях социальной политики в 2007–2020 гг.⁴

При сравнении данных обеих таблиц выявляются следующие особенности реализации социальных программ в разрезе субрегионов США, характеризующихся различным уровнем прекаризации труда.

Во-первых, по суммарному финансированию социальных программ в рассматриваемый период времени лидируют наиболее экономически развитые субрегионы страны, где доля прекариата за 14 лет *увеличилась в среднем по всем шести признакам*, примерно с 20–30% до 40–50% от общего числа занятых. Сюда относятся в первую очередь Средне-Атлантические и Тихоокеанские штаты. Индустриальный пояс США, представленный Северо-Восточным Центром, с ростом прекариата с 20,2% в 2007 г. до 36,9% в 2020 г. также можно считать наиболее обеспеченным программным социальным финансированием в расчете на одного прекария. При этом субрегионы Юга США, за исключением Северо-Западного Центра (вместе со вторым по ВРП штатом Техас), и территориально связанные с ними Северо-Западный Центр и Горные штаты характеризуются наименьшим суммарным финансированием рассматриваемых социальных программ. Здесь важно заметить, что если Северо-Западный Центр — это слабо развитый субрегион с минимальной долей прекариев, то Юго-Восточный Центр, лидер в прекаризации труда, отличается минимальным значением суммарного среднегодового финансирования социальных программ.

Таким образом, можно говорить *об отсутствии соответствия* реализации социальных программ и уровня прекаризации труда в разрезе субрегионов США.

⁴ Различия в общей численности населения регионов США в нашем исследовании отдельно не учитываются.

Т а б л и ц а 2

Средние величины показателей финансирования социальных программ, % от консолидированного
бюджета субрегионов США в 2007–2020 гг. на одного прекария*

Сфера социального программирования и наименование программ (расшифровка представлена в тексте)		Макрорегионы и субрегионы							
		Северо-Восток		Средний Запад		Юг		Запад	
		Новая Англия	Средне-Атлантические штаты	Северо-Восточный Центр	Северо-Западный Центр	Южно-Атлантические штаты	Юго-Восточный Центр	Юго-Западный Центр	Торные штаты Тихоокеанские штаты
Образование, профессиональное обучение и сокращение безработицы среди молодежи	Job Corps	0,00063	0,00078	0,00081	0,00037	0,00054	0,00047	0,00043	0,00060 0,00072
	Youth Activities	0,00021	0,00033	0,00045	0,00030	0,00017	0,00025	0,00029	0,00016 0,00027
	Youth Build	—	—	0,00007	0,00011	0,00003	0,00005	0,00015	—
	REO	0,00002	0,00005	0,00001	0,00003	0,00005	0,00003	0,00001	0,00006 0,00003
	SCE	0,00018	0,00024	0,00029	0,00034	0,00023	0,00024	0,00030	0,00036 0,00031
	DSFA	0,00036	0,00058	0,00072	0,00042	0,00049	0,00037	0,00045	0,00042 0,00076
	Муниципальные программы	0,00017	0,00023	0,00021	0,00013	0,00012	0,00007	0,00008	0,00003 0,00035
Здравоохранение (повышение доступности медицинского обслуживания)	Medicare	0,00138	0,00203	0,00173	0,00094	0,00110	0,00074	0,00082	0,00095 0,00242
	Medicaid	0,00143	0,00286	0,00189	0,00078	0,00121	0,00004	0,00102	0,00092 0,00254
	Obamacare с 2011 г.	0,00256	0,00468	0,00320	0,00134	0,00167	0,00117	0,00141	0,00159 0,00412
	Программы штатов	0,00146	0,00341	0,00202	0,00120	0,00231	0,00095	0,00163	0,00138 0,00352
	Муниципальные программы	0,00093	0,00210	0,00146	0,00071	0,00095	0,00042	0,00088	0,00045 0,00196
Социальное обеспечение и борьба с бедностью	AFDC	0,00188	0,00239	0,00196	0,00264	0,00249	0,00197	0,00275	0,00164 0,00280
	GAP	0,00100	0,00198	0,00232	0,00127	0,00172	0,00189	0,00158	0,00173 0,00164
	Фонд социального страхования	0,00031	0,00074	0,00045	0,00036	0,00033	0,00038	0,00041	0,00038 0,00040
	Другие программы	0,00017	0,00039	0,00030	0,00014	0,00020	0,00016	0,00011	0,00014 0,00032
Суммарное значение		0,01269	0,02279	0,01789	0,01108	0,01161	0,00920	0,01232	0,01081 0,02216

Источники: составлено по: [25–28].

*, Доля прекариев в численности занятых рассчитана в среднем за период 2007–2020 гг., для Obamacare – 2011–2020 гг.

Во-вторых, наиболее значительный финансовый вклад в социализацию вносят программы, связанные с повышением доступности услуг здравоохранения, финансируемые из бюджетов разных уровней. Так, крупнейшие программы «Медикэр» (*Medicare*)⁵, «Медикэйд» (*Medicaid*)⁶ и «Обамакэр» (*Obamacare*)⁷, относимые к государственным, действительно внесли существенный вклад в финансирование медицинского страхования для определенных групп граждан США, в первую очередь относимых к прекариату (в особенности *Obamacare*). Однако региональное распределение финансирования на одного прекария высвечивает *наиболее значительное неравенство субрегионов в доступности медицинской помощи* в уже описанной выше пространственной асимметрии. Вместе с тем программы в сфере здравоохранения, реализуемые на уровнях штатов и муниципалитетов, напротив, несколько сглаживают неравенство между субрегионами, отвечая росту прекаризации труда и пытаясь, по возможности, нивелировать последствия негарантированных трудовых отношений. Так, в Юго-Восточном Центре, лидирующем по прекаризации труда, суммарное финансирование программ штатов и местного управления незначительно меньше, чем государственных медицинских программ, особенно, если учесть совсем незначительную долю *Medicaid*, финансируемую на 4/5 из бюджетов штатов и муниципалитетов.

В-третьих, второе место по объемам финансирования занимают программы, целью которых выступает социальное обеспечение населения. В частности, программа помощи семьям с низкими доходами (*AFDC*) финансируется федеральным правительством, но конкретная реализация и разработка норм получения помощи является прерогативой штатов.

Так, каждый штат определяет абсолютные размеры пособий на одного индивидуума, что коррелирует со средней величиной показателей, характеризующих заметное влияние указанной программы на сглаживание последствий прекаризации труда во всех без исключения субрегионах США, включая Юг, лидирующий по доле прекариата. Наряду с федеральными программами, штаты и местные органы управления оказывают так называемую общую помощь малоимущим слоям населения, по тем или иным причинам не подпадающим под действие федерального законодательства (*General Assistance Program, GAP*). Это демонстрирует *ограниченность федерального социального обеспечения*, особенно при сопоставлении данных таблиц по штатам Северо-Восточного

⁵ В рассматриваемый период времени финансируется полностью из федерального бюджета. Хотя главная цель программы — страхование пенсионеров США, она предусматривает определенный стаж работы в зависимости от ее характера, что имеет прямое отношение к прекаризации труда, т.к. в качестве гаранта медстрахования работника выступает государство.

⁶ Финансируется на 1/5 из федерального бюджета плюс 2/5 из бюджета штата плюс 2/5 из местных бюджетов. Цель программы — медстрахование людей с низким доходом, в число которых входит большинство прекариев.

⁷ Цель программы — расширить доступ американцев к медицинскому обслуживанию путем снижения стоимости страхования работника, что напрямую связано с правами прекариев.

и Юго-Восточного Центра, а также Горных штатов — субрегионов с долей прекариата в 2020 г. от 36,9 до 60,9%, в которых финансирование *GAP* превышает *AFDC*. В некоторых штатах отмеченных субрегионов финансирование *GAP* на 100% осуществляется за счет бюджетов муниципального уровня. Таким образом, субрегионы США, отличающиеся значительной долей прекаризации труда и при этом характеризующиеся либо доминированием производственного сектора экономики, либо в целом незначительным экономическим развитием, опираются в социальном обеспечении на собственные ресурсы. Незначительное финансирование Фонда социального страхования и других программ, рассчитанное на одного прекария в период с 2007 по 2020 г., только подтверждает наш вывод.

В-четвертых, чрезвычайно низким финансированием (в сравнении с предыдущими программами) характеризуются образовательные программы, непосредственно направленные на профессиональное обучение и сокращение безработицы, преимущественно среди молодежи. Однако узкая целевая направленность и конкретная аудитория этих программ, по всей видимости, определяет *специфику их финансирования* — от наиболее значительного для всех субрегионов США (*Job Corps*⁸ и *Youth Activities*⁹) до практически незаметного влияния (*Youth Build*¹⁰ и *REO*¹¹).

Интересно отметить, что даже в рамках программ Комиссий штатов по образованию (*SCE*), официально ориентированных на поддержку финансирования начального и среднего образования в США, на профессиональную подготовку и переподготовку выделяются средства, сопоставимые по величине с федеральной программой *Youth Activities*. А, например, в Горных штатах в среднем за 2007–2020 гг. финансирование *SCE*, направленное на цели профессионального роста прекариев, в 2,25 раза выше, чем *Youth Activities*, при отсутствии финансирования программы *Youth Build*. Однако наиболее важной тенденцией за исследуемые 14 лет выступает чрезвычайно высокое значение системы оказания прямой финансовой помощи потенциальным прекариям — студентам с низким уровнем дохода (*DSFA*). Причина — постоянный рост платы за обучение в университетах и других вузах США, формально имеющих юрисдикцию на уровне конкретных штатов страны. В условиях усиливающегося в 2007–2020 гг. инфляционного роста разница между

⁸ Национальная программа по обеспечению бесплатной профессиональной и технической подготовки молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет, т.е. в возрастной группе, лидирующей по прекаризации труда.

⁹ Программа инвестиций в трудовые ресурсы, предполагающая образовательную и карьерную поддержку через региональную сеть центров, проводящих профессиональную подготовку среди лиц либо незанятых официально, либо имеющих нестабильную занятость — прекариев.

¹⁰ Программа грантов для организаций, которые обучают людей из малообеспеченных семей строительным профессиям.

¹¹ Программа, включающая профессиональную подготовку и иные услуги для правонарушителей.

среднесрочной и фактической платой за обучение на 10–20% покрывается за счет дополнительных средств в расчете на одного студента, которые он получает как в виде прямых выплат, так и в форме займов. Как видно из *таблицы 2*, значение региональной программы *DSFA* в сфере образования столь же значительно, как и федеральной программы *Job Corps*, объектом которых выступают лица единой возрастной группы – 16–24 лет – лидеры прекаризации труда в США. Наконец, финансирование муниципальных образовательных программ в расчете на одного прекария полностью отражает социально-экономическое региональное неравенство в рамках известной центрo-периферийной парадигмы.

* * *

Выявление региональных особенностей реализации социальных программ в условиях нарастающей прекаризации труда в США имеет два главных аспекта в 2007–2020 гг.

Первый аспект состоит в недостаточном внимании прежде всего федеральной власти США к проблеме прекаризации труда и, что особенно важно, последствий этого явления для углубления региональных диспропорций развития различных территорий страны и характерного для них социального неравенства.

Проведенное нами эмпирическое исследование показало, что тренд на регионализацию социальной политики в области ее финансирования и реализации среди населения, берущий свое начало еще в послевоенные годы, продолжается и в настоящее время, но в иных условиях – в условиях роста неустойчивости трудовых отношений по целому ряду признаков. Американский федерализм, склонный к регионализму в части как социальных, так и экономических отношений, по всей видимости, поощряет сглаживание социальных диспропорций в регионах за счет средств и полномочий финансовых систем штатов и муниципальных образований. В этом видится нарастающее противоречие между необходимостью концентрации ЧК для решения проблем структурной перестройки американской экономики в условиях смены технологических укладов, с одной стороны, и объективным снижением социальной защищенности формирующего этот капитал населения – с другой. Данное утверждение основано на выявленной разбалансированности между возможностями социальной поддержки прекариата в разных субрегионах США в зависимости от их уровня социально-экономического развития. На уровне штатов страны контрастность в сфере финансового обеспечения программ социальной поддержки граждан с неустойчивым трудом и негарантированной занятостью еще более сильна. Таким образом, штаты и субрегионы, относимые к «геоэкономическому центру» США (учитывая экономический потенциал, в частности ВРП), могут считаться способными к сглаживанию последствий прекаризации, уровень которой можно считать сравнительно допустимым (например на Северо-Востоке страны) или высоким (в таких штатах, как Техас и Калифорния).

Одновременно, некоторые полупериферийные и периферийные территории, характеризующиеся чрезвычайно высокой (практически весь Юг США) или просто значительной (Горные штаты) долей прекариата, также вынужденные финансировать значительную часть социальных программ за счет собственных средств, просто не в состоянии снизить растущую негарантированность труда.

Второй аспект связан с выявленной структурной диспропорцией финансирования социальных программ в различных субрегионах. Имеется в виду явная недостаточность финансирования (в процентах от консолидированного бюджета на одного прекария) программ в сфере образования и профессионального роста в сравнении с медицинским и прямым социальным обеспечением граждан, не уверенных в гарантиях занятости и наличия постоянного дохода от трудовой деятельности. С одной стороны, более низкие показатели регионального финансирования по образовательным программам являются объективным следствием их узкоцелевого назначения. Однако, с другой стороны, именно образовательный фактор в грядущей экономике знаний выступает важнейшим стратегическим ресурсом в формировании ЧК.

Таким образом, для всех регионов США характерна тенденция на социальную помощь на самое неотложное обеспечение жизни и быта — поддержку здоровья и борьбу с бедностью, но не на стратегическое развитие в части, касающейся воспроизводства собственных трудовых ресурсов. Видимо, власти всех уровней надеются на ставший традиционным приток необходимых специалистов извне за счет внешней и внутренней (для штатов и муниципалитетов) миграции. Вместе с тем в структуре программного финансирования сфер социальной поддержки населения выявляются различия на региональном уровне, касающиеся именно прекаризации труда. В этой связи просматривается особая роль Северо-Восточного Центра страны, где рост уровня прекаризации труда в 2007–2020 гг. был минимален (на 16,7% за 14 лет), а финансирование социальных программ в расчете на одного прекария уступает только самым развитым субрегионам — Средне-Атлантическим и Тихоокеанским штатам, намного превышая даже штаты Новой Англии. Самое главное, что финансирование образовательных программ в штатах и муниципалитетах Северо-Восточного Центра самое высокое среди всех субрегионов США. В условиях «реиндустриального поворота» американской экономики, начавшегося в 2010 г., социальная политика, направленная на сдерживание роста прекаризации труда в ключевых для «новой индустриализации» субрегионах и отдельных штатах выглядит не только результативной, но и, несомненно, перспективной.

Безусловно, реализация социальных программ, целевым образом направленная на сглаживание негативных последствий прекаризации труда, да еще применительно к наиболее подверженному нестабильности трудовых отношений сегменту рынка труда — молодежи, представляется не только наиболее сбалансированной, но и весьма

перспективной в плане развития ЧК. Наше эмпирическое исследование подтверждает, что такая сбалансированная в отношении прекаризации труда социальная политика характерна для американских зон ускоренного роста. Принципы «новой индустриализации» в общем универсальны для всех стран, поэтому региональный опыт США вполне можно рассматривать как позитивный для проведения социальной политики в тех российских регионах, которые определены властью в качестве центров нового индустриального развития — зон ускоренного роста Российской Федерации, также характеризующихся определенным ростом прекаризации труда.

Список литературы

1. Шлихтер А. Прекаризация рынка труда США и концепция безусловного базового дохода // Общество и экономика. 2023. № 2. С. 97–117.
2. Тощенко Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63.
3. Thelen K. The American Precariat: US. Capitalism in Comparative Perspective // Cambridge University Press, Perspectives on Politics. Vol. 17. Issue 1, March 2019. P. 5–27.
4. Петровская Н.Е. Молодежный рынок труда в США // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 66–78.
5. Шевченко И.О., Шевченко П.В. От прекаризации занятости — к прекаризации жизни? // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 63–75.
6. Standing G. The Precariat: the New Dangerous Class. London; New York: Bloomsbury Academic, 2011. 208 p.
7. Lazar S., Sancher A. Understanding Labour Politics in an Age of Precarity // Dialectical Anthropology. 2019. Vol. 43. Issue 1. P. 3–14.
8. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 500 с.
9. Корнилов М., Корнилов А. Новое в подходах к прекаризации умственного труда в условиях торжества неофеодального строя // Общество и экономика. 2021. № 3. С. 52–63.
10. Володин А.А. США: экономика и местные органы власти. М.: Наука, 1984. 143 с.
11. Глигич-Золотарева М.В. На пороге новой регионализации // Федерализм. 2021. Т. 26. № 1 (101). С. 165–186.
12. Штоюнда Е.М. Федерализм эпохи глобальной турбулентности // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 4. С. 54–72.
13. Григорьев Л.М., Григорьева Н.Л. США: экономика и социальная структура перед сменой эпох // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 98–119.
14. Лебедева Л.Ф. Вызовы и риски социальной защищенности населения США в третьем десятилетии XXI века // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 2. С. 5–17.
15. Супян В.Б. Экономика и население США в региональном измерении (зоны ускоренного роста) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 3. С. 5–13.

16. Минат В.Н. Динамика пространственного неравенства в развитии здравоохранения США и государственная региональная политика // *Федерализм*. 2022. Т. 27. № 1 (105). С. 130–149.
17. Минат В.Н. Регионализация развития человеческого капитала и региональная инновационная политика США // *Федерализм*. 2021. Т. 26. № 3 (103). С. 169–191.
18. Labor Force Statistics from the Current Population Survey. 2020 // U.S. Bureau of Labour Statistics. URL: <https://www.bls.gov/cps/cpsa2020.pdf>
19. Labor Force Participation Rate // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release/tables?rid=446&eid=784070#snid=784132>
20. Alternative Measures of Labor Underutilization for States. U.S. Bureau of Labour Statistics // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=353&soid=22>
21. Characteristics of Minimum Wage Workers. U.S. Bureau of Labour Statistics // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=384&soid=22>
22. Labor Force Participation by State. U.S. Bureau of Labour Statistics // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=446&soid=22>
23. Unemployment in States and Local Areas (all other areas). U.S. Bureau of Labour Statistics // FRED. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=116&soid=22>
24. Пороховский А.А. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США // *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022. № 6. С. 5–20.
25. Social Security Administration. Social Insurance Programs // Social Security account. URL: <https://www.ssa.gov/policy/docs/progdsc/sspus/oasdi.pdf>
26. U.S. Department of Health and Human Services. Programs and services // U.S. Department of Health and Human Services. URL: <https://www.hhs.gov/about/budget/fy2022/index.html>
27. Vulnerable Youth: Employment and Job Training Programs. 2020 // Congressional Research & Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40929>
28. Youth Labor Force Indicators in the Context of COVID-19. 2020 // Congressional Research & Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11491>

References

1. Shlikhter A. Prekarizatsiia rynka truda SShA i kontseptsiiia bezuslovnogo bazovogo dokhoda [Precarization of the US Labor Market and the Concept of Unconditional Basic Income], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2023, No. 2, pp. 97–117. (In Russ.).
2. Toshchenko Zh.T. Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniia issledovaniia [The Precariat Phenomenon: Theoretical and Methodological Basis for Research], *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2019, No. 9, pp. 51–63. (In Russ.).
3. Thelen K. The American Precariat: US. Capitalism in Comparative Perspective, *Cambridge University Press, Perspectives on Politics*, Vol. 17, Iss. 1, March 2019, pp. 5–27.
4. Petrovskaia N.E. Molodezhnyi rynek truda v SShA [Youth Labor Market in the USA], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2021, No. 2, pp. 66–78. (In Russ.).

5. Shevchenko I.O., Shevchenko P.V. Ot prekarizatsii zaniatosti – k prekarizatsii zhizni? [From the Precarization of Employment to the Precarization of Life?], *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2022, No. 7, pp. 63–75. (In Russ.).
6. Standind G. The Precariat: the New Dangerous Class. London, New York, Bloomsbury Academic, 2011, 208 p.
7. Lazar S., Sancher A. Understanding Labour Politics in an Age of Precarity, *Dialectical Anthropology*, 2019, Vol. 43, Iss. 1, pp. 3–14.
8. Greber D. Bredovaia rabota. Traktat o rasprostranении bessmyslennogo truda [Crazy Work. Treatise on the Spread of Meaningless Labor]. Moscow, Ad Marginem Press, 2018, 500 p. (In Russ.).
9. Kornilov M., Kornilov A. Novoe v podkhodakh k prekarizatsii umstvennogo truda v usloviakh torzhestva neofeodal'nogo stroia [New Approaches to the Precarization of Mental Labor in the Conditions of the Triumph of the Neo-Feudal System], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2021, No. 3, pp. 52–63. (In Russ.).
10. Volodin A.A. SShA: ekonomika i mestnye organy vlasti [USA: Economy and Local Government]. Moscow, Nauka, 1984, 143 p. (In Russ.).
11. Gligich-Zolotareva M.V. Na poroge novoi regionalizatsii [On the Threshold of New Regionalization], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 1 (101), pp. 165–186. (In Russ.).
12. Shtoiunda E.M. Federalizm epokhi global'noi turbulentnosti [Federalism in the Era of Global Turbulence], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2021, Vol. 51, No. 4, pp. 54–72. (In Russ.).
13. Grigor'ev L.M., Grigor'eva N.L. SShA: ekonomika i sotsial'naia struktura pered smenoi epokh [USA: Economy and Social Structure Before the Change of Eras], *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2021, No. 1, pp. 98–119. (In Russ.).
14. Lebedeva L.F. Vyzovy i riski sotsial'noi zashchishchennosti naseleniia SShA v tret'em desiatiletii KhKhI veka [Challenges and Risks of Social Security of the US Population in the Third Decade of the XXI Century], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2023, No. 2, pp. 5–17. (In Russ.).
15. Supian V.B. Ekonomika i naselenie SShA v regional'nom izmerenii (zony uskoren'nogo rosta) [Economy and Population of the USA in the Regional Dimension (Zones of Accelerated Growth)], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2023, No. 3, pp. 5–13. (In Russ.).
16. Minat V.N. Dinamika prostranstvennogo neravenstva v razvitii zdravookhraneniia SShA i gosudarstvennaia regional'naia politika [Dynamics of Spatial Inequality in the Development of Health Care in the United States and State Regional Policy], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 1 (105), pp. 130–149. (In Russ.).
17. Minat V.N. Regionalizatsiia razvitiia chelovecheskogo kapitala i regional'naia innovatsionnaia politika SShA [Regionalization of Human Capital Development and Regional Innovation Policy of the USA], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 3 (103), pp. 169–191. (In Russ.).
18. Labor Force Statistics from the Current Population Survey. 2020, *U.S. Bureau of Labour Statistics*. Available at: <https://www.bls.gov/cps/cpsa2020.pdf>
19. Labor Force Participation Rate, *FRED*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release/tables?rid=446&eid=784070#snid=784132>
20. Alternative Measures of Labor Underutilization for States. U.S. Bureau of Labour Statistics, *FRED*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=353&soid=22>
21. Characteristics of Minimum Wage Workers. U.S. Bureau of Labour Statistic, *FRED*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=384&soid=22>

22. Labor Force Participation by State. U.S. Bureau of Labour Statistics, *FRED*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=446&soid=22>
23. Unemployment in States and Local Areas (all other areas). U.S. Bureau of Labour Statistics, *FRED*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=116&soid=22>
24. Porokhovskii A.A. Natsional'naia infrastruktura kak faktor ekonomicheskogo razvitiia SShA [National Infrastructure as a Factor of US Economic Development], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2022, No. 6, pp. 5–20. (In Russ.).
25. Social Security Administration. Social Insurance Programs, *Social Security account*. Available at: <https://www.ssa.gov/policy/docs/progdsc/sspus/oasdi.pdf>
26. U.S. Department of Health and Human Services. Programs and services, *U.S. Department of Health and Human Services*. Available at: <https://www.hhs.gov/about/budget/fy2022/index.html>
27. Vulnerable Youth: Employment and Job Training Programs. 2020, *Congressional Research & Service*. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R40929>
28. Youth Labor Force Indicators in the Context of COVID-19. 2020, *Congressional Research & Service*. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11491>

IMPLEMENTATION OF SOCIAL PROGRAMS IN CONDITIONS OF INCREASING LABOR PRECARIZATION: REGIONAL ASPECTS ON THE EXAMPLE OF THE USA

The current complex phenomenon of labor precarization has been extremely actively developed in the United States of America, especially over the past two decades. Undoubtedly, the main reason for the increase in the share of the precariat in the labor market is economic development based on a change in technological patterns, which is characterized in the capitalist economy, on the one hand, by an increase in the role of human capital, and on the other hand, by its overconcentration, including at the intra-country regional level. The emergence and development of a new form of labor relations invariably leads to the need to revise social policy. The regional aspects of the implementation of social programs considered in this paper, which are to some extent capable of mitigating the consequences of the instability of employment and the insecurity of labor relations in the United States for the period 2007–2020, serve as one of the explanations for the intensifying processes of regionalization observed in the country. The result of the study was the identification of two main aspects of the implementation of social programs at the level of subregions and individual states of the country. The first reflects the further regionalization of federal relations in terms of social support for the population, carried out without taking into account the growing precarization of labor in regions with the largest share of the precariat among the employed. The second aspect, which takes into account the structural features of the distribution of funding in the areas of education, health care and social protection of the population, reveals the authorities' attempt to carry out balanced social programming in the subregions that are potential centers of the "new industrialization" of the American economy. This approach is aimed at preserving and qualitatively developing the human capital of the region by smoothing out the negative consequences of labor precarization.

Keywords: precariat, labor precarization, social programs, human capital, US subregions.
JEL: I18, I28, I38, J48, J78

Дата поступления – 18.05.2023 г.

МИНАТ Валерий Николаевич

кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева» / ул. Костычева, д. 1, Рязань, 390044.

e-mail: minat.valera@yandex.ru

MINAT Valery N.

Cand. Sc. (Geography), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management;

Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Kostychev Ryazan State Agrotechnological University" / 1, Kostycheva Str., Ryazan, 390044.

e-mail: minat.valera@yandex.ru

Для цитирования:

Минат В.Н. Реализация социальных программ в условиях нарастающей прекаризации труда: региональные аспекты на примере США // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 139–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-139-160>

**С.Д. ВАЛЕНТЕЙ, А.Р. БАХТИЗИН, С.В. БОРИСОВА,
А.В. КОЛЬЧУГИНА, Л.Н. ЛЫКОВА**

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ*

За период с 2020 г. по настоящее время как отечественная экономика, так и экономики субъектов Российской Федерации подверглись двум шокам — шоку, вызванному COVID-19 и шоку, вызванному санкционной политикой в отношении России. Как показали наши исследования, региональные экономики относительно благополучно преодолели негативные последствия пандемии, понеся меньшие потери, нежели первоначально гипотетически прогнозировались. Попытка определить степень негативных последствий санкций на региональном уровне предпринята в настоящей статье. Вместе с тем авторы понимают, что проблема требует дальнейшего исследования, поскольку, во-первых, до конца не преодолено воздействие на национальную и региональные экономики ковидных и постковидных ограничений. Во-вторых, поскольку санкции вводились (и вводятся) не одномоментно, а по нарастающей, они по-разному влияют (и будут влиять) на региональные экономики с различной отраслевой специализацией предприятий.

Ключевые слова: регион, бюджетный федерализм, федеративные отношения, региональная экономика, тренды развития.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

В 2020 г. российская экономика, как и экономики других стран, столкнулась с ограничениями развития, вызванными пандемией COVID-19. Для определения того, как эти ограничения повлияли на социально-экономическую ситуацию в субъектах Российской Федерации (далее — субъекты РФ), была разработана методология, результаты при-

* Статья подготовлена в рамках совместной деятельности ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», ФГБУН «Институт экономики РАН» и ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН» в составе консорциума «Региональная политика», созданного в рамках ПСАЛ «Приоритет-2030».

менения которой были опубликованы в статье «Тренды развития субъектов Российской Федерации в период пандемии» [1]¹.

В ходе исследования удалось выделить:

- «регионы, в которых обеспечение определенного уровня социального благополучия может быть достигнуто за счет развития собственной экономики, поддержки бизнеса и всех форм хозяйственной активности;
- регионы, для которых в краткосрочном периоде этого фактора недостаточно» [1, с. 167].

В опубликованной в 2022 г. статье «Тренды развития региональных экономик в России» отмечалось, что «пандемия 2020–2021 гг. вызвала падение значений индекса социального блока, в хозяйственном блоке имели место разнонаправленные тенденции:

- в социальном блоке у всех субъектов РФ, за редким исключением, в 2020 г. отмечено падение индекса (максимально – на 16,5%). В 2021 г. ситуация несколько выправилась: 12 регионов дали невыраженный рост, остальные регионы продолжили снижение, но менее выраженное. В целом у всех субъектов РФ отмечается снижение индекса по социальному блоку относительно докризисного 2019 г. Причем у 67% более чем на 10%;
- в 2020 г. в хозяйственном блоке 23 региона демонстрируют даже некоторый рост индекса, но остальные – падение, порой достаточно существенное (до 32%)» [2, с. 216–217].

В 2021 г. почти все субъекты РФ продемонстрировали достаточно существенный рост. Исключение составили регионы, в предыдущий год показавшие рост, а в 2021 г., за редким исключением, резкое отложенное падение. В целом за кризисный период были разнонаправленные тенденции: почти 50% регионов показали рост индекса в основном более чем на 10%, другая половина – падение.

С февраля 2022 г. экономикам субъектов РФ приходится отвечать на вызовы, порожденные масштабными экономическими санкциями. В основу выбора механизмов преодоления возникающих в этой связи проблем не может быть положена *формальная констатация* того, что ограничения внешнеэкономических связей, связанные пандемией, и ограничения, реализующиеся после начала спецоперации, имеют различную природу. Поэтому, как и ранее, исследуя взаимосвязь между «качеством социальной среды» регионов и хозяйственной деятельностью на их территории, а также определяя источники финансового обеспечения решения социальных задач в субъектах РФ, мы попытались ответить на центральный вопрос – *произошло или не произошло изменение трендов развития региональных экономик* в качественно новой для страны и общества социально-экономической ситуации?

¹ Краткое изложение содержания методологии см.: [1, с. 128–131].

Решая данную задачу, авторы не корректировали методологию анализа, группируя субъекты РФ в соответствии с прежней методикой².

Социальный блок

По социальному блоку в 2022 г. выделено 5 групп субъектов РФ (I, I-м, II, II-м и III.) Самой многочисленной оказалась группа II-м, в которой регионы мигрируют между группами со средними и низкими значениями индекса.

В **Группу I** (благополучные субъекты РФ с устойчивым трендом развития) входят, как и в 2021 г., Москва и Московская область, Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область (см. табл. 1)³.

Т а б л и ц а 1

Значения индексов для группы I по годам^{*)}

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. г. Москва	0,62239	0,66715	0,70070	0,69584	0,61752	0,63576	0,62938
2. Ямало-Ненецкий АО	0,56734	0,59207	0,60831	0,60662	0,60628	0,58959	0,59974
3. Московская область	0,55132	0,59459	0,59789	0,60785	0,53337	0,58174	0,53412
4. Сахалинская область	0,52254	0,55353	0,58842	0,59058	0,55709	0,54174	0,51552

Источник: составлено авторами по [3; 4].

*) Здесь и далее регионы упорядочены по убыванию значения индекса в 2022 г.

Наивысшие значения индекса социального блока отмечались в 2018 г. и 2019 г. Но если нефтедобывающие регионы самые низкие результаты показали в 2016 г., то Москва и Московская область — в 2020 г., несколько восстановив его в 2021 г.

В 2022 г. регионы (кроме Ямало-Ненецкого АО) почти приблизились к уровню 2019 г. Однако Московская и Сахалинская области демонстрировали некоторое снижение значения индекса.

В **Группу I-м** (благополучные субъекты РФ с неустойчивым трендом развития, мигрирующие между группой I и группой II) вошло 10 регионов.

Наилучшие результаты демонстрируют 2018 г. и 2019 г. Тогда высокие значения имели 9 из 10-ти субъектов РФ (см. табл. 2). Наихудшие ре-

² Выделены: группа I — субъекты РФ со стабильными высокими значениями индексов; группа II — субъекты РФ со средними значениями индексов; группа III — субъекты РФ с низкими значениями индексов; группа I-м — субъекты РФ с высокими и средними значениями; группа II-м — субъекты РФ со средними и низкими значениями; группа III-м — субъекты РФ с высокими, средними и низкими значениями.

³ По уточненным статистическим данным по такому показателю, как «Заболеваемость на 1 000 чел.», в рейтинг 2021 г. были внесены два изменения по социальному блоку: Ненецкий АО показал в 2021 г. только средние значения индекса и переместился из группы I в группу I-м, а Ростовская область, наоборот, показала не низкие, а, как и в предыдущие годы, средние значения и переместилась из группы II-м в группу II.

зультаты отмечаются в 2022 г. Только Ханты-Мансийский АО вошел в группу I с высокими значениями индекса.

Т а б л и ц а 2

Регионы, мигрирующие между I и II группами

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Ханты-Мансийский АО – Югра	0,48184	0,52454	0,54966	0,55095	0,53214	0,52973	0,55032
2. Краснодарский край	0,49457	0,51825	0,53804	0,51806	0,48730	0,48602	0,49617
3. г. Санкт-Петербург	0,53259	0,56710	0,56783	0,55360	0,49733	0,51077	0,49000
4. Тюменская область без авт. округов	0,47201	0,49439	0,51581	0,51133	0,47316	0,46870	0,48646
5. Чукотский АО	0,41264	0,47839	0,45044	0,49041	0,50312	0,44548	0,48025
6. Ленинградская область	0,44760	0,50461	0,51614	0,51614	0,47632	0,47252	0,47544
7. Магаданская область	0,49155	0,52586	0,53683	0,54029	0,53114	0,48176	0,45929
8. Ненецкий АО	0,50193	0,51815	0,57950	0,54944	0,51269	0,43491	0,45307
9. Республика Саха (Якутия)	0,43872	0,47763	0,53381	0,50017	0,48199	0,45227	0,45002
10. г. Севастополь	0,42641	0,48519	0,51220	0,50053	0,45493	0,42147	0,44796

Источник: составлено авторами по [3; 4].

В ней можно выделить 3 подгруппы:

1) один раз или дважды входящие в группу с более низкими значениями (слабовыраженная неустойчивость);

2) половину рассматриваемого периода входившие в группу с более низкими значениями (неустойчивость);

3) большую часть рассматриваемого периода входившие в группу с более низкими значениями индекса (выраженная неустойчивость с тенденцией к снижению).

Три региона можно отнести к подгруппе благополучных регионов со слабовыраженным неустойчивым трендом. Ханты-Мансийский АО лишь один раз имел среднее значение индекса, Ненецкий АО и г. Санкт-Петербург — дважды.

В подгруппу благополучных регионов с неустойчивостью входят: Ленинградская и Магаданская области, Краснодарский край.

Республика Саха (Якутия), Тюменская область без автономных округов, г. Севастополь и Чукотский АО, большее количество лет входящие в группу со средними значениями, — это подгруппа благополучных регионов с выраженной неустойчивостью и с тенденцией к снижению.

В 2022 г. только Ханты-Мансийский АО имел высокие значения индекса, почти достигнув результатов докризисного 2019 г. Все остальные субъекты РФ имели в 2022 г. средние значения. При этом Санкт-

Петербург и Магаданская область демонстрируют отрицательную динамику и показывают снижение значения индекса по сравнению с 2021 г. Тюменская область без автономных округов, Чукотский АО, Ненецкий АО, Краснодарский край, г. Севастополь имеют близкие значения с предыдущим годом или в них даже отмечается рост.

Группа II (субъекты РФ со средним значением индекса в течение рассматриваемого периода). В 8 субъектов РФ самые высокие значения у большинства регионов отмечались в 2017 г. и в 2019 г. (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Значения индексов для группы II по годам

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Республика Татарстан	0,46695	0,49079	0,49456	0,49355	0,45957	0,48730	0,47600
2. Ростовская область	0,40497	0,43062	0,43819	0,44920	0,42015	0,44273	0,42559
3. Воронежская область	0,44018	0,48162	0,48178	0,48822	0,42785	0,43343	0,41844
4. Свердловская область	0,43088	0,48090	0,48803	0,48824	0,44146	0,44458	0,41209
5. Калининградская область	0,42313	0,43487	0,44758	0,45590	0,42296	0,44574	0,40787
6. Белгородская область	0,44889	0,48159	0,46522	0,48600	0,44694	0,43459	0,40439
7. Новосибирская область	0,41356	0,45316	0,44902	0,45378	0,40829	0,41422	0,40398
8. Липецкая область	0,43384	0,48127	0,46683	0,49134	0,43658	0,42158	0,40302

Источник: составлено авторами по [3; 4].

В 2022 г. Мурманская область, Камчатский, Хабаровский и Приморский края показали значения индекса ниже 0,4 и выбыли из группы. Остальные субъекты РФ демонстрируют отрицательную динамику, а большинство регионов (за исключением Республики Татарстан и Ростовской области) имеют самые низкие значения в рассматриваемом периоде. Наиболее выраженное снижение значения индекса показали Свердловская, Калининградская и Белгородская области.

Группа II-м (субъекты РФ со средним, но неустойчивым уровнем благополучия, мигрирующие между группой II со средним значением индекса и группой III с низким значением индекса /менее 0,4/) – самая многочисленная группа рейтинга (46 регионов).

Лучшие результаты, когда максимальное количество субъектов РФ имело средние, а не низкие значения индекса, отмечается в 2019 г. В этом году только три региона из группы входили в группу с низким значением индекса. Худшие результаты отмечаются в 2022 г., когда почти все регионы, кроме четырех (см. табл. 4) входят в группу с низким значением индекса.

Т а б л и ц а 4

Регионы, мигрирующие между группами II и III

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Чеченская Республика	0,38345	0,42391	0,45025	0,43672	0,39982	0,42185	0,42005
2. Республика Башкортостан	0,42158	0,44669	0,44442	0,43754	0,39402	0,40595	0,41275
3. Красноярский край	0,40392	0,43932	0,45525	0,43851	0,39892	0,41979	0,40183
4. Республика Адыгея	0,38698	0,41514	0,43796	0,44817	0,41464	0,42455	0,40163
5. Камчатский край	0,41642	0,47792	0,48991	0,49560	0,49033	0,46360	0,39992
6. Мурманская область	0,41889	0,44774	0,45286	0,46835	0,43933	0,43866	0,39550
7. Республика Дагестан	0,41862	0,44842	0,45761	0,41584	0,39236	0,37241	0,39467
8. Челябинская область	0,36475	0,39191	0,40615	0,40647	0,37258	0,39992	0,39341
9. Хабаровский край	0,44072	0,46912	0,48815	0,46446	0,44813	0,44203	0,39164
10. Приморский край	0,40071	0,43582	0,45140	0,44419	0,41714	0,42740	0,38952
11. Кабардино-Балкарская Республика	0,37662	0,42201	0,45503	0,41816	0,38874	0,38960	0,38676
12. Тульская область	0,38003	0,41347	0,41587	0,43460	0,37632	0,38053	0,38624
13. Нижегородская область	0,39510	0,42489	0,41240	0,43435	0,39355	0,39964	0,38263
14. Ставропольский край	0,38279	0,41262	0,42122	0,43795	0,38061	0,39619	0,38010
15. Амурская область	0,37716	0,43545	0,42488	0,41658	0,37970	0,39774	0,37790
16. Удмуртская Республика	0,38463	0,41149	0,40791	0,40903	0,37910	0,36655	0,37722
17. Курская область	0,39776	0,43860	0,42629	0,44245	0,40464	0,40724	0,37589
18. Волгоградская область	0,37832	0,40717	0,41367	0,40770	0,38149	0,37951	0,37117
19. Пермский край	0,38972	0,42507	0,42351	0,43016	0,40182	0,37601	0,36961
20. Республика Бурятия	0,38932	0,41279	0,42488	0,39949	0,38112	0,37194	0,36878
21. Омская область	0,37143	0,39492	0,40842	0,40040	0,36418	0,35336	0,36661
22. Архангельская область без авт. округа	0,38005	0,42508	0,43096	0,42039	0,40250	0,38502	0,36636
23. Волгоградская область	0,37468	0,39152	0,40394	0,40756	0,38058	0,34719	0,36540
24. Республика Северная Осетия – Алания	0,37271	0,41031	0,43937	0,38154	0,34611	0,38770	0,36347
25. Самарская область	0,39390	0,43387	0,43686	0,43859	0,38817	0,39353	0,36320

Источник: составлено авторами по [3; 4].

О к о н ч а н и е т а б л . 4

1	2	3	4	5	6	7	8
26. Саратовская область	0,36571	0,39600	0,39531	0,43152	0,36184	0,35615	0,36208
27. Чувашская Республика	0,36286	0,39428	0,38103	0,40889	0,37028	0,38030	0,36088
28. Республика Коми	0,36936	0,39680	0,40959	0,40243	0,38514	0,36426	0,35957
29. Оренбургская область	0,38834	0,39099	0,40311	0,40186	0,38503	0,38194	0,35895
30. Ярославская область	0,37131	0,40623	0,41458	0,40773	0,37764	0,37804	0,35891
31. Тамбовская область	0,40731	0,45457	0,43347	0,43864	0,40688	0,39635	0,35882
32. Республика Мордовия	0,37074	0,38970	0,39613	0,41320	0,35229	0,35159	0,35711
33. Владимирская область	0,34330	0,39429	0,38803	0,40676	0,34487	0,32505	0,35583
34. Рязанская область	0,39647	0,41499	0,40475	0,42809	0,36387	0,36327	0,35455
35. Астраханская область	0,40144	0,43454	0,41696	0,41005	0,38931	0,37170	0,35142
36. Республика Карелия	0,35760	0,36180	0,39268	0,40417	0,36682	0,35773	0,34914
37. Томская область	0,41711	0,41515	0,43570	0,42262	0,38741	0,36785	0,34487
38. Брянская область	0,36258	0,38719	0,40974	0,41327	0,37978	0,39010	0,34438
39. Калужская область	0,40590	0,44414	0,44689	0,44678	0,41364	0,39779	0,34436
40. Кировская область	0,37803	0,40743	0,40047	0,40097	0,37030	0,35194	0,34080
41. Пензенская область	0,39833	0,40296	0,41262	0,39927	0,36703	0,38195	0,33743
42. Ульяновская область	0,37200	0,40764	0,39360	0,41421	0,37546	0,37284	0,33593
43. Тверская область	0,33971	0,39529	0,39266	0,41207	0,37310	0,35120	0,33322
44. Псковская область	0,33719	0,36576	0,39795	0,40548	0,36280	0,37534	0,33238
45. Республика Крым	0,32460	0,42135	0,41426	0,42711	0,37858	0,36106	0,31879
46. Республика Ингушетия	0,35218	0,39387	0,40764	0,40112	0,34791	0,30150	0,24046

К подгруппе со средними значениями индекса со слабовыраженным неустойчивым трендом можно отнести 11 субъектов РФ. Из них за рассматриваемый период один раз имели низкие значения индекса 7 регионов: Красноярский край, Республика Адыгея, Башкортостан, а также Мурманская область, Камчатский, Хабаровский и Приморский края, впервые показавшие низкие значения в 2022 г. Дважды имели низкие значения индекса Чеченская Республика, Калужская, Тамбовская и Курская области.

Только в этой подгруппе часть регионов имела в 2022 г. не низкие, как остальные регионы группы, а средние значения.

Средние значения половину рассматриваемого периода (подгруппа с неустойчивым трендом) имели 17 регионов.

К подгруппе со средними значениями индекса, но с выраженной неустойчивостью и с тенденцией к снижению относятся те же 18 регионов группы, что и в 2021 г. Большее количество лет (5–6 раз за рассматриваемый период) эти субъекты РФ имели низкие значения индекса. К ним относятся Челябинская, Псковская, Брянская, Пензенская, Ульяновская, Оренбургская, Омская, Саратовская, Тверская, Волгоградская, Владимирская области, республики Северная Осетия – Алания, Республики Мордовия, Бурятия, Коми, Карелия, Ингушетия, Чувашская Республика.

В 2022 г. 9 регионов показали, хоть и не значительный, но рост значения индекса. Среди них республики Башкортостан, Дагестан, Удмуртия, Мордовия, Тульская, Омская, Саратовская области, а наиболее выраженное повышение – Волгоградская и Владимирская области.

Псковская, Мурманская, Курская, Самарская, Тамбовская, Брянская, Калужская области, Республики Крым и Ингушетия, Камчатский, Хабаровский и Приморский края демонстрируют достаточно выраженное снижение. Остальные – незначительное снижение или равные по сравнению с 2021 г. значения индекса.

В итоге в 2022 г. значения индекса у всех субъектов РФ группы не достигло уровня докризисного 2019 г.

Группа III (стабильно неблагополучные субъекты РФ с низким значением индекса в течение всего рассматриваемого периода /ниже 0,4/).

В 2022 г. число и состав группы не изменились по сравнению с 2021 г. В группу входят 17 субъектов РФ (см. табл. 5). Из них 7 регионов Сибирского федерального округа (ФО) (Алтайский и Забайкальский края, Кемеровская и Иркутская области, Республики Алтай, Тыва и Хакасия); 4 – Центрального ФО (Ивановская, Смоленская, Орловская и Костромская области); 1 – Северо-Западного ФО (Новгородская область); 1 – Приволжского ФО (Республика Марий Эл); 1 – Южного ФО (Республика Калмыкия); 1 – Северо-Кавказского ФО (Карачаево-Черкесская Республика); 1 – Уральского ФО (Курганская область); 1 – Дальневосточного ФО (Еврейская автономная область).

Т а б л и ц а 5

Значения индексов для группы III по годам

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Смоленская область	0,36701	0,39497	0,38712	0,39588	0,36356	0,35130	0,36248
2. Республика Тыва	0,31200	0,31844	0,35514	0,34084	0,35008	0,33593	0,36217
3. Новгородская область	0,38018	0,38897	0,38843	0,38592	0,35633	0,37675	0,35955
4. Республика Хакасия	0,35061	0,38937	0,39055	0,38394	0,35722	0,36312	0,34951

Источник: составлено авторами по [3; 4].

О к о н ч а н и е т а б л . 5

1	2	3	4	5	6	7	8
5. Алтайский край	0,30822	0,35464	0,36565	0,36121	0,34086	0,31817	0,34200
6. Иркутская область	0,32913	0,36550	0,37638	0,38653	0,35699	0,35428	0,33817
7. Орловская область	0,34207	0,38083	0,38780	0,37038	0,36160	0,36836	0,33691
8. Забайкальский край	0,35713	0,38702	0,38319	0,37173	0,36329	0,34515	0,33437
9. Кемеровская область	0,34809	0,37644	0,37466	0,37450	0,35567	0,34591	0,33235
10. Костромская область	0,35622	0,39378	0,39595	0,39577	0,34557	0,36235	0,32980
11. Еврейская автономная область	0,29180	0,35816	0,37473	0,35638	0,35801	0,33736	0,32328
12. Республика Калмыкия	0,32222	0,35070	0,36774	0,37929	0,36712	0,29233	0,32151
13. Республика Марий Эл	0,34707	0,39225	0,36243	0,38762	0,34591	0,35332	0,32083
14. Карачаево-Черкесская Республика	0,31937	0,36873	0,38797	0,35528	0,34244	0,33253	0,31997
15. Курганская область	0,30201	0,35772	0,33838	0,34523	0,32680	0,30753	0,31155
16. Ивановская область	0,32764	0,39009	0,37266	0,37707	0,34820	0,34542	0,30879
17. Республика Алтай	0,33084	0,35193	0,38424	0,35291	0,34251	0,32861	0,28802

В 2022 г. регионы группы, кроме Смоленской и Курганской области, Республик Тывы и Калмыкии, Алтайского края, *показали падение значения индекса*. Максимальное падение продемонстрировали Костромская и Ивановская области, Республика Алтай.

За рассматриваемый период в 2022 г. отмечены самые низкие результаты по социальному блоку (см. табл. 6). В 2022 г. самое малое число регионов показывали высокое или среднее значение индекса, а низкое значение, наоборот, имело самое большое число регионов.

Т а б л и ц а 6

**Распределение групп с высоким, средним и низким значением индекса
социального блока по годам**

Группы субъектов РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Регионы с высоким значением индекса	6	10	13	13	8	6	5
Регионы со средним значением индекса	27	44	47	52	24	25	21
Регионы с низким значением индекса	52	31	25	20	53	54	59

Источник: составлено авторами.

В 2022 г. всего 11 субъектов РФ показали некоторое повышение значения индекса по сравнению с 2021 г. Высокие значения сохранили только регионы группы I и Ханты-Мансийский АО из группы I-м (*подгруппа благополучных регионов со слабовыраженным неустойчивым трендом*).

Среди достаточно благополучных регионов повысили значения индекса и почти достигли докризисного 2019 г. Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО. Некоторый рост по сравнению с 2021 г. показали Тюменская область без автономных округов, Чукотский АО, Ненецкий АО, Краснодарский край, г. Севастополь, но они не достигли уровня 2019 г.

Санкт-Петербург и Магаданская область демонстрируют отрицательную динамику и показывают снижение значения индекса по сравнению с 2021 г. Наиболее негативная динамика была характерна для субъектов РФ со средними значениями индекса. Из группы со стабильно средними значениями выбыло 4 региона, показав впервые низкие значения. Остальные показали снижение значений по сравнению с 2021 г.

Большая часть регионов из группы со средними, но неустойчивыми значениями индекса в 2022 г. имели низкие значения — 42 из 46.

В группе с низкими значениями мы имеем более благоприятные результаты: 4 из 17 регионов показали некоторый рост.

Анализ первичных статистических данных позволяет говорить об *основном вкладе в падение значения индекса социального блока* в регионах Российской Федерации в первую очередь *роста потребительских цен* в 2022 г. Вследствие инфляции даже при некотором повышении среднедушевого дохода реальные денежные доходы населения понизились по сравнению с 2021 г. на 1,4%⁴. В 2022 г. также продолжилась отрицательная динамика по такому показателю, как «коэффициент естественного прироста населения», который по России в целом составил -4,1. Наиболее сильное снижение показателя отмечается в ряде регионов Центрального ФО⁵.

Хозяйственная деятельность

Иную картину мы наблюдаем по хозяйственной активности в регионах Российской Федерации в 2022 г. Несмотря на беспрецедентное санкционное давление в 2022 г. только один регион имел низкое значение индекса инвестиционной и хозяйственной активности по выделенному нами перечню показателей, 45 субъектов РФ имели средние значения индекса и 39 — высокие значения индекса. Это лучший результат (*см. табл. 7*) в рассматриваемом периоде (в следующий за ним по результатам 2019 г. было 34 региона с высоким значением индекса и также 1 субъект РФ — с низким).

⁴ Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep_region1.htm

⁵ Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Т а б л и ц а 7

**Распределение групп с высоким, средним и низким значением индекса
хозяйственной активности по годам**

Группы субъектов РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Регионы с высоким значением индекса	12	21	18	36	12	30	39
Регионы со средним значением индекса	65	61	64	48	62	51	45
Регионы с низким значением индекса	8	3	3	1	11	4	1

Источник: составлено авторами.

В целом картина распределения регионов по хозяйственному блоку схожа с рейтингом 2021 г. Всего были выделены 4 группы: группы I-м, II, II-м, и III-м. Стабильно высоких значений по хозяйственной деятельности (в отличие от социального блока) в рассматриваемом периоде *не демонстрирует ни один регион*. Но все регионы группы I по социальному блоку входят в группу I-м хозяйственного блока.

Самая многочисленная по хозяйственному блоку группа I-м. В ней регионы мигрируют между группами с высокими и средними значениями индекса. В этом также *состоит отличие рейтинга по хозяйственному блоку от рейтинга регионов по социальному блоку*, где большая часть субъектов РФ находится в менее благополучной группе (группа II-м).

В хозяйственном блоке в отличие от социального нет регионов со стабильно низкими значениями индекса (группа III), в то время как в социальном блоке таких 17. Одновременно, в отличие от социального блока, в хозяйственном блоке выделяется группа III-м, где регионы мигрировали между тремя группами, показывающими высокие, средние или низкие значения (*группа с выраженной неопределенностью тенденции развития*).

Группа I-м — группа благополучных субъектов РФ с неустойчивым трендом развития. Регионы, попадающие то в группу I с высоким значением индекса, то в группу II (со средним значением индекса менее 0,5, но выше 0,4). Она самая многочисленная в блоке хозяйственной деятельности в 2022 г. — 51 субъект РФ (*см. табл. 8*). Таким образом, более половины (60%) всех регионов демонстрируют пусть не стабильные, но в целом высокие значения индекса.

В рассматриваемый период лучшие результаты в группе отмечались в 2019 г., когда высокие значения индекса имели 32 региона группы, средние — 17 регионов. Худшие (наименьшее число регионов входило в группу I с высокими значениями индекса) — отмечались в 2016 г. (лишь 10 субъектов РФ входили в группу с высокими значениями) и в 2020 г. (9 регионов).

В 2022 г. результаты выше среднего уровня показали 29 регионов (на 3 больше, чем в 2021 г.). Только средние результаты показали 22 субъекта РФ. При этом самые высокие значения индекса показали

наряду с сырьевыми регионами (Ханты-Мансийским, Ямало-Ненецким и Чукотским АО) ряд промышленных регионов (Владимирская и Иркутская области).

Т а б л и ц а 8

Регионы, мигрирующие между I и II группами

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Владимирская область	0,44919	0,46379	0,43334	0,50961	0,44905	0,47857	0,60767
2. Чукотский АО	0,44546	0,40052	0,54141	0,59638	0,51088	0,58417	0,60079
3. Чеченская Республика	0,48254	0,46287	0,48174	0,52047	0,45431	0,60918	0,59813
4. Ханты-Мансийский АО – Югра	0,49806	0,53725	0,50337	0,53943	0,53275	0,46756	0,59040
5. Камчатский край	0,51464	0,54937	0,48637	0,47738	0,50002	0,50039	0,58114
6. Иркутская область	0,53569	0,46037	0,47317	0,49834	0,48410	0,50224	0,58066
7. Ямало-Ненецкий АО	0,59174	0,49742	0,52993	0,52477	0,57275	0,52989	0,58028
8. Амурская область	0,48056	0,56952	0,46459	0,55216	0,45813	0,54000	0,57258
9. Нижегородская область	0,42747	0,47684	0,48113	0,48268	0,53017	0,48274	0,56743
10. Магаданская область	0,42660	0,47331	0,52546	0,50134	0,54470	0,61201	0,56020
11. Ненецкий АО	0,48889	0,52350	0,44611	0,52054	0,47915	0,43868	0,55838
12. Республика Татарстан	0,49249	0,49505	0,46974	0,50064	0,52057	0,51445	0,55662
13. Курганская область	0,43502	0,40834	0,46140	0,54675	0,41844	0,46406	0,53785
14. Красноярский край	0,45621	0,47599	0,45464	0,46563	0,47128	0,47506	0,53758
15. Самарская область	0,43987	0,46897	0,46962	0,52237	0,44606	0,50969	0,53487
16. г. Москва	0,48955	0,51304	0,52115	0,53271	0,49514	0,56580	0,52494
17. Воронежская область	0,48455	0,49519	0,46994	0,53418	0,43857	0,50519	0,52414
18. Республика Адыгея	0,46182	0,53753	0,59890	0,58735	0,47770	0,44614	0,52301
19. Республика Дагестан	0,41928	0,44251	0,54540	0,47820	0,43046	0,50237	0,51848
20. Ленинградская область	0,50961	0,55499	0,56164	0,46594	0,44368	0,51520	0,51810
21. Республика Башкортостан	0,47463	0,42908	0,46906	0,53722	0,47532	0,46744	0,51707
22. Свердловская область	0,42750	0,45946	0,48674	0,50955	0,44357	0,48106	0,51527
23. Омская область	0,42282	0,45428	0,46869	0,51773	0,47542	0,42170	0,51523

Источник: составлено авторами по [3; 4].

О к о н ч а н и е т а б л . 8

1	2	3	4	5	6	7	8
24. Челябинская область	0,41759	0,45530	0,52281	0,50588	0,44082	0,41698	0,51444
25. Забайкальский край	0,42778	0,45221	0,41934	0,46929	0,50345	0,46847	0,51095
26. Пермский край	0,48509	0,45926	0,46017	0,49590	0,44086	0,47161	0,50920
27. Белгородская область	0,44675	0,47178	0,46782	0,52558	0,44067	0,47528	0,50780
28. Краснодарский край	0,44730	0,49520	0,47121	0,45270	0,46775	0,50970	0,50748
29. Московская область	0,45938	0,51187	0,52665	0,51381	0,44447	0,51663	0,50388
30. Ставропольский край	0,44996	0,51553	0,48656	0,54564	0,45623	0,53068	0,49680
31. Оренбургская область	0,43414	0,49780	0,40267	0,51334	0,43772	0,44029	0,49668
32. Ярославская область	0,47371	0,46266	0,44720	0,49172	0,44471	0,51683	0,49125
33. Республика Крым	0,56165	0,61948	0,55213	0,41558	0,42068	0,45464	0,49036
34. Карачаево-Черкесская Республика	0,42613	0,49454	0,48989	0,43716	0,48728	0,55661	0,48956
35. Рязанская область	0,44493	0,50865	0,44860	0,49423	0,45021	0,49481	0,48725
36. Ростовская область	0,46293	0,49028	0,43582	0,45675	0,49877	0,51649	0,48399
37. Сахалинская область	0,48550	0,51943	0,46141	0,52468	0,54970	0,47225	0,48209
38. Республика Мордовия	0,44498	0,52669	0,42840	0,47013	0,40116	0,49412	0,48131
39. Липецкая область	0,46041	0,49292	0,45075	0,50834	0,48546	0,47003	0,47723
40. Архангельская область без авт. округа	0,56819	0,49171	0,43192	0,44133	0,45680	0,46854	0,47713
41. Приморский край	0,44786	0,46989	0,46686	0,50068	0,44202	0,50062	0,47565
42. Тульская область	0,50950	0,46956	0,46738	0,55608	0,40301	0,54706	0,47498
43. Удмуртская Республика	0,48189	0,43921	0,45638	0,50941	0,49149	0,48022	0,47237
44. Кировская область	0,45793	0,47089	0,46104	0,51642	0,42160	0,49259	0,47073
45. г. Санкт-Петербург	0,51405	0,52022	0,52955	0,51871	0,47556	0,53118	0,46988
46. Волгоградская область	0,55513	0,45996	0,50245	0,57149	0,45043	0,47747	0,45743
47. Ульяновская область	0,41416	0,50653	0,45609	0,46878	0,46498	0,51006	0,45567
48. Новосибирская область	0,43899	0,47607	0,49726	0,53723	0,47035	0,48742	0,45382
49. Курская область	0,53425	0,50350	0,47814	0,48272	0,44838	0,52715	0,45216
50. Мурманская область	0,43768	0,50960	0,51595	0,40972	0,44604	0,53020	0,42062
51. Костромская область	0,41226	0,41842	0,45284	0,50509	0,44175	0,56668	0,41062

К подгруппе благополучных регионов со слабовыраженным неустойчивым трендом следует отнести те же 9 субъектов РФ, что и в 2021 г. При этом только 1 регион один раз в рассматриваемый период имел среднее, а не высокое значение индекса. Это Ямало-Ненецкий АО в 2017 г. Дважды имели не высокие, а средние значения индекса 8 регионов (Москва и Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская и Магаданская области, Камчатский и Чукотский края, Ханты-Мансийский АО).

Почти все субъекты РФ подгруппы сохранили свои высокие позиции, а Ханты-Мансийский АО в 2022 г. вновь показал значения индекса выше среднего уровня в отличие от 2021 г., когда входил в группу регионов со средними значениями. Только 1 регион (г. Санкт-Петербург) в 2022 г. показал среднее значение индекса.

Практически половину рассматриваемого периода (3 или 4 года) 17 субъектов РФ имели высокие, а вторую половину средние значения индекса; они составили подгруппу благополучных регионов с неустойчивым трендом развития. При этом 3 региона (Республики Татарстан и Адыгея, Амурская область) имели высокие значения 4 года из 7 лет, а 14 регионов (Ненецкий АО, Мурманская, Самарская, Воронежская, Челябинская, Сахалинская, Тульская, Волгоградская и Курская области, Ставропольский край, Республики Крым, Чечня и Дагестан) — 3 года из 7 лет.

Высокие значения индекса в сложный из-за санкционного давления 2022 г. имели 10 субъектов РФ подгруппы. При этом 7 — сохранили высокие позиции по хозяйственному блоку — Амурская, Иркутская, Самарская, Воронежская, области, Республики Татарстан, Чечня, Дагестан, а Ненецкий АО, Республика Адыгея, Челябинская область улучшили свое положение в рейтинге по сравнению с предыдущим годом.

Остальные субъекты РФ показали лишь среднее значение индекса в 2022 г. Республика Крым, Сахалинская и Волгоградская области показали средние значения, как и в 2021 г. Тульская, Курская, Мурманская области, Ставропольский край показали более низкие значения по сравнению с 2021 г.

Регионы, большее количество лет входящие в группу со средними, а не с высокими значениями индекса (5–6 раз за рассматриваемый период), следует отнести к подгруппе благополучных регионов с выраженной неустойчивостью и с тенденцией к снижению. Это 25 субъектов РФ — чуть менее половины регионов группы (49%). В прошлогоднем рейтинге таковых было почти 2/3.

При этом Костромская, Ульяновская, Нижегородская, Свердловская, Владимирская, Белгородская, Курганская, Омская области, Республика Башкортостан, Краснодарский, Забайкальский и Приморский края имели высокие значения лишь дважды в рассматриваемый период. И только один раз в рассматриваемый период имели высокие значения индекса Ярославская, Ростовская, Рязанская, Кировская, Новосибирская, Липецкая, Оренбургская области, Архангельская область без автономных округов, Карачаево-Черкесская и Удмуртская Республики, Республика Мордовия, Пермский

и Красноярский края (последние два региона впервые показали значения индекса выше среднего, ранее показывая стабильно только средние значения).

Как и в предыдущей подгруппе, на санкционное давление регионы отреагировали разнонаправлено.

Краснодарский край в 2022 г. сохранил высокие позиции в рейтинге. Свои результаты по сравнению с 2021 г. улучшили 10 регионов, показав высокие значения индекса. К ним относятся Нижегородская, Свердловская, Владимирская, Белгородская, Курганская, Омская области, Республика Башкортостан, Забайкальский, Красноярский и Пермский края.

На санкционное давление отреагировали снижением результатов хозяйственной и инвестиционной активности 6 субъектов РФ (в 2021 г. имели высокие значения индекса): Приморский край, Ярославская, Ростовская, Ульяновская и Костромская области, Карачаево-Черкесская Республика. Остальные 7 регионов подгруппы, как и в 2021 г., показали средние значения.

Таким образом, в 2022 г. по хозяйственному блоку в группе I-м сохранили высокие позиции 15 регионов группы. Улучшили результаты по сравнению с 2021 г. 14 регионов. Сохранили средние значения индекса, как и в 2021 г., 11 субъектов РФ группы. Ухудшили свое положение в рейтинге в 2022 г. по сравнению с 2021 г. 11 регионов группы, показав только средние значения (Ярославская, Ростовская, Тульская, Ульяновская, Курская, Мурманская и Костромская области, Ставропольский и Приморский края, Карачаево-Черкесская Республика, г. Санкт-Петербург).

Группа II – субъекты РФ со стабильным средним значением индекса в течение рассматриваемого периода (значение индекса по блокам показателей и итоговому индексу ниже 0,5, но выше 0,4).

В этой группе, где субъекты РФ демонстрируют средние, но достаточно стабильные показатели по инвестициям и эффективности хозяйственной деятельности – 12 регионов (см. табл. 9).

Группа демонстрирует выраженную устойчивость.

Т а б л и ц а 9

Значения индексов для II группы по годам

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Волгоградская область	0,44529	0,49890	0,44254	0,46737	0,44332	0,45513	0,49632
2. Саратовская область	0,48222	0,49753	0,46144	0,47637	0,44956	0,46846	0,49284
3. Пензенская область	0,40342	0,48483	0,48005	0,47533	0,43804	0,44979	0,48495
4. Алтайский край	0,41808	0,48094	0,49926	0,47227	0,45691	0,44381	0,48386

Источник: составлено авторами по [3; 4].

О к о н ч а н и е т а б л . 9

1	2	3	4	5	6	7	8
5. Кабардино-Балкарская Республика	0,47755	0,43670	0,42803	0,40409	0,42657	0,44120	0,47251
6. Псковская область	0,45723	0,44755	0,43332	0,47179	0,43632	0,43881	0,47237
7. Орловская область	0,42237	0,42976	0,49813	0,47977	0,43515	0,48737	0,46719
8. Хабаровский край	0,45775	0,48747	0,44915	0,47823	0,47936	0,48144	0,46619
9. Калужская область	0,43148	0,45952	0,45203	0,49530	0,46318	0,49420	0,46284
10. Томская область	0,45029	0,44467	0,43649	0,48680	0,46870	0,46558	0,45967
11. Брянская область	0,42928	0,45107	0,45284	0,48476	0,46283	0,48709	0,43958
12. Смоленская область	0,46655	0,46214	0,49200	0,43006	0,44279	0,46750	0,40869

Только 3 региона в 2022 г. поменяли позицию в рейтинге по сравнению с 2021 г. Причем 2 из них повысили ее (Красноярский и Пермский края), и только 1 регион (Еврейская автономная область) показал низкие результаты. Следует отметить, что значения индекса большинства субъектов РФ (10 регионов) выше 0,45. А у ряда регионов (Волгоградская, Саратовская, Пензенская области, Алтайский край) эти значения колеблются от 0,48 до 0,49, что сильно приближено к высоким значениям.

Повысили значения индекса в 2022 г. по сравнению с 2021 г. 6 субъектов РФ (Волгоградская, Саратовская, Пензенская и Псковская области, Кабардино-Балкарская Республика и Алтайский край). Причем все они в итоге даже превысили уровень докризисного 2019 г.

У второй половины группы (Орловская, Калужская, Томская, Брянская и Смоленская области, Хабаровский край), наоборот, значение индекса снизилось.

Группа II-м – субъекты РФ со средним, но неустойчивым, уровнем благополучия (мигрируют между группой II со средним значением индекса и группой III с низким значением индекса /менее 0,4/).

Всего в группе 5 субъектов РФ. Все они относятся к *подгруппе со средними значениями с невыраженной неустойчивостью*, т.к. лишь один или два раза входили в группу с низкими значениями индекса хозяйственной деятельности (см. табл. 10).

Наилучшие результаты у регионов группы были в 2017 и 2019 гг., когда все они входили в группу со стабильно устойчивыми средними значениями, наихудшие – в 2016 г.

Состав группы в 2022 г. существенно поменялся. Новгородская область и Республика Карелия, впервые показав высокие результаты, переместились в группу III-м. А из группы II со стабильно средними результатами, наоборот, впервые показав низкие значения индекса, вошла Еврейская автономная область. Все остальные регионы группы повысили значения индекса в 2022 г.

Т а б л и ц а 10

Регионы, мигрирующие между II и III группами

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Республика Марий Эл	0,36212	0,41900	0,46555	0,47322	0,49849	0,44819	0,47526
2. Ивановская область	0,35997	0,46528	0,42895	0,47965	0,46649	0,45102	0,47477
3. Тверская область	0,47832	0,43350	0,42224	0,43220	0,39104	0,42920	0,42404
4. Астраханская область	0,40387	0,44027	0,39232	0,43414	0,43576	0,39706	0,42095
5. Еврейская автономная область	0,41725	0,40084	0,44252	0,46756	0,42103	0,40635	0,35616

Источник: составлено авторами по [3; 4].

Группа III-м – субъекты РФ, мигрирующие между группами с высоким, средним и низким рейтингом (I, II и III).

В отличие от социального блока, где таких субъектов РФ не было, в хозяйственном блоке *наблюдается более выраженный разброс*, когда в разные годы регионы могут входить то в I, то во II, то в III группу. Таких крайне нестабильных регионов в плане хозяйственной активности (см. табл. 11) за этот период пятая часть (17 субъектов РФ, или 20%).

Т а б л и ц а 11

Регионы, мигрирующие между тремя группами

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Чувашская Республика	0,42525	0,37783	0,44942	0,50264	0,41471	0,48891	0,60071
2. Тюменская область без авт. округов	0,47402	0,49420	0,51698	0,46641	0,38951	0,42635	0,57852
3. Республика Карелия	0,41729	0,47359	0,39308	0,45596	0,45238	0,44859	0,57182
4. Республика Калмыкия	0,35611	0,47262	0,57059	0,45066	0,57966	0,29745	0,57077
5. Республика Саха (Якутия)	0,51966	0,56067	0,48952	0,49788	0,37832	0,57870	0,56957
6. Республика Тыва	0,35764	0,39422	0,47502	0,51468	0,34932	0,40953	0,55278
7. г. Севастополь	0,59340	0,63193	0,45634	0,44712	0,33361	0,56392	0,54889
8. Республика Алтай	0,39074	0,49097	0,46608	0,47871	0,39758	0,53651	0,54591
9. Республика Бурятия	0,41999	0,49353	0,42902	0,57476	0,39300	0,47881	0,54302
10. Новгородская область	0,48464	0,45110	0,39315	0,38754	0,41673	0,43942	0,50579
11. Тамбовская область	0,47868	0,52771	0,42059	0,49508	0,37205	0,47248	0,48686

Источник: составлено авторами по [3; 4].

О к о н ч а н и е т а б л . 11

1	2	3	4	5	6	7	8
12. Кемеровская область	0,39156	0,48794	0,46307	0,50286	0,40510	0,39044	0,48039
13. Республика Северная Осетия – Алания	0,39265	0,42746	0,40594	0,45242	0,36936	0,51712	0,46427
14. Республика Хакасия	0,38680	0,40715	0,53743	0,42883	0,50192	0,45153	0,45655
15. Калининградская область	0,48985	0,52220	0,47401	0,40408	0,39946	0,44792	0,45207
16. Республика Коми	0,49004	0,38430	0,43624	0,42021	0,54883	0,34584	0,43870
17. Республика Ингушетия	0,44123	0,43980	0,57459	0,47882	0,35339	0,44213	0,41159

Источник: составлено авторами по [3; 4].

Наиболее благополучная ситуация в субъектах РФ группы отмечается наряду с 2018 и 2019 гг. в 2022 г., когда ни один регион не входит в группу с низкими значениями. И незначительно ситуация ухудшилась в 2022 г.: тогда было 10 регионов с высокими значениями, по сравнению с 2019 г., когда таких регионов было 11.

В 2022 г. отмечается переход 9 субъектов РФ в более благополучную группу по сравнению с 2021 г., и лишь 1 регион (Республика Северная Осетия – Алания) ухудшил свои позиции. Улучшили свои позиции Чувашская Республика, Тюменская область без автономных округов, Республики Карелия, Калмыкия, Тыва, Бурятия и Коми, Новгородская и Кемеровская области. Остальные регионы группы сохранили свои прежние позиции.

Самые высокие результаты в 2022 г. показали 7 регионов группы – Чувашская Республика, Тюменская область без автономных округов, Республики Карелия, Тыва, Бурятия, Алтай, Новгородская область.

Как было сказано ранее, в 2022 г. по хозяйственному блоку отмечаются самые высокие результаты. В этом году самое большое количество регионов с высокими значениями индекса. При этом 18 субъектов РФ их сохранили с 2021 г., а 21 – улучшили.

Анализ первичных статистических данных позволяет говорить о том, что в первую очередь в 2022 г. *возросла помощь со стороны государства*, направленная на развитие промышленного производства, в т.ч. были введены льготы при кредитовании различных отраслей. Это позволило интенсифицировать процесс инвестирования в основные фонды, увеличить долю привлеченных средств с 43,5% в 2021 г. до 45,8% в 2022 г. При этом доля бюджетных средств увеличилась с 17,8 до 20,2%. Из них в большей степени возросла доля федерального бюджета (с 7,7 до 9,6%). Но также увеличилась и доля регионального бюджета (с 8,9 до 9,3%).

Бюджетный показатель

Индексы субъектов РФ по социальному и хозяйственному блокам часто не совпадают. Поэтому важен анализ ситуации с бюджетной самодостаточностью субъектов РФ, которая характеризует способность региональной экономики обеспечить достойный уровень развития социальной среды собственными силами.

По бюджетному показателю 47 регионов имеют достаточно высокие значения (выше 0,8), но только 7 — стабильно высокий уровень: Москва и Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская, Ленинградская области и Красноярский край (см. табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Регионы группы I

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. г. Санкт-Петербург	0,91434	0,88738	0,97458	0,94003	0,87286	0,99549	1,15990
2. Сахалинская область	0,95676	0,92990	0,83296	0,90785	0,86036	0,96373	1,15696
3. Ямало-Ненецкий АО	0,98524	1,07905	1,19207	1,10356	0,80948	1,01389	1,00401
4. г. Москва	1,02460	0,98466	0,99922	0,96569	0,92808	0,94187	0,98947
5. Ленинградская область	0,95405	0,88327	1,02367	0,93882	0,84371	0,87441	0,88331
6. Красноярский край	0,84282	0,84614	0,85834	1,01514	0,84678	1,11374	0,85651
7. Ханты-Мансийский АО — Югра	0,93529	0,89763	1,10312	0,93374	0,88926	0,93983	0,83874

Источник: составлено авторами по [5; 6].

В 2022 г. из этой группы выбыла Мурманская область (значение показателя 0,7 против 1,0 в 2021 г., ранее самое малое значение индекса у области в рассматриваемом периоде было 0,86 в 2020 г.).

У Красноярского края и Ханты-Мансийского АО также имело место снижение значения показателя, но не так выражено. В некоторых регионах, наоборот, произошло увеличение значения бюджетного показателя — достаточно выражено в г. Санкт-Петербурге, Сахалинской области, в меньшей степени — в г. Москве и Ленинградской области.

При этом обращает на себя внимание, что г. Санкт-Петербург и Сахалинская область показали самые низкие значения за весь период по социальному, а г. Санкт-Петербург и по хозяйственному блоку.

Группа I-м — субъекты РФ, мигрирующие между группой I с высоким значением показателя (выше 0,8) и группой II со средним значением (больше 0,5 и меньше 0,8). В данной группе (см. табл. 13) самое большое число регионов — 40 (около 50%).

Т а б л и ц а 13

Регионы, мигрирующие между группами I и II

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Липецкая область	0,82375	0,85321	0,90209	0,76108	0,72611	1,19924	0,79244
2. Волгоградская область	0,91564	0,96352	1,04366	0,87687	0,69096	1,03526	0,85816
3. Тюменская область без авт. округов	0,98015	0,95190	1,14821	1,03914	0,76736	1,03334	0,78847
4. Белгородская область	0,74355	0,82777	0,88116	0,80245	0,74644	1,02480	0,68332
5. Мурманская область	0,94396	0,89617	0,89100	0,90190	0,86000	1,00407	0,70265
6. Кемеровская область	0,81928	0,99207	1,02819	0,83428	0,57890	0,94657	0,96713
7. Челябинская область	0,85676	0,89655	0,92053	0,82012	0,63651	0,93535	0,75429
8. Московская область	0,94747	0,91767	0,88383	0,82593	0,76889	0,92151	0,83812
9. Пермский край	0,87829	0,87783	0,91550	0,91817	0,65485	0,91570	0,77071
10. Свердловская область	0,89616	0,92682	0,95030	0,87102	0,74386	0,88876	0,85641
11. Краснодарский край	0,88155	0,90405	0,91853	0,95093	0,75474	0,88334	0,80658
12. Республика Коми	0,84759	0,95707	1,02628	0,94711	0,66563	0,86399	0,93774
13. Самарская область	0,85741	0,87860	0,98797	0,90940	0,75142	0,86287	0,68080
14. Смоленская область	0,78770	0,81012	0,84713	0,77042	0,68909	0,85160	0,84637
15. Республика Татарстан	0,90520	0,95371	0,88444	0,93170	0,71474	0,84951	0,81403
16. Оренбургская область	0,82422	0,82000	0,94695	0,79772	0,64492	0,84228	0,75968
17. Иркутская область	0,87789	0,86088	0,93375	0,73614	0,67800	0,83870	0,83479
18. Курская область	0,72173	0,75710	0,78081	0,75810	0,70066	0,83774	0,60195
19. Воронежская область	0,80781	0,82222	0,85318	0,77400	0,74707	0,83601	0,78480
20. Ярославская область	0,84253	0,85522	0,85179	0,85065	0,73831	0,83157	0,78023
21. Владимирская область	0,83011	0,80349	0,80224	0,77305	0,72071	0,83094	0,70892
22. Новгородская область	0,83290	0,76155	0,76950	0,71243	0,58664	0,82068	0,82192
23. Ненецкий АО	0,72957	0,96069	1,01044	0,86482	0,63315	0,80787	0,90879
24. Республика Саха (Якутия)	0,68369	0,72522	0,79572	0,71943	0,64429	0,80352	0,52416
25. Калужская область	0,77671	0,81683	0,86065	0,83885	0,67135	0,79840	0,74955
26. Тульская область	0,85125	0,79151	0,86778	0,82594	0,73296	0,79389	0,79055

Источник: составлено авторами по [5–6].

О к о н ч а н и е т а б л . 13

1	2	3	4	5	6	7	8
27. Нижегородская область	0,85149	0,85124	0,90943	0,84561	0,70295	0,79379	0,75533
28. Новосибирская область	0,89097	0,88750	0,90105	0,79808	0,69814	0,79022	0,80222
29. Приморский край	0,87498	0,83351	0,88867	0,78714	0,64677	0,75200	0,70261
30. Ростовская область	0,83686	0,82027	0,86404	0,79821	0,71206	0,74974	0,70464
31. Тверская область	0,87833	0,82377	0,90460	0,82250	0,75625	0,74572	0,76546
32. Рязанская область	0,81372	0,85560	0,78853	0,73598	0,67840	0,73147	0,75024
33. Астраханская область	0,73688	0,88414	0,87913	0,87315	0,61245	0,72312	0,75926
34. Архангельская область без авт. округа	0,74469	0,78381	0,82020	0,78421	0,54998	0,68842	0,63586
35. Республика Башкортостан	0,87826	0,87754	0,92829	0,73739	0,55365	0,68134	0,67268
36. Саратовская область	0,79859	0,79384	0,80147	0,70540	0,57926	0,67939	0,64732
37. Томская область	0,84581	0,73969	0,82470	0,75260	0,59030	0,67433	0,74442
38. Удмуртская Республика	0,76268	0,80817	0,80202	0,74565	0,55374	0,67340	0,67992
39. Амурская область	0,89800	0,83789	0,79379	0,79510	0,69918	0,64810	0,62510
40. Ульяновская область	0,80049	0,77268	0,81821	0,76843	0,62373	0,63998	0,67526

Наиболее благополучная ситуация отмечалась в 2018 г. Тогда только 5 субъектов РФ вошли в группу со средними значениями показателя, а остальные 35 регионов имели высокие показатели.

Самая неблагополучная ситуация была в 2020 г., когда практически все регионы продемонстрировали только средние значения показателя.

В 2022 г. 12 субъектов РФ показали высокие результаты (в предыдущий год таковых было 24); 11 из них сохранили высокие значения, а Новосибирская область улучшила результаты. Имея в 2021 г. высокие значения, 13 регионов в 2022 г. снизили их и показали только средние значения. Сохранили средние значения 15 субъектов РФ в 2022 г. Выражено понизили значения показателя бюджетной самодостаточности в 2022 г. по сравнению с 2021 г. 7 регионов (Липецкая, Белгородская, Мурманская, Челябинская, Курская области, Тюменская область без автономных округов, Республика Саха /Якутия/).

Здесь, как и ранее, не отмечается полной корреляции между тремя выделенными блоками. Так, одновременно со снижением бюджетного показателя отмечается и снижение в социальном и хозяйственном блоках только в Мурманской и Курской областях. Снижение по социальному блоку отмечается в Липецкой и Белгородской областях, но при этом цифры в хозяйственном блоке сохраняются в Липецкой области,

а в Белгородской — даже возрастают. В Республике Саха (Якутия) и в Челябинской области значения индекса социального блока равны значениям 2021 г., а по хозяйственному блоку в Челябинской области значение индекса даже возрастает. В Тюменской области, несмотря на снижение значения бюджетного показателя, по социальному и хозяйственному блоку наблюдается значительный рост. Но вместе с тем чаще отмечается большая связь бюджетной самодостаточности и социального блока.

Группа II — регионы со стабильным средним значением бюджетного показателя в течение рассматриваемого периода (больше 0,5 и меньше 0,8). Численность и состав группы остался неизменным по сравнению с предыдущим годом (см. табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Регионы II группы

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Республика Хакасия	0,60472	0,74963	0,79181	0,74638	0,50092	0,72350	0,79933
2. Хабаровский край	0,79781	0,77215	0,71367	0,74457	0,66075	0,77010	0,73653
3. Волгоградская область	0,75628	0,75551	0,76882	0,73010	0,63629	0,65892	0,70368
4. Омская область	0,75175	0,78422	0,75548	0,72688	0,63919	0,66500	0,69492
5. Ставропольский край	0,69981	0,70090	0,70972	0,65822	0,55247	0,65462	0,69059
6. Пензенская область	0,71335	0,72293	0,66818	0,64902	0,57471	0,67220	0,67211
7. Магаданская область	0,68696	0,69427	0,74230	0,74797	0,73046	0,75619	0,64906
8. Орловская область	0,62141	0,61604	0,64568	0,63466	0,54638	0,66857	0,62255
9. Костромская область	0,66530	0,69358	0,68742	0,66270	0,59606	0,69224	0,61716
10. Чувашская Республика	0,71742	0,68390	0,69345	0,67268	0,52381	0,54386	0,60994
11. Тамбовская область	0,59139	0,58537	0,59810	0,56574	0,54052	0,61736	0,60226
12. Республика Мордовия	0,61523	0,56569	0,59545	0,67033	0,57282	0,60150	0,59913
13. Кировская область	0,69389	0,69760	0,70287	0,66315	0,56416	0,67004	0,58303
14. Алтайский край	0,71171	0,67060	0,65141	0,61111	0,54570	0,59445	0,54090
15. Псковская область	0,62316	0,63603	0,62034	0,57261	0,50323	0,56724	0,52366
16. Забайкальский край	0,69844	0,66855	0,62590	0,56198	0,51142	0,53290	0,50039

Источник: составлено авторами по [5–6].

Большая часть субъектов РФ группы (12) показали самые низкие результаты по бюджетному самообеспечению в 2020 г. В 2021 г. ситуация несколько выправилась. В 2022 г. половина группы вновь показала снижение значения показателя (Магаданская, Орловская,

Костромская, Тамбовская и Кировская области, Алтайский, Забайкальский и Хабаровский края). Эти же регионы, кроме Алтайского и Забайкальского края, имели снижение индекса по социальному блоку в 2022 г.

Группа II-м – субъекты РФ, мигрирующие между группой II со средним значением показателя и группой III с низким значением показателя (менее 0,5). Таких регионов, как и ранее, 12. Состав группы также не изменился (см. табл. 15).

Т а б л и ц а 15

Регионы, мигрирующие между группами II и III

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Калининградская область	0,47254	0,38901	0,40414	0,42698	0,43331	0,54210	0,63498
2. Ивановская область	0,67137	0,64358	0,63535	0,59824	0,49033	0,59818	0,61602
3. Республика Марий Эл	0,64261	0,67401	0,64504	0,61880	0,47475	0,56034	0,57293
4. Брянская область	0,54068	0,54327	0,55810	0,52488	0,46671	0,53474	0,54103
5. Республика Карелия	0,67968	0,63401	0,68144	0,60998	0,47789	0,64347	0,52753
6. Республика Адыгея	0,66008	0,62301	0,58102	0,52877	0,41745	0,50217	0,50909
7. Курганская область	0,56472	0,55570	0,53326	0,48070	0,45526	0,49722	0,49933
8. Республика Калмыкия	0,44356	0,52070	0,53904	0,42927	0,36345	0,45640	0,42456
9. Республика Бурятия	0,57772	0,49910	0,52061	0,45819	0,39024	0,45179	0,42387
10. Еврейская автономная область	0,57838	0,62686	0,62448	0,53766	0,41131	0,42008	0,40244
11. Республика Северная Осетия – Алания	0,51923	0,50305	0,48895	0,44709	0,36330	0,41780	0,36508
12. Чукотский АО	0,56068	0,50669	0,55613	0,37543	0,69344	0,56834	0,36021

Источник: составлено авторами по [5–6].

По годам только 2 региона имели низкие значения показателя (с 2016 по 2018 г.). В 2019 г. количество таких субъектов РФ возросло до 6. Резкое снижение отмечалось в 2020 г., когда почти все регионы, кроме Чукотского АО, имели низкие значения. В 2021 г. ситуация выправилась, и низкие значения имели только 5 субъектов РФ (Курганская область, Республики Калмыкия, Бурятия, Северная Осетия – Алания, Еврейская автономная область). В 2022 г. к ним добавился Чукотский АО.

По одному разу в группу с низкими значениями входили Республики Адыгея, Карелия, Марий Эл, Брянская и Ивановская области. Большую часть рассматриваемого периода низкие значения имели Республики Калмыкия, Бурятия, Северная Осетия – Алания, Курганская и Калининградская области.

Группа III — неблагополучные субъекты РФ с устойчивым трендом (регионы с низким значением показателя в течение всего рассматриваемого периода — ниже 0,5). Стабильно низкие значения показателя бюджетного самообеспечения (выражено дотационные регионы) имеют 10 регионов. Их состав, как и число, соответствует данным 2021 г. (см. табл. 16).

Т а б л и ц а 16

Регионы III группы

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Камчатский край	0,38438	0,43631	0,45996	0,49126	0,44312	0,48337	0,37096
2. Республика Алтай	0,30290	0,31903	0,30644	0,30494	0,29605	0,37541	0,34959
3. г. Севастополь	0,37378	0,37347	0,39131	0,40218	0,29125	0,30530	0,34831
4. Республика Крым	0,28202	0,36839	0,30539	0,32695	0,27696	0,35584	0,32842
5. Кабардино-Балкарская Республика	0,49135	0,42710	0,47225	0,43666	0,31882	0,34283	0,32272
6. Карачаево-Черкесская Республика	0,39194	0,34943	0,32790	0,28803	0,26513	0,28546	0,27533
7. Республика Дагестан	0,36382	0,31361	0,36457	0,33779	0,26067	0,30865	0,23291
8. Республика Ингушетия	0,15249	0,18634	0,19584	0,12052	0,13499	0,13010	0,18958
9. Республика Тыва	0,28661	0,26325	0,25183	0,23871	0,17216	0,18900	0,18269
10. Чеченская Республика	0,22393	0,19947	0,20242	0,19366	0,16141	0,17458	0,17255

Источник: составлено авторами по [5–6].

Неизменно в группу с низким значением бюджетного показателя входят Камчатский край, Республики Дагестан, Тыва, Ингушетия, Крым, Алтай, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская Республики, г. Севастополь.

Низкие значения большую часть рассматриваемого периода имели 5 субъектов РФ группы II-м (Республики Калмыкия, Бурятия, Северная Осетия — Алания, Курганская и Калининградская области.). 15 субъектов РФ остаются таковыми продолжительное время. В 2022 г. эти регионы, (кроме Калининградской области, Республики Ингушетии и г. Севастополя), показали либо, как большинство, снижение значения показателя бюджетной самодостаточности, либо остались на уровне 2021 г.

Если рассматривать распределение групп по годам, то можно отметить, что в ситуациях пандемии в 2020 г. и санкционного давления в 2022 г. существенно снижается число регионов с высоким уровнем бюджетной самодостаточности и возрастает число с низким уровнем. Это требует значительных поддерживающих мер со стороны федерального бюджета (см. табл. 17).

Т а б л и ц а 17

Распределение групп с высоким, средним и низким значением бюджетного показателя по годам

Группы субъектов РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Регионы с высоким значением индекса	37	39	42	27	8	31	19
Регионы со средним значением индекса	36	34	31	42	56	39	50
Регионы с низким значением индекса	12	12	12	16	21	15	16

Источник: составлено авторами.

Рейтинг субъектов РФ по итоговому индексу

В соответствии с выработанной методикой рейтингования субъектов РФ по состоянию и трендам их социально-экономического развития был составлен *итоговый рейтинг*, учитывающий результаты социального и хозяйственного блока, а также уровня бюджетного самообеспечения.

Группа I – субъекты РФ с высоким рейтингом (значение индекса выше 0,5) в течение всего рассматриваемого периода (с 2016 г. по 2022 г. включительно). Число и состав динамично и стабильно развивающихся регионов (см. табл. 18) остался неизменным. К ним относятся 8 субъектов РФ (9,4%).

Т а б л и ц а 18

Группа I итогового индекса по годам

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Ямало-Ненецкий АО	0,62152	0,62298	0,66180	0,64300	0,60271	0,57535	0,64251
2. г. Москва	0,62568	0,64770	0,66961	0,66443	0,60703	0,64864	0,63702
3. Сахалинская область	0,56196	0,58266	0,56472	0,59867	0,58063	0,54948	0,59070
4. Ханты-Мансийский АО – Югра	0,54140	0,56752	0,60802	0,58808	0,56842	0,54364	0,58357
5. г. Санкт-Петербург	0,56769	0,58180	0,60113	0,58436	0,53082	0,55346	0,58268
6. Московская область	0,56680	0,59865	0,59846	0,58886	0,52024	0,55003	0,55537
7. Ленинградская область	0,53122	0,56022	0,59401	0,54957	0,50535	0,53085	0,54383
8. Краснодарский край	0,52258	0,55296	0,55834	0,54880	0,50156	0,50685	0,53087

Источник: составлено авторами по [3–6].

Это столичные регионы (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области); крупные нефте- и газодобывающие регионы (Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа,

Сахалинская область), а также Краснодарский край — регион с развитым агропромышленным и туристическим сектором.

Бесспорные лидеры по обобщенному рейтингу — Москва и Ямало-Ненецкий АО. Наименьшие значения индекса в группе у Краснодарского края.

Значения итогового индекса в группе I *колебались по годам*. Наибольшие значения индекса отмечалось в 2018 и 2019 гг.

В 2020 г. во время пандемии и длительного локдауна у всех субъектов РФ отмечалось выраженное снижение значения итогового индекса, вплоть до самого низкого в наблюдаемом периоде. В 2021 г. значение итогового индекса несколько восстанавливается, кроме нефтегазовых регионов, где это снижение продолжилось. В 2022 г. у всех субъектов РФ, кроме Москвы, значение итогового индекса повысилось, почти достигнув (кроме Московской области) докризисного уровня (2019 г.). Наиболее выраженное повышение имело место в сырьевых регионах.

Группа I-м — субъекты РФ, мигрирующие в рассматриваемый период между группой I (с высоким значением индекса) и группой II (со средним значением индекса менее 0,5, но выше 0,4). В группе те же 23 субъекта РФ (27,1% всех регионов), что и в 2021 г.

Наибольшее число успешных субъектов РФ в группе отмечается в 2018 и 2019 гг. — по 16 регионов, наименьшее — в 2020 г. — 2 региона. В 2022 г. результаты оказались чуть лучше — 3 региона из 23-х имели высокие значения: Ненецкий АО, Тюменская область без автономных округов и Республика Татарстан (см. табл. 19).

Т а б л и ц а 19

Регионы, мигрирующие между группами I и II

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Ненецкий АО	0,51055	0,57190	0,58858	0,56888	0,49514	0,48927	0,55246
2. Тюменская область без авт. округов	0,53759	0,54960	0,60354	0,56591	0,47336	0,48117	0,53971
3. Республика Татарстан	0,52671	0,54839	0,52984	0,54736	0,49613	0,49330	0,53785
4. Свердловская область	0,48750	0,52778	0,54389	0,53613	0,46937	0,47845	0,49920
5. Красноярский край	0,47274	0,49699	0,50082	0,52481	0,47550	0,47738	0,49782
6. Магаданская область	0,47877	0,51130	0,54134	0,53688	0,54206	0,53847	0,49729
7. Воронежская область	0,49288	0,51947	0,51771	0,52552	0,46166	0,47332	0,49293
8. Чукотский АО	0,42157	0,43095	0,46841	0,47138	0,51105	0,51639	0,48241
9. Республика Саха (Якутия)	0,47968	0,51913	0,53895	0,51049	0,45160	0,50584	0,48004

Источник: составлено авторами по [3–6].

О к о н ч а н и е т а б л . 19

1	2	3	4	5	6	7	8
10. Липецкая область	0,48543	0,52436	0,51355	0,51694	0,47621	0,45386	0,47549
11. Челябинская область	0,44416	0,47642	0,50824	0,48471	0,41420	0,41036	0,47222
12. Новосибирская область	0,48132	0,51160	0,51840	0,51369	0,45234	0,45908	0,46814
13. Республика Башкортостан	0,49367	0,49243	0,51269	0,49431	0,41991	0,41482	0,46775
14. Белгородская область	0,47398	0,51346	0,51398	0,52711	0,47172	0,46252	0,46642
15. Тульская область	0,47835	0,47201	0,48669	0,51491	0,42261	0,45898	0,46550
16. Пермский край	0,48088	0,49072	0,49720	0,51174	0,43224	0,43004	0,46374
17. Волгоградская область	0,50130	0,49005	0,52386	0,51546	0,43118	0,41374	0,45641
18. Амурская область	0,47690	0,52159	0,47665	0,49901	0,43458	0,46719	0,45229
19. Хабаровский край	0,48326	0,50162	0,48879	0,49140	0,46803	0,46855	0,44908
20. Самарская область	0,46553	0,49818	0,52014	0,52227	0,44488	0,45990	0,44763
21. Приморский край	0,47460	0,49107	0,50818	0,49590	0,43875	0,45561	0,44640
22. Калужская область	0,45405	0,48902	0,49628	0,50516	0,44790	0,45033	0,43205
23. Мурманская область	0,49342	0,52056	0,52407	0,50196	0,49058	0,50866	0,43065

К подгруппе благополучных регионов, со слабовыраженной неустойчивостью (регион только один или два раза не имел высокие значения) относятся 4 региона: Ненецкий АО, Тюменская область без автономных округов, Магаданская область, Республика Татарстан. Тот факт, что субъекты РФ (кроме Магаданской области) имели высокие значения в 2022 г., оправдывает выделение подгруппы как более близкой к стабильно успешным регионам.

К подгруппе благополучных регионов с неустойчивым трендом (половину периода /3–4 года/ имели средние значения) относятся 8 регионов: Свердловская, Воронежская, Липецкая, Новосибирская, Белгородская, Волгоградская, и Мурманская области, Республика Саха (Якутия).

Самое большое число (11) субъектов РФ группы, наоборот, имели средние, а не высокие значения индекса в течение большего числа лет (5–6 лет) и лишь единожды или дважды входили в группу с высоким рейтингом (подгруппа условно благополучных регионов с выраженной неустойчивостью и с тенденцией к снижению). Это – Чукотский АО, Приморский, Красноярский, Хабаровский и Пермский края, Амурская, Самарская, Тульская, Калужская, Челябинская области, Республика Башкортостан.

В 2022 г. в группе II-м (условно благополучные с неустойчивостью) в основном отмечалось повышение значения итогового индекса. Некоторое падение итогового индекса отмечалось только у 7 регионов:

более выражено — у Чукотского АО, Магаданской, Мурманской областей, Республики Саха (Якутия) и менее выражено — у Амурской и Самарской областей, Хабаровского края.

Группа II — субъекты РФ со средним значением индекса в течение всего рассматриваемого периода (значение индекса ниже 0,5, но выше 0,4). Стабильно среднее значение итогового индекса имеют 17 субъектов РФ. Их число и состав также соответствуют рейтингу 2021 г. (см. табл. 20).

Т а б л и ц а 20

Значения индексов для II группы по годам

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Нижегородская область	0,46132	0,49098	0,49681	0,49642	0,46381	0,44626	0,48440
2. Иркутская область	0,46569	0,45813	0,48092	0,45691	0,42708	0,42683	0,47821
3. Владимирская область	0,43797	0,46291	0,45041	0,47725	0,41843	0,41924	0,47461
4. Ростовская область	0,47418	0,49213	0,48769	0,48727	0,46938	0,46175	0,47064
5. Ярославская область	0,46163	0,47813	0,47703	0,48675	0,43677	0,45262	0,45085
6. Оренбургская область	0,45488	0,47452	0,47558	0,48049	0,42106	0,40771	0,44693
7. Ставропольский край	0,43379	0,46857	0,46582	0,48236	0,40726	0,42456	0,44545
8. Рязанская область	0,46024	0,49638	0,46081	0,47643	0,42043	0,42885	0,44392
9. Волгоградская область	0,44062	0,47099	0,45979	0,45708	0,41937	0,41040	0,44296
10. Смоленская область	0,44717	0,46398	0,47588	0,44746	0,42003	0,41833	0,44233
11. Удмуртская Республика	0,45594	0,46500	0,46722	0,47324	0,41732	0,40071	0,44108
12. Томская область	0,47812	0,45577	0,47936	0,47454	0,42141	0,41706	0,42869
13. Архангельская область без авт. округа	0,47621	0,48303	0,47478	0,46565	0,41791	0,40648	0,42418
14. Камчатский край	0,41152	0,46232	0,45380	0,45975	0,45498	0,44703	0,42143
15. Курская область	0,47062	0,48837	0,47901	0,48425	0,44439	0,45723	0,41538
16. Тверская область	0,45385	0,45808	0,46837	0,46585	0,42173	0,41537	0,41523
17. Ульяновская область	0,43632	0,47669	0,46298	0,46786	0,42052	0,42512	0,40764

Источник: составлено авторами по [3–6].

Значения итогового индекса в группе II также *колебались по годам*. Максимальные значения у субъектов РФ отмечались в 2017–2019 гг. В 2020 г. во время пандемии и длительного локдауна у всех регионов группы отмечалось его снижение. В 2021 г. в 6 регионах группы наблюдался незначительный рост, но в остальных регионах падение продолжилось, хотя и в меньшей степени.

В 2022 г. в 12 регионах отмечался рост. Иркутская область смогла даже превысить значения докризисного 2019 г. Меньшая часть группы (5 регионов) имела пусть и незначительное, но снижение значения итогового индекса по сравнению с предыдущим году (Ярославская, Тверская, Ульяновская области, Камчатский край).

Группа II-м – субъекты РФ, попадающие то в группу II со средним значением индекса, то в группу III с низким значением индекса (менее 0,4). По итоговому индексу в этой группе самое большое количество регионов – 32 региона (37,6%). В 2022 г. свой рейтинг повысила Чеченская Республика, переместившись из группы со стабильно низкими значениями итогового индекса.

Наибольшее число более успешных субъектов РФ (со средним значением индекса) отмечается в 2018 г. – 30 регионов, наименьшее – в 2020 г. – 6. В 2021 г. таких было 8. В 2022 г. их число возросло до 19. (см. табл. 21).

Т а б л и ц а 21

Регионы, мигрирующие между группами II и III

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Кемеровская область	0,42107	0,49619	0,49454	0,47044	0,38435	0,36765	0,46603
2. Новгородская область	0,46756	0,44866	0,43248	0,41896	0,38960	0,40199	0,46380
3. Омская область	0,42959	0,45680	0,46254	0,46794	0,42088	0,39585	0,44873
4. Чувашская Республика	0,41967	0,41494	0,43157	0,45761	0,38432	0,40182	0,44854
5. г. Севастополь	0,43818	0,47907	0,44321	0,43663	0,35920	0,41952	0,44496
6. Калининградская область	0,42378	0,42388	0,41858	0,40599	0,38931	0,40233	0,44490
7. Республика Хакасия	0,38112	0,43347	0,48097	0,43666	0,39971	0,37767	0,43422
8. Республика Адыгея	0,43207	0,46199	0,48403	0,47598	0,40568	0,38794	0,43165
9. Саратовская область	0,45324	0,47210	0,46234	0,46711	0,40084	0,39718	0,42842
10. Тамбовская область	0,43456	0,47179	0,43146	0,45039	0,39292	0,40251	0,41863
11. Пензенская область	0,43011	0,45862	0,45187	0,44022	0,39914	0,40244	0,41761
12. Республика Карелия	0,40766	0,41818	0,41826	0,42962	0,38538	0,36835	0,41676
13. Астраханская область	0,43616	0,49093	0,46682	0,47481	0,41659	0,39134	0,41282
14. Республика Мордовия	0,41059	0,43539	0,41464	0,44958	0,38035	0,40853	0,41239
15. Республика Бурятия	0,40542	0,42465	0,41533	0,43478	0,35847	0,36977	0,40449
16. Кировская область	0,43270	0,45198	0,44652	0,45602	0,39388	0,39351	0,40357

Источник: составлено авторами по [3–6].

О к о н ч а н и е т а б л . 2 1

1	2	3	4	5	6	7	8
17. Орловская область	0,39061	0,41122	0,44071	0,42445	0,39030	0,38719	0,40215
18. Алтайский край	0,38915	0,42359	0,43103	0,41324	0,38633	0,36241	0,40035
19. Чеченская Республика	0,35566	0,36546	0,38483	0,38806	0,34379	0,39249	0,40009
20. Республика Марий Эл	0,37897	0,42445	0,41813	0,42816	0,38818	0,37081	0,39456
21. Забайкальский край	0,41405	0,43078	0,41110	0,40850	0,40516	0,36964	0,39155
22. Курганская область	0,36387	0,38205	0,38414	0,40342	0,35100	0,34445	0,38987
23. Ивановская область	0,37394	0,43161	0,41047	0,42100	0,38261	0,36974	0,38813
24. Брянская область	0,38798	0,40730	0,42185	0,42704	0,39293	0,39384	0,38773
25. Республика Калмыкия	0,32784	0,39133	0,43265	0,38209	0,40250	0,27913	0,38415
26. Псковская область	0,39896	0,41272	0,42164	0,42810	0,38325	0,38610	0,38266
27. Костромская область	0,40279	0,42866	0,43893	0,44993	0,39348	0,43312	0,38059
28. Республика Дагестан	0,38020	0,39276	0,43767	0,39166	0,35131	0,35115	0,37566
29. Кабардино-Балкарская Республика	0,40033	0,39886	0,42114	0,38892	0,35911	0,35881	0,37140
30. Республика Северная Осетия – Алания	0,37807	0,40432	0,40978	0,38704	0,32888	0,38839	0,36429
31. Республика Крым	0,36074	0,44248	0,40704	0,37650	0,34450	0,35034	0,35308
32. Еврейская автономная область	0,35596	0,39321	0,41356	0,39580	0,35923	0,33056	0,31660

К подгруппе со средними значениями, но со слабовыраженной неустойчивостью (регион имел низкие значения индекса один или два раза) относятся 17 регионов.

Один раз в группу попадают 12 субъектов РФ (Тамбовская, Пензенская, Калининградская, Новгородская, Саратовская, Омская, Астраханская области, Республики Адыгея, Республика Мордовия и Чувашская Республика, г. Севастополь, Забайкальский край), два раза — 5 регионов (Кировская, Кемеровская Костромская области, Республики Бурятия и Карелия).

К подгруппе регионов со средними значениями, но с неустойчивым трендом (3–4 года имеют средние значения) относятся 7 регионов группы: Брянская, Орловская, Псковская, Ивановская области, Алтайский край, Республики Хакасия и Марий Эл.

В подгруппу со средними значениями с выраженной неустойчивостью и трендом на понижение (5–6 лет из 7 рассматриваемых входили в группу с низкими значениями индекса) попадают 8 субъектов РФ (Республики Крым, Калмыкия, Дагестан, Северная Осетия – Алания,

Чеченская и Кабардино-Балкарская Республики, Курганская область, Еврейская АО).

В 2022 г. большая часть регионов группы (27) улучшили значения итогового индекса по сравнению с 2021 г., из них значительно — Кемеровская, Новгородская области, Республики Хакасия и Калмыкия. Только 2 региона эти значения понизили, при этом существенно — Костромская область, Еврейская автономная область.

Группа III — субъекты РФ с устойчиво низким значением индекса (ниже 0,4 весь рассматриваемый период). Стабильно низкое место в итоговом рейтинге занимают всего 4 (4,7%) субъекта РФ (см. табл. 22). Из них 2 региона Северо-Кавказского ФО (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия), 2 — Сибирского ФО (Республики Алтай и Тыва).

Т а б л и ц а 22

Значения индексов для III группы по годам

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Республика Алтай	0,31646	0,36006	0,36642	0,35426	0,32307	0,35261	0,35571
2. Республика Тыва	0,29409	0,30395	0,34442	0,34674	0,28941	0,29113	0,34526
3. Карачаево-Черкесская Республика	0,33785	0,37517	0,37940	0,33985	0,34422	0,36486	0,34111
4. Республика Ингушетия	0,31439	0,34108	0,39016	0,34420	0,28266	0,28408	0,26077

Источник: составлено авторами по [3–6].

В 2021 г. в группу входила Чеченская Республика. Она в 2022 г. впервые имела среднее значение итогового индекса и переместилась в вышестоящую группу. В Республике Ингушетии — наименее благоприятная ситуация и самые низкие значения итогового индекса, при этом динамика остается негативной. Негативную динамику демонстрирует и Карачаево-Черкесская Республика, а заметную положительную динамику показала Республика Тыва.

Группа III-м — субъекты РФ, мигрирующие между группами с высоким, средним и низким рейтингом (I, II и III). В эту группу вошла только Республика Коми. Высокое значение итогового индекса регион имел в 2018 г., а низкое — в 2021 г., а в 2022 г. в регионе вновь отмечалось среднее значение показателя (см. табл. 23).

Т а б л и ц а 23

Регионы, мигрирующие между группами

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1. Республика Коми	0,46650	0,46879	0,50360	0,48053	0,45829	0,37706	0,46389

Источник: составлено авторами по [3–6].

В целом распределение регионов с высоким, средним и низким значениями итогового индекса по годам представлено в *таблице 24*.

Т а б л и ц а 24

Распределение групп с высоким, средним и низким значением

Группы субъектов РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Регионы с высоким значением индекса	12	21	26	25	10	12	11
Регионы со средним значением индекса	55	54	53	49	45	44	57
Регионы с низким значением индекса	18	10	6	11	30	29	17

Источник: составлено авторами.

Наиболее благополучными следует считать 2018 и 2019 гг. когда около 30% субъектов РФ имели высокие значения итогового индекса рейтинга. Самая малая доля регионов (6 регионов) имели низкие значения в 2018 г.

В 2020 г. (год пандемии) отмечается выраженное ухудшение — 30 регионов (35% субъектов РФ) показали низкие значения итогового индекса. Резко уменьшилось количество регионов с высоким значением. В 2021 г. произошли изменения к лучшему, но крайне незначительно.

В 2022 г. число субъектов РФ с высоким значением итогового индекса остается практически неизменным после его снижения в 2020 г. (в кризис, связанный с пандемией). Но *в целом ситуация улучшается*: снижается число с низким значением индекса и возрастает число регионов со средними значениями (самое большое количество с 2016 г.).

Краткие итоги и гипотезы

Завершая, кратко охарактеризуем ситуацию в регионах России в годы введения санкций и пандемии.

1. Общим для них является то, что и в условиях пандемии (2020 г.), и санкционного давления (2022 г.) существенно снизилось число субъектов РФ с высоким уровнем бюджетной самодостаточности и возросло количество регионов с низким уровнем, что *потребовало значительных поддерживающих мер со стороны федерального бюджета*.

2. За весь рассматриваемый временной период мы не обнаружили выраженной связи между уровнем хозяйственной активности на территории большинства субъектов РФ и качеством их социальной среды. В 2020 и 2022 гг. этот разрыв усиливался. При этом в 2022 г. повышение индексов социального и хозяйственного блоков сменялось их снижением. Поэтому для большинства региональных экономик *сохраняет актуальность проблема неустойчивого тренда развития*.

3. Если в 2020 г. поддержка сложившегося качества социальной среды была нацелена на недопущение серьезных провалов в данной сфере вслед за негативной динамикой развития экономики регионов, то в 2022 г.

(за незначительными исключениями) фиксируется *разнонаправленность динамики показателей* хозяйственного и социального блока. При выраженном росте показателей хозяйственной активности *просматривается снижение характеристик качества социальной среды*. Снижение качества условий жизни, оцениваемых в рамках социального блока, в период пандемии было не столь значительным, как в истекшем году. Это может быть результатом *изменения вектора федеральной политики*.

Так, если в годы ковидокризиса эта политика акцентировалась на поддержке населения и недопущении провалов в социальной сфере, то в 2022 г. она была в первую очередь нацелена на поддержку и активизацию бизнеса. А социальная составляющая предоставлена субъектам РФ. Анализ первичных статистических данных позволяет говорить о росте в 2022 г. объемов помощи государства развитию промышленного производства, в т.ч. путем введения льгот при кредитовании отраслей. Это позволило интенсифицировать инвестирование в основные фонды, увеличить долю привлеченных средств с 43,5% в 2021 г. до 45,8% в 2022 г. При этом доля бюджетных средств возросла с 17,8 до 20,2%. Из них в большей степени повысилась доля как федерального (с 7,7 до 9,6%), так и регионального бюджетов (с 8,9 до 9,3%)⁶.

4. Возможно, в 2023–2024 гг. вследствие роста хозяйственной активности улучшаться показатели социального и бюджетного блоков. Однако в 2022 г. такой зависимости не просматривалось. Не фиксировалась она и в предшествующие годы: периоды всплесков показателей хозяйственного блока не приводили через 1–2 года (за единичными исключениями) к росту значений качества социальной среды.

5. В статье, опубликованной в 2022 г., мы предположили, что: «Усиление санкционного давления..., скажется на дальнейшем снижении индекса социального блока, а в текущем году и хозяйственного блока. Особенно там, где ведущее производство (например, автомобильной промышленности) основано на поставках зарубежных комплектующих. Вместе с тем регионы с развитой и диверсифицированной обрабатывающей промышленностью, наоборот, из-за ухода зарубежных компаний получают широкие возможности для наращивания своего производства, в т.ч. инновационных продуктов, что все-таки потребует определенного времени» [2, с. 218].

Данная гипотеза получила лишь частичное подтверждение. В 2022 г. действительно произошло снижение показателей по социальному блоку. Но санкции инициировали изменения промышленной политики правительства Российской Федерации, прежде всего в сфере импортозамещения. А это позволило *не только сохранить значения хозяйственного индекса, но и улучшить их*.

⁶ В рамках используемой в статье методологии федеральная составляющая экономической политики на территории субъектов РФ *в явном виде нами практически не учитывалась*. Косвенно и частично она принималась во внимание при оценке бюджетной самодостаточности субъектов РФ (бюджетного показателя) как обратное значение к уровню бюджетной обеспеченности. Однако этого недостаточно, и мы признаем наличие данного методологического пробела.

Список литературы

1. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития субъектов Российской Федерации в период пандемии // *Федерализм*. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 127–170.
2. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н. Тренды развития региональных экономик в России // *Федерализм*. 2022. Т. 27. № 2 (106). С. 177–221.
3. Статистические сборники. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016–2022 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
4. Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep_region1.htm
5. Исполнение федерального бюджета 2023 года. Доходы бюджета // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (Электронный бюджет). URL: <https://budget.gov.ru/>
6. Исполнение федерального бюджета 2023 года. Расходы бюджета // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (Электронный бюджет). URL: <https://budget.gov.ru/>

References

1. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v period pandemii [Trends in the Development of the Constituent Entities of the Russian Federation During the Pandemic], *Federalizm* [Federalism], 2021, Vol. 26, No. 4 (104), pp. 127–170. (In Russ.).
2. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia regional'nykh ekonomik v Rossii [Trends in the Development of Regional Economies in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 2 (106), pp. 177–221. (In Russ.).
3. Statisticheskie sborniki. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016–2022 gg. [Statistical Collections. Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2016–2022], *Federal'naia sluzhba gosudar-stvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>
4. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Socio-Economic Situation of the Subjects of the Russian Federation], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep_region1.htm
5. Ispolnenie federal'nogo biudzheta 2023 goda. Dokhody biudzheta [Execution of the 2023 Federal Budget. Budget Revenues], *Edinyi portal biudzhethnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii (Elektronnyi biudzheth)* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic Budget)]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/>
6. Ispolnenie federal'nogo biudzheta 2023 goda. Raskhody biudzheta [Execution of the 2023 Federal Budget. Budget Expenditures], *Edinyi portal biudzhethnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii (Elektronnyi biudzheth)* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation (Electronic Budget)]. (In Russ.). Available at: <https://budget.gov.ru/>

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER SANCTIONS

For the period from 2020 to the present, both the domestic economy and the economies of the constituent entities of the Russian Federation have been subjected to two shocks. The shock caused by COVID-19 and the shock caused by the sanctions policy against Russia. As our research has shown, regional economies have relatively successfully overcome the negative consequences of the pandemic, suffering fewer losses than initially hypothetically predicted. An attempt to determine the degree of negative consequences of sanctions at the regional level is made in this article. At the same time, the authors understand that the problem requires further research, because, firstly, the impact of covid and post-covid restrictions on the national and regional economies has not been completely overcome. Secondly, since sanctions were introduced (and are being introduced) not simultaneously, but incrementally, they affect (and will affect) regional economies with different industry specialization of enterprises in different ways.

Keywords: region, budgetary federalism, federal relations, regional economy, development trend.

JEL: H11, O20, R10, R11, R22

Дата поступления – 10.06.2023 г.

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала, руководитель Научно-исследовательского объединения;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Valentey.SD@rea.ru

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

БОРИСОВА Светлана Валерьевна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории динамических моделей экономики и оптимизации;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, 117418.

e-mail: sv-borissova@yandex.ru

КОЛЬЧУГИНА Анастасия Владимировна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

VALENTEY Sergey D.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Research Association;
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Plekhanov
Russian University of Economics" / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.
e-mail: Valenty.SD@rea.ru

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics
and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117418.
e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com

BORISOVA Svetlana V.

Cand. Sc. (Physico-Mathematical), Senior Researcher of the Laboratory of
Dynamic Models of Economics and Optimization;
Federal State Budgetary Institute of Science Central Institute of Economics
and Mathematics of the Russian Academy of Sciences / 47, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117418.
e-mail: sv-borissova@yandex.ru

KOL'CHUGINA Anastasiya V.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of the Center for Federal Relations and
Regional Development;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: vostokza@mail.ru

ЛЫКОВА Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: Lykoval@inecon.ru

Для цитирования:

Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова
Л.Н. Тренды развития субъектов Российской Федерации в условиях санк-
ций // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 161–196. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-161-196>

Р.О. БОБРОВСКИЙ

РОЛЬ УХОДЯЩИХ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

В статье анализируется роль иностранных компаний, заявивших после 2022 г. об уходе из России, в экономике страны, ее отраслей и регионов. Наиболее подробно рассмотрена роль уходящих иностранных компаний в промышленности как ключевой отрасли российской экономики. В основе анализа лежит существующий перечень уходящих иностранных компаний, к которым были подобраны связанные российские юридические лица, финансовые показатели которых были агрегированы и сопоставлены с данными официальной статистики. Среди отраслей экономики наиболее высока роль уходящих иностранных компаний в обрабатывающей промышленности, отдельных услугах, связанных с потребительским сектором и наукоемких услугах; среди отраслей промышленности – в автомобилестроении, производстве бумаги, табачных изделий и напитков, отдельных подотраслях машиностроения и обработке древесины. В региональном разрезе высокая роль уходящих иностранных компаний проявляется в двух типах регионов: крупнейших городах, уход иностранных компаний из которых скажется не столько на рынках труда, сколько на технологическом развитии отраслей и экономики в целом, а также в регионах автомобилестроения и деревообработки, где уход иностранных компаний наиболее критичен, в особенности по мере уменьшения размера и диверсификации экономики региона.

Ключевые слова: иностранные компании, иностранный капитал, уход с рынков, экономика региона, промышленность региона, региональные рынки труда.

JEL: R11, R12, R32

Существенным фактором, повлиявшим на ход экономического кризиса, начавшегося в России 2022 г., наряду с санкционными ограничениями внешней торговли стали решения иностранных компаний о сокращении их деятельности в России. В отличие от санкционных ограничений экспорта продукции, которые нанесли основной удар по крупным компаниям-экспортерам и доходной части консолидированного бюджета Российской Федерации, уход иностранных компаний, вместе с санкционными ограничениями импорта, повлиял на экономику через сокращение возможностей потребления, рост цен, снижение

качества продукции, а также ограничение дальнейшего технологического развития экономики в долгосрочном периоде.

Заявления иностранных компаний касательно их стратегий сокращения бизнеса в России принимают различные степени: полный уход, приостановка деятельности, сокращение производства, отказ от инвестиций, продолжение деятельности. Кроме того, не всегда данные заявления сразу же реализуются, и сохраняются существенные различия между заявлениями компаний о сокращении деятельности в России и их реальными действиями.

Помимо этого, влияние фактора ухода иностранных компаний на российскую экономику не завершено. Также невозможно определить *степень обратимости данного процесса*, что делает проблематичной оценку экономических последствий.

В настоящее время появился ряд работ [1; 2; 3; 4; 5] оценивающих масштаб деятельности иностранных компаний, уходящих из России, путем расчета их доли среди всех иностранных компаний, работающих в России. Большая часть исследований ограничивается рассмотрением экономики России в целом, а определенная их часть характеризуется высокой долей субъективизма¹. В то же время практически отсутствуют работы, рассматривающие уход иностранных компаний в разрезе субъектов Российской Федерации, а также оценивающие влияние данного явления на экономику регионов.

В статье в первую очередь делается акцент не на определении доли ушедших иностранных компаний среди всех иностранных компаний России в отраслевом/региональном разрезе, а на *оценке роли уходящих иностранных компаний в экономике отраслей и регионов России*. В качестве предмета данного исследования выбраны иностранные компании, заявившие об уходе из России после 2022 г.

Обзор исследований

После начала массовых заявлений иностранных компаний об уходе с российского рынка в 2022 г. появился ряд исследований с оценкой масштабов сокращения деятельности иностранных компаний в России, на которые, как мы полагаем, стоит ориентироваться в дальнейших исследованиях.

Это, во-первых, список иностранных компаний в России, составленный Йельской школой менеджмента [6]. Он является основным источником информации в исследованиях данной организации². Перечень компаний в списке постоянно обновляется. На середину июня 2023 г.

¹ В какой-то степени это связано с тем, что масштабный уход иностранных компаний из России — явление уникальное и беспрецедентное. Это справедливо и для мировой практики в целом.

² В мае 2022 г. там было подготовлено исследование «*It pays for companies to leave Russia*» [1], представляющее методическое обоснование составления данного перечня и определенный его анализ.

в нем приведен перечень уходящих (*withdrawal*) (525), приостанавливающих деятельность (*suspension*) (503), сокращающих операции (*scaling back*) (151), отказывающихся от инвестиций (*buying time*) (177), продолжающих деятельность (*digging in*) (227) в России иностранных компаний (суммарно 1 583 компании).

Также в августе 2022 г. в Йельской школе менеджмента было подготовлено исследование «*Business Retreats and Sanctions Are Crippling the Russian Economy*» [2], где комплексно рассматриваются проблемы российской экономики, начавшиеся в 2022 г., связанные главным образом с санкциями стран Запада. В нем освещены следующие аспекты: изменение роли России как экспортера сырьевых товаров; сокращение импорта в России; негативные тенденции во внутреннем производстве России и проблемы импортозамещения; уход бизнеса, капитала и талантов из России; тенденции на финансовых рынках, связанных с Россией и особенности фискальных и монетарных мер, принятых руководством страны.

Для оценки ухода иностранных компаний из России авторы из Йельской школы менеджмента обследуют более 1 500 международных компаний, ранее ведущих деятельность в России. Путем анализа различного рода информации от самих компаний, либо аналитических организаций, авторы дают оценку, что более 1 000 из этих компаний публично заявили о сворачивании деятельности в России. Также они заявляют, что суммарная выручка этих компаний в России и суммарная стоимость их инвестиций в России составляет более 600 млрд долл. США, что составляет около 40% ВВП России. Полагаем, что этот вывод *требует более серьезного обоснования*.

Во-вторых, существует аналогичный список иностранных компаний России, составленный и постоянно обновляемый в Киевской школе экономики³ (реализуемый в рамках проектов «*LeaveRussia*» и «*SelfSanctions*»). Список также основывается на официальных заявлениях компаний или информации аналитических агентств и СМИ (методика его составления опубликована в апреле 2023 г. [3]).

На середину июня 2023 г. в нем приведен перечень иностранных компаний, завершивших уход (241), уходящих (469), приостановивших деятельность (715) («уходящие» и «приостановившие деятельность» также объединены в «покидающие»), сокративших операции (339), приостановивших инвестиции (161) («сократившие операции» и «приостановившие инвестиции» также объединены в «ожидающие»), продолжающих деятельность (1 367) (суммарно 3 292 компании).

Преимущество данного перечня — попытка выделения компаний, совершивших сделки по продаже активов. Основной недостаток — явно завышенное суммарное количество компаний (в большинстве остальных исследований количество иностранных компаний, действовавших в России на начало 2022 г. оценивается на уровне 1 400–1 500).

³ Leave Russia // KSE Institute. URL: <https://leave-russia.org/> (дата обращения: 10.06.2023).

Несмотря на то, что список включает в общей сложности более 3 000 компаний, показатели финансовой отчетности обработаны только по 1 800 российским юридическим лицам, связанным с 1 400 иностранными компаниями [3]. Именно по ним и проведены расчеты долей. По остальному числу компаний из списка не выявлены факты ведения их деятельности в России (хотя они могли вести торговые отношения с российскими контрагентами).

В частности, авторы оценивают долю компаний, завершивших выход, среди общего числа компаний (1 400) в 15% по числу компаний, 23% по численности персонала, 16% по выручке, 21% по инвестициям, 16% по активам, 13% по налогам. В мае 2023 г. на основании перечня была проведена более актуальная оценка масштабов ухода иностранных компаний [4].

В целом перечень компаний, составленный Киевской школой экономики, *явно избыточен и не может быть использован для дальнейшей работы.*

В-третьих, по состоянию на октябрь 2022 г. в России было проведено исследование Центра стратегических разработок (ЦСР) «Картина иностранного бизнеса: уйти нельзя остаться»⁴.

Методика исследования ЦСР основывается на формировании перечня компаний из выборки компаний «СПАРК-Интерфакс», имеющих иностранных собственников. Затем проводятся классификации статуса компаний по новостям компаний и СМИ и оценка масштабов их деятельности по численности персонала. Так, по состоянию на сентябрь 2022 г. 7% и 15% (суммарно > 205) иностранных компаний заявили об уходе из России соответственно без передачи и с передачей локального подразделения другому собственнику (формируют 230–270 тыс. рабочих мест), 34% (129) ограничили деятельность на российском рынке (формируют 285–340 тыс. рабочих мест).

По оценкам ЦСР, около 39% заявивших об уходе из России иностранных компаний осуществляли производство технологически сложной продукции или оказывали сложные услуги (по происхождению — Дания, Швеция, Финляндия, Германия, Швейцария; по отраслям — автомобилестроение и тяжелое машиностроение). Высокая доля крупнейших промплощадок, откуда уходят иностранные компании, — в отраслях автомобилестроения, микроэлектроники и приборостроения. Наиболее активно уходят компании из Финляндии (80%), Дании (73%), Великобритании (35%), наименее активно (из недружественных стран) — из Австрии (8%), Японии (14%), Швейцарии (16%), Польши (17%).

В конечном итоге, в исследовании ЦСР делаются выводы, что заявления об уходе из России иностранных компаний *не имеют разрушительного характера для российской экономики*. 69% уходящих иностранных компаний заявили о готовности передать российские

⁴ Картина иностранного бизнеса: уйти нельзя остаться // Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/kartina-inostrannogo-biznesa-uyti-nelzya-ostatsya/> (дата обращения: 10.06.2023).

подразделения иным собственникам. Согласно выводам данного исследования, от непосредственного ухода иностранных компаний больше всего пострадают такие отрасли, как общепит, пищевая промышленность, автомобилестроение, ИТ (по занятости), от ограничений доступа к передовым технологиям, связанным с данным явлением, — автомобилестроение, тяжелое машиностроение, производство электрооборудования.

В-четвертых, в Университете Санкт-Галлена в декабре 2022 г. было проведено исследование «*Less Than Nine Percent of Western Firms Have Diversified from Russia*» [5]. Среди зарубежных исследований оно *представляется нам наиболее объективным*⁵.

С помощью базы данных *ORBIS* авторы определяют 2 405 дочерних предприятий в России, принадлежащих 1 404 компаниям из стран ЕС и G7, и приходят к выводам, что на ноябрь 2022 г. около 8,5% (120) из этих компаний продали по меньшей мере одно из своих дочерних предприятий в России. На эти компании приходится 6,5% общей прибыли до налогообложения, 8,6% общих активов, 10,4% операционных доходов, 15,3% общего числа сотрудников всех фирм ЕС и G7, действующих в России.

В страновом разрезе делается вывод, что американские и финские фирмы составляют более высокий процент уходящих фирм, итальянские — наименьший. Также обнаруживается, что ушедшие европейские и японские фирмы в целом имели низкий уровень доходности по сравнению с не ушедшими фирмами, т.е. *политические причины ухода могли быть лишь предлогом сокращения неэффективных производственных подразделений*. Большинство остальных исследований по данной тематике в основном подтверждает такое распределение уходящих иностранных компаний по странам.

В целом установленная авторами доля ушедших компаний может увеличиваться, поскольку многие сделки еще не завершены. Также интересен тот факт, что многие иностранные компании *включили в контракты право обратного выкупа*.

Материалы и методы

В статье предпринята попытка собственного анализа ситуации с компаниями, заявившими об уходе (обозначаются как «уходящие»). Именно *уходящие*, а не приостанавливающие или сокращающие деятельность, отказывающиеся от инвестиций компании, *оказывают конкретное воздействие на экономику и рынки труда* отраслей и регионов. Рассмотрение статуса уходящих компаний по их заявлениям, а не по свершившемуся факту ухода связано с тем, что это позволяет рассматривать проблему ухода иностранных компаний на ближайшую перспективу. Кроме того, активы компаний, которые уже перешли новым собственникам, часто

⁵ Хотя бы потому, что его авторы заранее отмечают, что многие компании могут не выводить активы из России ввиду того, что это может быть неэффективно, несмотря на рекомендации правительств своих стран.

вновь начинают функционировать, и наоборот улучшают ситуацию на рынках труда.

Для оценки роли уходящих иностранных компаний в экономике России, ее регионов и отраслей в качестве основного источника нами выбран перечень компаний по состоянию на середину июня 2022 г., составленный исследователями из упомянутой ранее Йельской школы менеджмента [6]. Полагаем, что он дает наиболее исчерпывающую, относительно объективную информацию о статусе иностранных компаний, уходящих, приостанавливающих деятельность, сокращающих операции, отказывающихся от инвестиций и продолжающих деятельность в России.

На *первом этапе* к уходящим иностранным компаниям из данного перечня в «СПАРК-Интерфакс» были подобраны российские юридические лица, которыми владеют данные иностранные компании⁶ или которые являются их представительствами в России. В качестве основного идентификатора юридического лица использовался ИНН.

Для 525 иностранных компаний, имеющих статус уходящих, подобрано 686 связанных российских юридических лиц (некоторые компании могли владеть в России несколькими юридическими лицами, а некоторые — не иметь их вовсе), в т.ч. 152 действующих компании в промышленности (коды ОКВЭД 10-33).

На *втором этапе* по составленному перечню ИНН российских юридических лиц, связанных с уходящими иностранными компаниями, из «СПАРК-Интерфакс» были выгружены основные показатели бухгалтерской отчетности и иные характеристики данных юридических лиц за 2017–2021 гг. (далее для анализа используются средние за период 2017–2021 гг. значения показателей). Несмотря на доступность в июне 2023 г. бухгалтерской отчетности за 2022 г., *преднамеренно был выбран период до 2022 г.* Полагаем, что анализ данных за 2022 г., когда значительная часть компаний уже объявила об уходе из России, привел бы к некорректной оценке роли уходящих иностранных компаний в экономике отраслей и регионов.

Необходимо отметить, что в выборку российских юридических лиц, связанных с уходящими иностранными компаниями, попадает некоторое количество недействующих на данный момент компаний (соответственно, показатели по ним учтены только до даты ликвидации).

Основными показателями для анализа были выбраны выручка, среднесписочная численность персонала, в отдельных случаях внеоборотные активы. Также существовала возможность рассматривать все активы, основные средства, налоги, но в данном исследовании они не взяты в анализ в связи с проблемами поиска в российской статистике сопоставимых показателей по регионам и отраслям.

⁶ Факт владения определялся по владению материнской иностранной компанией не менее 25% акционерного или уставного капитала на начало 2022 г.

На *третьем этапе* показатели по компаниям были агрегированы и проанализированы в страновом, отраслевом и региональном разрезе, а также сопоставлены с официальными статистическими данными Росстата по России в целом, отдельным регионам и отраслям: ВВП, инвестициями в основной капитал, среднесписочной численностью персонала и оборотом организаций.

На *четвертом этапе* сделана попытка провести типологию регионов России по роли уходящих иностранных компаний и динамике промышленного производства в них в 2022 г.

Результаты и обсуждение

Оценка роли уходящих иностранных компаний. В общестрановом разрезе (см. табл. 1) уходящие с 2022 г. иностранные компании в среднем за 2017–2021 гг. имели суммарную выручку 4,3 трлн руб. (или 2,07% общей по России выручки /оборота/ организаций) и суммарную среднесписочную численность персонала 285 тыс. чел. (или 0,65% общероссийской среднесписочной численности работников организаций). Доля уходящих иностранных компаний в инвестициях оценивается в 0,38% (за инвестиции в разрезе компаний принят прирост внеоборотных активов), а в ВВП – 3,99% (с ВВП сопоставлена сумма выручки и прироста внеоборотных активов).

Данные цифры *на несколько процентных пунктов меньше* оценок, проведенных в большинстве зарубежных исследований.

Т а б л и ц а 1

Масштабы деятельности уходящих из России иностранных компаний в сопоставлении с общероссийскими показателями

Среднегодовые за 2017–2021 гг. показатели уходящих из России иностранных компаний	Абсолютное значение, среднее за 2017–2021 гг.	Доля в соответствующем общероссийском показателе, %
Выручка / оборот организаций, млрд руб.	4 270	2,07
Внеоборотные активы, млрд руб.	1 637	0,68
Прирост внеоборотных активов (абсолютный за год, в номинальном выражении) / инвестиции в основной капитал, млрд руб.	74	0,38
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	285	0,65
Выручка + прирост внеоборотных активов / ВВП, млрд руб.	4 344	3,99

Источник: составлено по данным [6] и «СПАРК-Интерфакс».

В разрезе отраслей экономики основная часть уходящих компаний (по абсолютным значениям, рисунки 1, 2) пришлась на обрабатывающие производства (107 тыс. чел., или 37% среднесписочной численности ра-

ботников уходящих компаний, и 1 495 млрд руб., или 35% выручки уходящих компаний), а также *торговлю* оптовую и розничную (54 тыс. чел., или 19% среднесписочной численности работников уходящих компаний, и 1 705 млрд руб., или 40% выручки уходящих компаний).

Помимо абсолютных масштабов ухода иностранных компаний, важно рассмотреть *долю уходящих иностранных компаний в отдельных отраслях* (относительные значения). Максимальная доля уходящих компаний в среднесписочной численности работников и выручке всей отрасли характерна для деятельности в области *информации и связи*, только по выручке — также в деятельности *гостиниц и предприятий общественного питания*.

Выше среднего доля уходящих компаний в отрасли по среднесписочной численности персонала наблюдается также в деятельности финансовой и страховой, деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, обрабатывающих производствах и торговле оптовой и розничной; по выручке — в обрабатывающих производствах, обеспечении электроэнергией, газом, паром и водой, деятельности профессиональной, научной и технической.

Таким образом, *наиболее пострадавшими* от ухода иностранных компаний отраслями являются обрабатывающая промышленность, а также отрасли сферы услуг как потребительского сектора, так и наукоемкие.

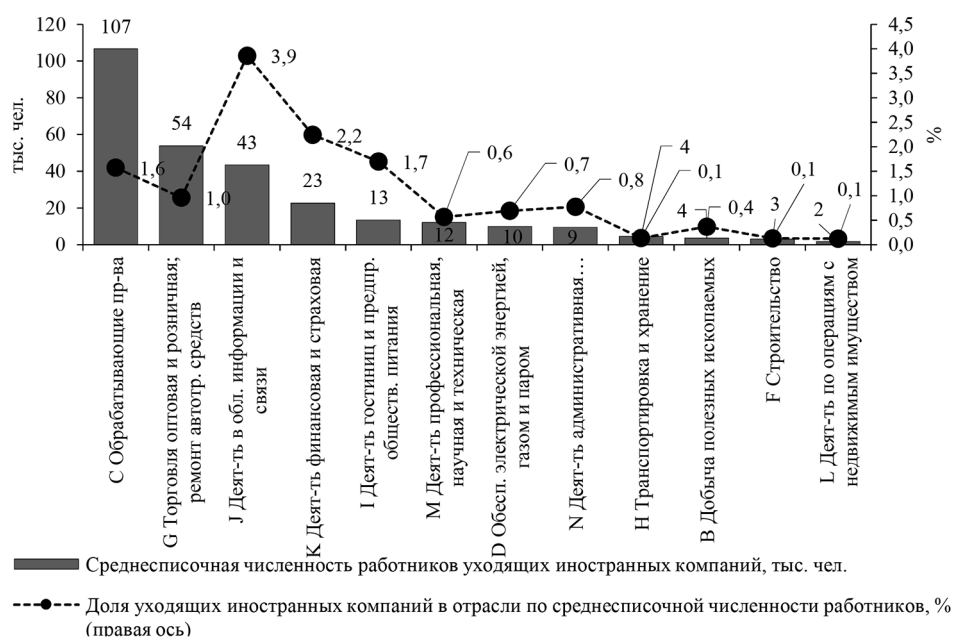

Рис. 1. Роль уходящих иностранных компаний по среднесписочной численности персонала в 2017–2021 гг. в разрезе отраслей

Источник: составлено по данным [6] и «СПАРК-Интерфакс».

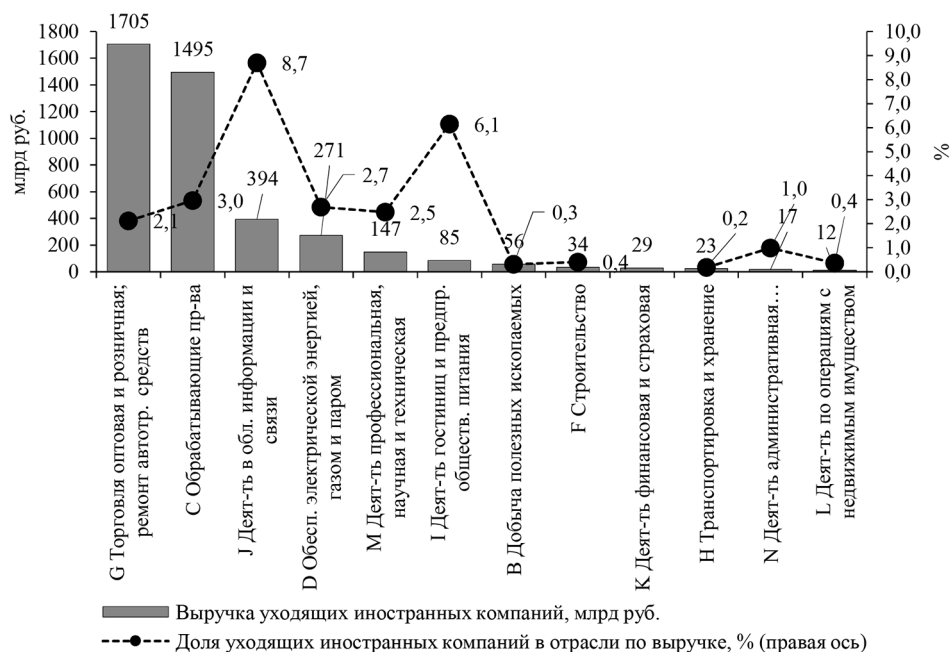

Рис. 2. Роль уходящих иностранных компаний по средней за 2017–2021 гг. выручке в разрезе отраслей

Источник: составлено по данным [6] и «СПАРК-Интерфакс».

По отдельным отраслям промышленности уходящие компании распределены более равномерно, тем не менее выделяется наиболее пострадавшая отрасль – автомобилестроение (см. рис. 3, 4). На нее по суммарной среднесписочной численности работников приходится 32% (39 тыс. чел.), по выручке – 35% (640 млрд руб.) от всех уходящих компаний промышленности⁷. Также высокие абсолютные показатели уходящих компаний промышленности приходятся на производство бумаги и бумажных изделий, а также обеспечение электроэнергией, газом и паром.

В относительном измерении наибольшая доля уходящих иностранных компаний по среднесписочной численности работников и по выручке⁸ характерна для производства табачных изделий, производства автотранспортных средств, производства бумаги и бумажных изделий (для данных отраслей она составляет более 10% как по среднесписочной численности работников, так и по выручке), а также производства электрического оборудования, производства напитков, производства прочих машин и оборудования, производства химических веществ, производства резиновых и пластмассовых изделий, производства не-

⁷ Среднесписочная численность работников уходящих компаний всех отраслей промышленности в целом составляет 120 тыс. чел., выручка – 1,8 трлн руб.

⁸ В промышленности в целом доля уходящих компаний по среднесписочной численности работников составляет 1,23%, по выручке – 2,28%.

металлической минеральной продукции, производства мебели и обработки древесины.

Таким образом, среди отраслей промышленности наиболее пострадали от ухода иностранных компаний преимущественно высокотехнологичные отрасли. Главным образом, автомобилестроение, а также деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная отрасли, производство табачных изделий и напитков, где к 2022 г. сформировалась высокая доля иностранного капитала).

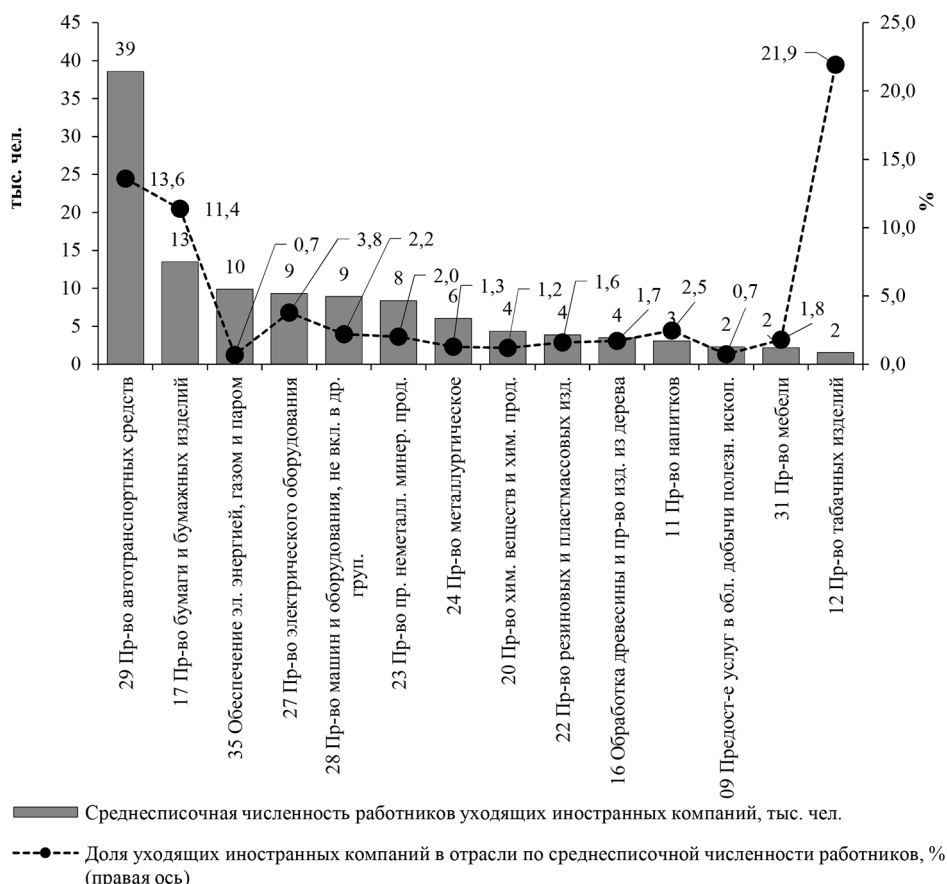

Рис. 3. Роль уходящих иностранных компаний по среднесписочной численности персонала в 2017–2021 гг. в разрезе отраслей промышленности

Источник: составлено по данным [6] и «СПАРК-Интерфакс».

При рассмотрении ухода иностранных компаний в региональном разрезе в целом по экономике (см. табл. 2) видно, что уход иностранных компаний коснулся только 46 регионов (примерно половина регионов России). Это, по большому счету, является следствием высокой территориальной концентрации иностранных производств в России.

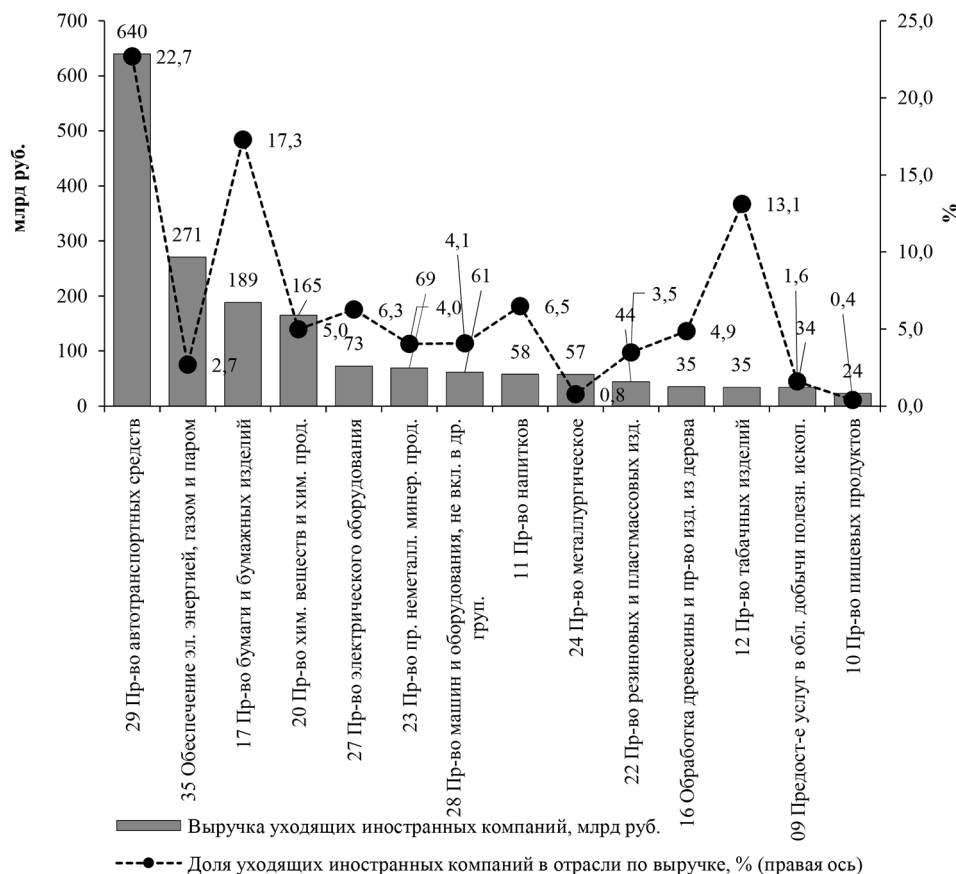

Рис. 4. Роль уходящих иностранных компаний по средней за 2017–2021 гг. выручке в разрезе отраслей промышленности

Источник: составлено по данным [6] и «СПАРК-Интерфакс».

Абсолютные показатели ухода иностранных компаний определяются преимущественно размером экономики региона. По абсолютным показателям, характеризующим уходящие компании, лидирует Москва — на нее приходится 51% общестрановой среднесписочной численности работников уходящих компаний (144 тыс. чел.) и 48% общестрановой выручки уходящих компаний (2 трлн руб.). Высокими абсолютными показателями уходящих компаний характеризуются Московская область и Санкт-Петербург, а также Самарская область (где основной вклад внесла негативная ситуация в автомобилестроении).

По *относительным показателям* — доле уходящих иностранных компаний в среднесписочной численности работников и выручке компаний наиболее неблагоприятная ситуация (доли выше средних по стране) складывается в *автомобилестроительных* Самарской, Калужской, Ленинградской областях и регионах со значительной долей иностранных компаний в *деревообработке* — Республике Коми, Карелии, Марий

Эл и Новгородской области. Данная тенденция не обходит и регионы с крупными диверсифицированными экономиками — Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Свердловскую области, хотя влияние данного фактора в них менее болезненно.

Т а б л и ц а 2

Агрегированные показатели уходящих компаний по регионам России

Субъект Российской Федерации	Численность работников (средняя за 2017–2021 гг.), чел.	Доля по численности работников, %	Выручка (средняя за 2017–2021 гг.), млн руб.	Доля по выручке, %
1	2	3	4	5
Республика Коми	11 234	3,69	141 847	11,51
Самарская область	33 197	3,26	360 987	10,07
г. Москва	144 211	2,91	2 029 876	4,07
Ленинградская область	9 617	1,82	162 127	5,87
Калужская область	3 793	1,19	18 774	1,25
г. Санкт-Петербург	22 858	1,08	334 599	2,26
Республика Марий Эл	1 899	1,07	3 551	0,89
Московская область	23 834	1,07	703 502	5,12
Свердловская область	9 127	0,62	230 212	3,61
Новгородская область	920	0,48	12 055	2,29
Республика Татарстан	5 684	0,45	92 666	1,37
Камчатский край	475	0,39	2 169	0,59
Республика Карелия	709	0,38	8 349	1,46
Приморский край	1 995	0,36	9 715	0,46
Ростовская область	3 179	0,30	20 397	0,52
Ульяновская область	908	0,26	7 791	0,89
Пермский край	1 608	0,21	9 753	0,29
Краснодарский край	2 771	0,20	36 086	0,65
Кировская область	723	0,19	1 816	0,22
Вологодская область	638	0,18	2 416	0,16
Ярославская область	539	0,13	5 388	0,43

Источник: составлено по данным [6] и «СПАРК-Интерфакс».

Примечание: полужирным шрифтом с заливкой выделены регионы, где относительные показатели выше среднероссийских.

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4	5
Рязанская область	391	0,12	3 701	0,37
Тюменская область	540	0,12	17 334	0,65
Саратовская область	680	0,11	8 475	0,62
Липецкая область	354	0,10	4 472	0,30
Нижегородская область	1 045	0,09	10 518	0,26
Тверская область	297	0,08	6 292	0,63
Орловская область	154	0,07	1 226	0,25
Сахалинская область	128	0,07	2 408	0,17
Владимирская область	198	0,05	1 871	0,16
Смоленская область	95	0,03	0	0,00
Воронежская область	224	0,03	4 672	0,20
Челябинская область	333	0,03	6 145	0,15
Ивановская область	40	0,02	111	0,02
Ставропольский край	56	0,01	1 108	0,07
Калининградская область	23	0,01	36	0,00
Тульская область	32	0,01	93	0,01
Красноярский край	60	0,01	5 645	0,13
Тамбовская область	13	0,01	70	0,01
Кемеровская область	37	0,00	1 478	0,04
Белгородская область	8	0,00	0	0,00
Республика Башкортостан	14	0,00	47	0,00
Удмуртская Республика	3	0,00	0	0,00
Забайкальский край	1	0,00	0	0,00
Хабаровский край	1	0,00	0	0,00
Волгоградская область	1	0,00	45	0,00
Итого	284 646	0,65	4 269 824	2,07

Рассмотрение ухода иностранных компаний *в региональном разрезе по промышленности (см. табл. 3)* показывает, что уход иностранных компаний *коснулся 37 регионов* (вместо 46 при рассмотрении экономики в целом).

Абсолютные показатели уходящих компаний становятся значительно меньше (по сравнению с рассмотрением экономики в целом)

для регионов с крупной и диверсифицированной экономикой – Москвы, Санкт-Петербурга, Московской области. На Москву приходится всего 15% общестрановой среднесписочной численности работников и 25% общестрановой выручки уходящих компаний, что во многом говорит о том, что большинство уходящих из Москвы компаний работает в сфере услуг. В остальном (по абсолютным и относительным показателям) аналогичные тенденции ухода иностранных компаний из промышленности *проявляются для тех же регионов, как и в случае ухода иностранных компаний из экономики в целом.*

Абсолютные показатели уходящих иностранных компаний также относительно велики для автомобилестроительных Самарской, Ленинградской, Калужской областей, деревообрабатывающей Республики Коми, относительно диверсифицированных Свердловской области и Республики Татарстан.

Относительные показатели – доли уходящих иностранных компаний в регионе по среднесписочной численности работников и выручке наиболее велики в деревообрабатывающих и автомобилестроительных Республике Коми и Самарской областях (на уходящие компании приходится более 10%), а также Ленинградской области. Выше среднероссийских доли иностранных компаний в Москве, Свердловской области, Санкт-Петербурге, Московской области, а также в Калужской, Новгородской областях и Приморском крае (опять же, в основном из-за отраслей автомобилестроения или деревообработки).

Т а б л и ц а 3

Агрегированные показатели уходящих компаний промышленности по регионам России

Субъект РФ	Численность работников (средняя за 2017–2021 гг.), чел.	Доля по численности работников, %	Выручка (средняя за 2017–2021 гг.), млн руб.	Доля по выручке, %
1	2	3	4	5
Республика Коми	11 234	17,05	141 847	20,67
Самарская область	32 141	11,59	358 613	18,99
Ленинградская область	9 186	6,20	102 470	6,58
г. Москва	17 606	3,64	446 635	3,58
Калужская область	3 793	3,42	18 774	1,80
Республика Марий Эл	1 899	3,39	3 551	2,06
Свердловская область	9 102	2,21	225 272	7,58

Источник: составлено по данным [6] и «СПАРК-Интерфакс».

Примечание: полужирным шрифтом с заливкой выделены регионы, где относительные показатели выше среднероссийских.

О к о н ч а н и е т а б л . 3

1	2	3	4	5
Камчатский край	475	2,06	2 169	1,98
г. Санкт-Петербург	7 224	1,96	201 843	4,88
Приморский край	1 995	1,88	9 715	2,21
Республика Карелия	688	1,72	6 884	2,37
Новгородская область	920	1,63	12 055	4,05
Московская область	7 156	1,35	126 339	2,96
Ростовская область	3 055	1,33	10 201	0,73
Республика Татарстан	3 632	1,09	47 074	1,34
Краснодарский край	2 242	1,09	15 739	1,09
Ульяновская область	908	0,91	7 791	1,88
Кировская область	723	0,71	1 816	0,48
Тюменская область	540	0,69	17 334	1,52
Пермский край	1 462	0,63	5 551	0,30
Саратовская область	680	0,46	8 475	1,22
Рязанская область	391	0,44	3 701	0,79
Ярославская область	480	0,44	5 263	0,97
Липецкая область	354	0,39	4 472	0,49
Орловская область	154	0,34	1 226	0,70
Нижегородская область	902	0,30	10 020	0,60
Тверская область	290	0,28	6 182	1,19
Воронежская область	224	0,16	4 672	0,59
Владимирская область	198	0,14	1 871	0,25
Челябинская область	333	0,10	6 145	0,29
Ставропольский край	56	0,06	1 108	0,23
Вологодская область	54	0,06	211	0,02
Красноярский край	60	0,03	5 645	0,21
Тульская область	32	0,02	93	0,01
Республика Башкортостан	13	0,00	30	0,00
Кемеровская область	12	0,00	1161	0,06
Белгородская область	6	0,00	0	0,00
Итого	120 218	1,24	1 821 947	2,12

Таким образом, региональная картина ухода иностранных компаний во многом определяется географией прямых иностранных инвестиций в 1990–2010-е гг. и соответствующим размещением иностранных производств, а также отраслевой специализацией. И ключевой фактор, определяющий высокую долю уходящих иностранных компаний в регионе — его специализация на автомобилестроении или деревопереработке, связанными с рынками недружественных стран. Во-первых, потому что это одни из наиболее пострадавших от ухода иностранных компаний отрасли (см. выше). Во-вторых, иностранные активы именно в этих пострадавших отраслях вносили существенный вклад в региональные экономики⁹.

В связи с этим наиболее критичная ситуация с точки зрения ущерба региональным рынкам труда и бюджетам складывается в регионах иностранного автомобилестроения и иностранного деревоперерабатывающего комплекса. Регионы, специализирующиеся на высокотехнологичной промышленности и наукоемких услугах, в которых также велика доля уходящих компаний, — преимущественно крупные и диверсифицированные. Здесь проблема ухода иностранных компаний наиболее критична не для региональных рынков труда, а с точки зрения дальнейшего технологического развития отраслей и экономики страны в целом.

Типология регионов по динамике промышленного производства и роли уходящих иностранных компаний промышленности

Для оценки влияния фактора ухода иностранных компаний на динамику промышленного производства в регионах, а также дальнейшего прогноза ситуации в промышленности логично разделить регионы России по динамике промышленного производства в 2022 г. и масштабу ухода иностранных компаний из промышленности, начавшегося в 2022 г.

На рисунке 5 отражено распределение регионов по динамике промышленного производства в 2022 г. и масштабу ухода иностранных компаний из промышленности, начавшегося в 2022 г. (оценен через долю выручки уходящих иностранных компаний промышленности в обороте организаций промышленности). На рисунке 6 — значения индекса промышленного производства в регионах в 2022 г. и регионы с уходящими иностранными компаниями промышленности.

Исходя из данных распределений, регионы России разделяются на несколько типов, которые отражены в таблице 4.

⁹ Другие сильно пострадавшие от ухода иностранных компаний отрасли — производство бумаги, табачных изделий или напитков, и иностранные активы в них, не вносили существенного вклада в экономику регионов ввиду своего относительно небольшого масштаба.

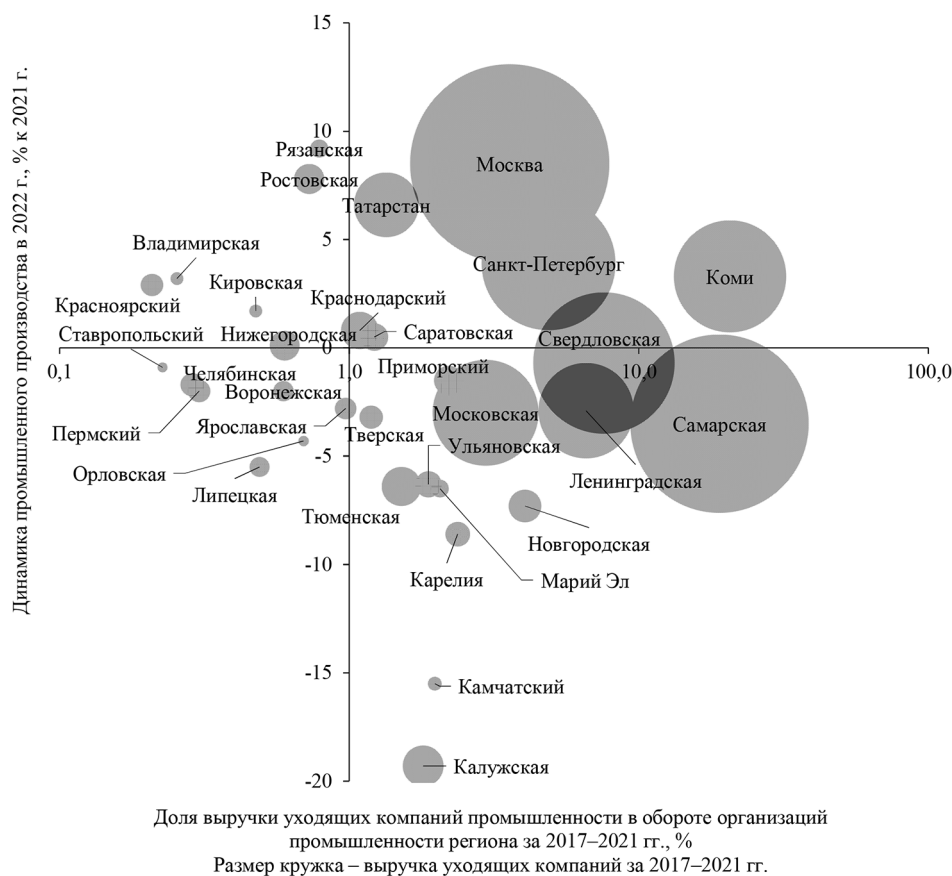

Рис. 5. Распределение регионов по динамике промышленного производства в 2022 г. и доле уходящих иностранных компаний промышленности

Источник: составлено по данным Росстата, [6] и «СПАРК-Интерфакс».

Как видно, доля уходящих иностранных компаний в промышленности регионов сильно различается и в некоторой степени определяет динамику промышленного производства в них в 2022 г.

Более крупные *регионы с диверсифицированной структурой экономики*, даже если имеют высокую долю уходящих компаний, с точки зрения общего промышленного производства *чувствуют себя лучше*. Относительно благоприятна ситуация в Москве и Санкт-Петербурге. Не сильно критична динамика в Московской и Свердловской областях.

Среди регионов, где несмотря на уход иностранных компаний наблюдается *положительная динамика промышленного производства*, — субъекты Российской Федерации, специализирующиеся на отраслях, показавших положительную динамику в 2022 г. В основном такая ситуация наблюдается в регионах Приволжского федерального округа.

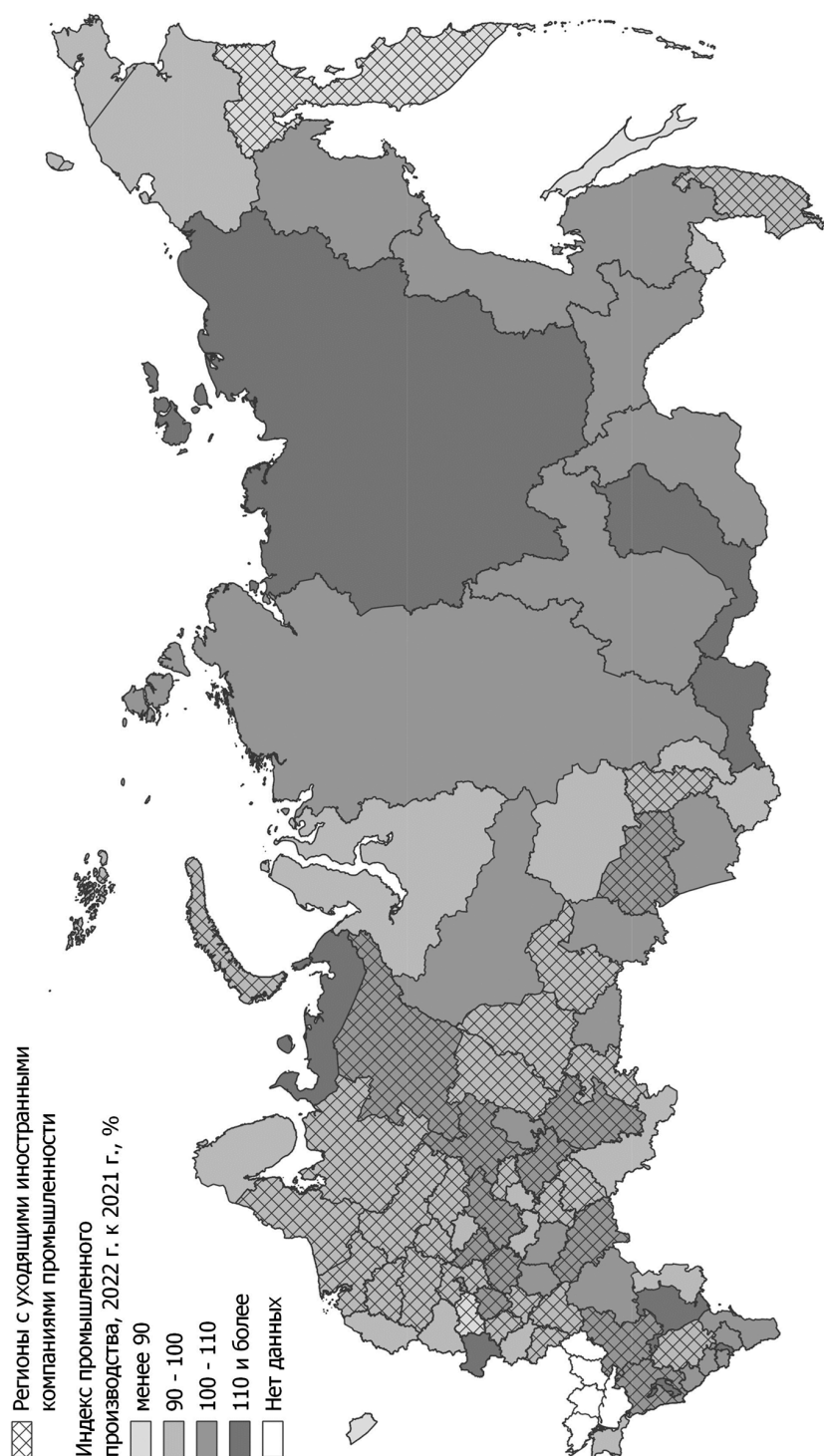

Рис. 6. Индекс промышленного производства в регионах в 2022 г. и влияние на него фактора ухода иностранных компаний промышленности

Источник: составлено по данным Росстата, [6] и «СПАРК-Интерфакс».

Т а б л и ц а 4

**Типы регионов по динамике промышленного производства
в 2022 г и роли ухода иностранных компаний промышленности**

Тип	Регионы
1. Крупнейшие диверсифицированные регионы с высокой ролью уходящих компаний, но положительной динамикой промышленного производства	Москва, Санкт-Петербург
2. Крупные относительно диверсифицированные регионы с высокой ролью уходящих иностранных компаний и слабоотрицательной динамикой промышленного производства	Московская, Свердловская, Самарская области
3. Средний относительно диверсифицированный регион с высокой ролью уходящих иностранных компаний и отрицательной динамикой производства	Калужская область
4. Малые слабодиверсифицированные регионы с высокой ролью уходящих иностранных компаний и отрицательной динамикой промышленного производства	Республики Коми и Карелия, Новгородская область, Приморский край
5. Средние относительно диверсифицированные регионы со средней ролью уходящих иностранных компаний и положительной динамикой промышленного производства	Республика Татарстан, Краснодарский край, Саратовская область
6. Средние относительно диверсифицированные регионы со средней ролью уходящих иностранных компаний и слабоотрицательной динамикой промышленного производства	Ленинградская, Воронежская, Тверская, Ярославская, Липецкая, Ульяновская, Кировская, Ставропольский и Пермский края
7. Регионы с малой ролью иностранных компаний и положительной динамикой промышленного производства	Остальные регионы с индексом промышленного производства > 100% в 2022 г. к 2021 г.
8. Регионы с малой ролью иностранных компаний и отрицательной динамикой промышленного производства	Остальные регионы с индексом промышленного производства < 100% в 2022 г. к 2021 г.

Источник: составлено по данным Росстата, [6] и «СПАРК-Интерфакс».

Менее диверсифицированный регион, имеющий высокую долю иностранных компаний, заявивших об уходе, как правило, характеризуется негативной динамикой промышленного производства. Наиболее сильно фактор ухода иностранных компаний повлиял на такие регионы, как Калужская и Новгородская области, Республики Карелия и Коми, Приморский край.

Поскольку фактор ухода иностранных компаний влияет на негативную динамику промышленного производства на протяжении более длительного периода, чем, к примеру, санкционные ограничения внешней торговли, именно в этих регионах следует ожидать более затяжной спад промышленного производства и негативное его влияние

на рынок труда. В остальных регионах, где произошел спад промышленного производства в 2022 г., возможно более быстрое восстановление при прочих равных условиях.

Некоторые выводы

1. Уход иностранных компаний вместе с санкционными ограничениями внешней торговли оказал существенное влияние на экономическую динамику в России после 2022 г. Несмотря на относительно невысокую долю уходящих компаний в экономике в целом (0,65% по численности занятых и 2,07% по выручке) и в промышленном производстве (1,23% по численности занятых и 2,28% по выручке) в частности (по состоянию на середину июня 2023 г.), полагаем, что это окажет негативное воздействие как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах, проявляясь в нарушении сложившихся цепочек добавленной стоимости и технологическом отставании.

2. Роль уходящих иностранных компаний велика не только в некоторых высокотехнологичных отраслях промышленности и наукоемких услугах, но и в прочих отраслях экономики, в т.ч. связанных с потребительским сектором, куда иностранные компании также привнесли значительное количество технологий. С точки зрения участия иностранных компаний в цепочках добавленной стоимости и технологическом развитии отраслей, вопрос дальнейшего замещения их деятельности остается открытым. Поэтому прямая оценка влияния ухода иностранных компаний на экономику может быть недостаточна.

3. Максимальная роль уходящих компаний пришлась на отрасли, в которых к 2022 г. наблюдались высокие доли иностранного капитала: деятельность в области информации и связи, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность финансовая и страховая, а также обрабатывающие производства. Среди отраслей промышленности — производство автомобилей, производство бумаги, производство табачных изделий.

4. Региональный срез роли уходящих компаний имеет двойное проявление.

В крупнейших городах (как правило, за счет услуг, а не промышленности) ситуацию не стоит считать критичной, т.к. они обладают диверсифицированной экономической структурой, и уход иностранных компаний сказывается негативно не столько на региональных рынках труда, сколько на технологическом развитии экономики страны в целом.

В субъектах Российской Федерации, специализирующихся на автомобилестроении и деревопереработке (Самарская, Калужская, Ленинградская и Новгородская области, Республика Коми и Приморский край) уход компаний наиболее негативно повлиял на социально-экономическую ситуацию. Причем, чем менее крупным и диверсифицированным является регион, тем ситуация в нем более критична.

5. Предварительный анализ судьбы иностранных компаний (проводится в рамках параллельного исследования) показал, что наиболее легко находят новых собственников предприятия, связанные с производствами товаров широкого потребления (в т.ч. продуктов питания) и строительных материалов, там, где имеется гарантированный спрос и характерна относительная простота производства. Наиболее трудно находят собственников предприятия автомобилестроения (в основном переданы госкомпаниям или регионам), что связано с высокой фондоемкостью отрасли и сильной технологической и организационной увязкой с предыдущими собственниками.

С учетом данного фактора ситуация в субъектах Российской Федерации, специализирующихся на автомобилестроении, становится наиболее критичной в среднесрочном периоде.

Список литературы

1. Sonnenfeld J., Vakil R., Tian S., Zaslavsky S., Bhansali Y. It Pays for Companies to Leave Russia // SSRN Electronic Journal. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2022/06/24/it-pays-for-companies-to-leave-russia/> (дата обращения: 10.06.2023).
2. Sonnenfeld J., Tian S., Sokolowski F., Wyrebkowski M., Kasprowicz, M. Business Retreats and Sanctions are Crippling the Russian Economy // SSRN Electronic Journal. URL: <https://sentinel.ro/wp-content/uploads/2022/07/Russian-Economic-Impact-Slide-Deck-July-2022-Copy.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Mylovanov T., Onoprienko A., Shapoval N., Gribanovskiy O. How to Identify Foreign Business in Russia and What are the Key Issues of Creating and Keeping a Full List of the Largest Foreign Companies in Russia // SSRN Electronic Journal. URL: https://www.researchgate.net/publication/369926268_How_to_Identify_Foreign_Business_in_Russia_and_What_are_the_Key_Issues_of_Creating_and_Keeping_a_Full_List_of_the_Largest_Foreign_Companies_in_Russia (дата обращения: 10.06.2023).
4. Onoprienko A., Hrybanovskiy O., Shapoval N. How the Income of Foreign Businesses in the Russian Federation Has Changed in 2022 and Why So Many Companies Still Do Not Leave // SSRN Electronic Journal. URL: https://www.researchgate.net/publication/370902501_How_the_income_of_foreign_businesses_in_the_Russian_Federation_has_changed_in_2022_and_why_so_many_companies_still_do_not_leave (дата обращения: 10.06.2023).
5. Evenett S., Pisani N. Less than Nine Percent of Western Firms Have Divested from Russia // SSRN Electronic Journal. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4322502 (дата обращения: 10.06.2023).
6. Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain // Yale school of management. URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain> (дата обращения: 10.06.2023).

References

1. Sonnenfeld J., Vakil R., Tian S., Zaslavsky S., Bhansali Y. It Pays for Companies to Leave Russia, *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://corpgov.law.harvard.edu/2022/06/24/it-pays-for-companies-to-leave-russia/> (accessed 10 June 2023).

2. Sonnenfeld J., Tian S., Sokolowski F., Wyrebkowski M., Kasproicz, M. Business Retreats and Sanctions are Crippling the Russian Economy, *SSRN Electronic Journal*. Available at: <https://sentinela.ro/wp-content/uploads/2022/07/Russian-Economic-Impact-Slide-Deck-July-2022-Copy.pdf> (accessed 10 June 2023).

3. Mylovanov T., Onopriienko A., Shapoval N., Gribovskiy O. How to Identify Foreign Business in Russia and What are the Key Issues of Creating and Keeping a Full List of the Largest Foreign Companies in Russia, *SSRN Electronic Journal*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/369926268_How_to_Identify_Foreign_Business_in_Russia_and_What_are_the_Key_Issues_of_Creating_and_Keeping_a_Full_List_of_the_Largest_Foreign_Companies_in_Russia (accessed 10 June 2023).

4. Onopriienko A., Hrybanovskiy O., Shapoval N. How the Income of Foreign Businesses in the Russian Federation Has Changed in 2022 and Why So Many Companies Still Do Not Leave, *SSRN Electronic Journal*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/370902501_How_the_income_of_foreign_businesses_in_the_Russian_Federation_has_changed_in_2022_and_why_so_many_companies_still_do_not_leave (accessed 10 June 2023).

5. Evenett S., Pisani N. Less than Nine Percent of Western Firms Have Divested from Russia, *SSRN Electronic Journal*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4322502 (accessed 10 June 2023).

6. Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia—But Some Remain, *Yale school of management*. Available at: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain> (accessed 10 June 2023).

THE ROLE OF WITHDRAWING FOREIGN COMPANIES IN THE ECONOMY OF RUSSIAN REGIONS

The article analyzes the role of foreign companies that announced their withdrawal from Russia after 2022 in the economy of the country as a whole, its industries and regions. The role of withdrawing foreign companies in industry is examined in more detail. The existing list of withdrawing foreign companies forms the basis of the analysis.

Russian legal entities related with these foreign companies were selected. The financial indicators of these legal entities has been aggregated and compared with official statistics. The highest role of withdrawing foreign companies among sectors of the economy in the manufacturing industry and consumer and science-intensive services. Among industrial sectors — is in automotive, paper, tobacco and beverages industries, wood processing and some sub-sectors of mechanical engineering. In the regional context, the highest role of withdrawing foreign companies is in two types of regions: the largest cities and the automotive and wood processing regions. The withdrawal of foreign companies from the largest cities will affect previously on the technological development of industries and the economy as a whole. In the automotive and wood processing regions, the withdrawal of foreign companies is most critical for labor markets, especially if the region's economy is small and undiversified.

Keywords: foreign companies, foreign capital, withdrawal from markets, regional economy, regional industry, regional labor markets.

JEL: R11, R12, R32

Дата поступления — 19.06.2023 г.

БОБРОВСКИЙ Роман Олегович

лаборант-исследователь научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: rbobrovskiy@yandex.ru

BOBROVSKIY Roman O.

Laboratory Researcher of the Scientific Laboratory “Regional Policy and Regional Investment Processes”;

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny lane, Moscow, 109992.

e-mail: rbobrovskiy@yandex.ru

Для цитирования:

Бобровский Р.О. Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России // *Федерализм*. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 197–219.
DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-197-219>

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять — от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов — от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов — название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6–8 строк (100–250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5–7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал — 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу — затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал — 1,0. Отступ — 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы — по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний — 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле — 2,0; нижнее поле — 2,5; левое поле — 2,0; правое поле — 1,5.

Принятые сокращения: год — г. годы — гг.; в том числе — в т.ч.; то есть — т.е.; так как — т.к.; тому подобное — т.п.; тысячи — тыс.; миллионы — млн; миллиарды — млрд; рубли — руб.; доллары — долл.; век — в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремитесь к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdg и не экспортируйте файлы *.cdg в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Научный журнал
«Федерализм»
ISSN 2073-1051

2023
Том 28
№ 2
(110)

Scientific Journal
«Federalism»
ISSN 2073-1051

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 29.06.2023.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 14. Усл. печ. л. 19,6.
Уч.-изд. л. 17,47.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

© ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
2023

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by «Ural-Press» catalogue.
Index 72005

In case materials from “Federalism” are repro-
duced, the reference to the source is manda-
tory. Materials not accepted for publication are
not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the au-
thors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 29.06.2023.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 14. Conv. sheets 19.6.
Publ. sheets 17.47.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

© Russian University of Economics,
2023